

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

МАРТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Слово о самоизвиненіи, произнесенное на литургіи прежде-освященныхъ даровъ 1-го марта въ Харьковскомъ Каѳедральномъ соборѣ . . . . . Преосвященнаго Амвросія.

Постепенное отпаденіе христіанскаго Запада отъ православія (окончаніе). Д-ра православнаго богословія Владиміра Гете (съ франц.) . . . . . К. Истомина.

Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія . . . . . Т. Стоянова.

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Біографическій очеркъ (продолженіе) . . . . . Т. Буткевича.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Возможна-ли философія? Профессора Московской духовной академіи (окончаніе) . . . . . В. Нудряцева.

Критическое обозрѣніе обычныхъ взглядовъ и сужденій о различныхъ видахъ общественной дѣятельности и началахъ общественного благоустройства (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи . . . . . П. Линицкаго.

Письма философа Сенеки (продолженіе) . . . . . * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе листка: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго общества.—Отъ комитета для сбора пожертвованій бѣднымъ церквамъ и приходамъ Харьковской епархіи.—Вѣдомость о количествѣ свѣчей, отпущенныхъ изъ склада комиссіонера, священника Алексѣя Лобковскаго, Старобѣльскаго уѣзда 5-го округа, за 1883 годъ.—Извѣстія и замѣтки.

ХАРЬКОВЪ.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ Вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и иснаній лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ своего приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія Правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относяціяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе журнала 10 руб.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связкѣ съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ приобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Новымъ подписчикамъ журнала „Вѣра и Разумъ“ первая книжка за прошлый январь мѣсяць будетъ выслана Редакціею по отпечатаніи ея *вторымъ изданіемъ*—при 6-й книжкѣ, а вторая—при 7-й.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Марта 15 дня 1884 года.

Цензоръ Протоіерей *Т. Павловъ*

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго

НА ЛИТУРГІИ ПРЕЖДЕОСВЯЩЕННЫХЪ ДАРОВЪ *)

О САМОИЗВИЩЕНІИ.

Не уклони сердце мое въ слова лукавствія, нещевати вины о грѣсахъ. (Пс. 140. 4.).

Эти слова изъ 140 псалма Давидова мы всегда слышимъ на литургіи преждеосвященныхъ Даровъ въ ряду стиховъ, составляющихъ столь любимое нами церковное пѣснопѣніе: *да исправится молитва моя*. Вознося отъ cadaго изъ насъ умиленные молитвенныя слова: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя, вонми гласу моленія моего*, и воодушевляя насъ къ молитвѣ прекраснымъ образомъ восхожденія къ небу жертвеннаго ниміама.—это пѣснопѣніе влагаетъ въ уста наши и два знаменательныя прошенія: *положи, Господи, хрипение устамъ моихъ*, и то, которое мы прочли: *не уклони сердце мое въ слова лукавствія, нещевати вины о грѣсахъ*. Остановимся на послѣднемъ, какъ имѣющемъ ближайшее отношеніе къ настоящему времени покаянія.

По русскому переводу оно читается такъ: „не дай уклониться сердцу моему къ словамъ лукавымъ для из-

*) Пронесено 1 марта въ Харьковскомъ Каоедральномъ соборѣ.

виненія дѣлѣ грѣховныхъ“. Нельзя не удивляться силѣ и глубинѣ этого указанія на дѣлую обширную и вмѣстѣ печальную область нашей нравственной жизни, которой мы большею частію и не примѣчаемъ, — это: *извиненіе себя во грѣхахъ*. Что мы грѣшимъ, это естественно, — хотя прискорбно и страшно, — такъ какъ мы рождаемся во грѣхахъ (Пс. 50, 7.). Что Сынъ Божій силою крестной Своей жертвы снялъ съ насъ бремя грѣховъ прирожденныхъ и въ таинствахъ покаянія и пріобщенія даровалъ намъ врачевство отъ грѣховъ свободныхъ, т. е. нашихъ собственныхъ, — это утѣпительно и радостно. Вотъ прямые отношенія наши къ правдѣ Божіей и милосердію Божію. „Вѣги“, говорятъ намъ святые отцы и учителя наши, „отъ страшнаго суда правды Божіей къ Божію милосердію“. Содержать себя въ постоянномъ опасеніи грѣха, какъ причины нашей вѣчной гибели, и носить въ сердцѣ сокрушеніе о грѣхахъ содѣланныхъ съ постоянною заботою объ исправленіи и съ упованіемъ на милость Спасителя нашего, — вотъ прямой путь ко спасенію. Но въ нашей дѣйствительной жизни въ эти два ясныя нравственныя состоянія незамѣтно влетается третье: извиненіе во грѣхахъ, дѣлаемое нами самими — себѣ самимъ. Что это? Грѣхами мы оскорбляемъ Господа Бога нашего Создателя: Ему одному принадлежитъ и судъ надъ нами: *Мнѣ отмщеніе. Азъ воздамъ—глаголетъ Господь* (Рим. 12, 14). Опредѣленіе важности и силы оскорбленія, причиняемаго грѣхами нашими Господу, и мѣра вины и наказанія грѣшникамъ Ему же принадлежитъ, такъ какъ даже по законамъ правды человѣческой преступникъ можетъ только просить у судей, какъ милости, облегченія наказанія, но оправдывать себя въ преступленіи доказанномъ и прощать его самъ себѣ не можетъ. Откуда-же мы заимствовали этотъ обычай извинять себя во грѣ-

хахъ, уменьшать ихъ значеніе и тяжесть, не справляясь съ закономъ правды Божіей? Откуда эта легкомысленная надежда на прощеніе, выражаемая словами: „Богъ милостивъ, Богъ проститъ“, надежда не оправдываемая подвигомъ покаянія? Не есть-ли это дерзкое выговариваніе себѣ уступокъ отъ правосудія Божія? Не есть-ли это хула на безконечное Божіе милосердіе, превращающая его въ нѣкое слабое простодушіе, какъ-бы дающее дерзкому оскорбителю право и поводъ къ дальнѣйшимъ оскорбленіямъ правосудія Божія? — Подобное вторженіе лжи и лукавства въ нашу нравственную жизнь могло произойти не отъ кого иного, какъ отъ врага нашего спасенія— „отца лжи-дьявола, челоуѣкоубійцы отъ начала“ (Іоан. 8, 44). Онъ на нашу гибель извратилъ смыслъ самой первой заповѣди Божіей, данной въ раю нашимъ прародителямъ; подъ его стѣдъ и они, первые грѣшники, повредили полнотѣ своего покаянія самоизвиненіемъ: „жена, которую Ты мнѣ далъ, она дала мнѣ отъ дерева, и я ѣлъ“, говоритъ Господу Адамъ: „зміѣ обольстилъ меня, и я ѣла“, говоритъ Ева. (Быт. 3, 5. 12. 13). Потому-то Давидъ и называетъ всѣ наши извиненія *словами лукавствія*, и зная по опыту слабость человѣческую въ борьбѣ съ страшнымъ врагомъ нашимъ и удобопреклонность нашего сердца къ самоизвиненію и самооправданію, призываетъ въ помощь благодать Божію: „не дай, Господи, уклониться сердцу моему къ словамъ лукавымъ для извиненія дѣлъ грѣховныхъ“. Нужна и намъ, сл., особенно въ настоящее время, постоянная и усердная молитва къ Господу, чтобы силою благодати Своей Онъ удерживалъ сердца наши отъ склоненія къ лукавымъ рѣчамъ самоизвиненія, столь нынѣ многочисленнымъ и разнообразнымъ. Намъ кажется, что мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что это извиненіе

себя во грѣхахъ нынѣ становится страшнѣе самыхъ грѣховъ.

Нѣтъ возможности указать и обсудить порознь всѣ лукавыя рѣчи самоизвиненія, повреждающія правильное теченіе нашей духовной жизни, какъ невозможно въ короткое время перечислить и описать всѣ болѣзни, повреждающія и разрушающія наше тѣло. Врачебная наука раздѣляетъ болѣзни по родамъ ихъ и описываетъ по тѣмъ частямъ тѣла, которыя ими повреждаются: внутреннія, наружныя, грудныя и пр. Послѣдуемъ и мы этому правилу для указанія различныхъ родовъ самоизвиненія по тѣмъ частямъ нашей нравственной жизни, гдѣ они производятъ наибольшее разстройство и опустошенія.

Первое зло, какое мы причиняемъ себѣ самоизвиненіемъ, есть затемненіе и ослабленіе въ нашемъ умѣ и сознаніи точнаго смысла и объема заповѣдей закона Божія. Заповѣди, данныя намъ отъ Господа, отличаются ясностію и опредѣленнымъ указаніемъ, на родъ добродѣтелей, какія отъ насъ требуются, и преступленій, отъ которыхъ онѣ насъ предостерегаютъ. *Помни день субботній*, разумѣется, — всегда и постоянно, и самое слово: *помни* указываетъ намъ на обязанность содержать умъ нашъ въ бодрствennomъ состояніи по отношенію къ этой заповѣди; *уми отца твоего и мать*, разумѣется, — во всѣхъ случаяхъ, когда это легко и трудно; *не укради*, разумѣется, — ни большаго, ни малаго, ни прямо, ни косвенно; *не убій*, разумѣется, — никакимъ способомъ, ни быстрымъ, ни медленнымъ; *не лжесвидѣтельствуй*, разумѣется, — ни въ какомъ случаѣ обвиненія поступка или поведенія ближняго; *не прелюбодѣйствуй*, разумѣется, — ни дѣломъ, ни мыслию, ни въ брачномъ, ни въ безбрачномъ состояніи. За нарушеніе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ заповѣдей намъ

угрожаетъ судъ Божій и осужденіе на смерть вѣчную, если не покаемся и не исправимся. Ничего средняго, т. е. ни уступокъ, ни ограниченій, ни исключеній, ни условій здѣсь нѣтъ и не поставлено верховнымъ Законодателемъ и Судіею. Кто-же можетъ ихъ поставить? Попытайся кто-нибудь даже изъ людей властныхъ въ законы государственные внести свое правило, или при рѣшеніи дѣла дать закону произвольное и ложное толкованіе: какъ посмотритъ на это Государь, единственно полноправный законодатель для своихъ подданныхъ? По этому примѣру власти и правды земной можно судить, какъ велико наше ослѣпленіе, когда мы рѣшаемся дѣлать ограниченія и ложныя толкованія въ законахъ Царя небеснаго. Говорить-ли уже о томъ, какъ на дѣлѣ мы обращаемся съ заповѣдями Божими? Приводить-ли образцы и примѣры нашего самоизвиненія въ нарушеніи ихъ? Каждый изъ насъ, взглянувъ по совѣсти на свою собственную жизнь, легко увидитъ это несчастное собраніе рѣчей лукавыхъ, которыми мы освобождаемъ себя — и отъ законнаго препровожденія дней, посвященныхъ Господу, и отъ строгаго исполненія обязанностей по отношенію къ родителямъ, и отъ неприкосновенности чужой собственности и чести, и отъ сохраненія безопасности и счастья своего ближняго, и отъ соблюденія во всей строгости цѣломудрія. Мы говоримъ: „невозможно не согрѣшить противъ всѣхъ этихъ заповѣдей“. Правда; но, если согрѣшилъ, и говори, что согрѣшилъ, и приноси покаяніе; но стой передъ закономъ прямо въ благоговѣніи и страхѣ, не лукавь, не ищи себѣ двусмысленныхъ извиненій, а проси помилованія у Господа и помощи благодати Его въ борьбѣ съ грѣхомъ на будущее время. Если законъ Божій есть для насъ зеркало, въ которомъ мы можемъ и должны видѣть пятна и поврежденія на душѣ нашей,

чтобы по его указаніямъ исправлять и очищать себя: то мы нашими оговорками и исключеніями повредили и запятнали въ нашемъ умѣ и сознаніи это самое зеркало; мы лишили его надлежащей вѣрности въ отображеніи нашихъ пороковъ, а въ слово Божіе для повѣрки своего сознанія и для возстановленія въ умѣ нашемъ во всей ясности закона Божія — не заглядываемъ. Вотъ почему наша жизнь, даже и при внутреннемъ своемъ безобразіи, кажется намъ добропорядочною и благовидною, доколѣ не прорвется изъ нея, какъ изъ прикрытой пропасти, чудовища ужасающихъ преступленій. Вотъ почему мы не чувствуемъ нужды ни въ покаяніи, ни въ исправленіи, ни въ нравственномъ самоусовершенствованіи. У насъ въ нашихъ потемкахъ — все прекрасно.

Второе неизбежное послѣдствіе самоизвиненія во грѣхахъ есть отупѣніе нашей совѣсти. Совѣсть есть отзывъ сердца, или всей чувствующей духовной природы нашей на всякую мысль и желаніе, переходящія въ жизнь. Отзывъ этотъ въ неиспорченномъ сердцѣ бываетъ радостный при появленіи доброй мысли и при совершеніи добраго дѣла. — скорбный и болѣзненный при совершеніи преступленія. Чувствуя на себѣ тяжесть грѣха и стремясь по природѣ къ духовному совершенству, мы жаждемъ мира совѣсти или того сладостнаго ощущенія отъ согласія и легкости въ дѣятельности всѣхъ нашихъ духовныхъ силъ, какія даетъ намъ исполненіе закона Божія: „по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ“. говоритъ Апостоль (Рим. 7, 22): „открой очи мои, и увижу чудеса отъ закона Твоего“, молится псалмопѣвецъ (Пс. 118, 18). Поэтому, тѣмъ живѣе порывъ нашего сердца къ нашему исправленію, чѣмъ яснѣе въ умѣ нашемъ представленіе о величествѣ Божіемъ и благотворности Его закона. Выра-

жаясь *страхомъ осужденія* при обзорѣни содѣланныхъ нами грѣховъ; *ободрътіемъ* при исправленіи, *дерзновеніемъ и радостію* при внутренней правотѣ,—этотъ голосъ сердца или совѣсти является постояннымъ внутреннимъ показателемъ состоянія нашего духа, такъ что его можно сравнить съ тѣми инструментами, которыми мы пользуемся для различенія перемѣнъ воздушныхъ. Доколѣ этотъ духовный снарядъ въ насъ не поврежденъ,—показанія его вѣрны; въ противномъ случаѣ, мы постоянно находимся въ заблужденіи относительно своего нравственнаго состоянія. Мы можемъ быть спокойны, но не отъ того, что освободились отъ опасности осужденія, а отъ того, что не чувствуемъ этой опасности; мы можемъ быть бодры, даже дерзновенны (или правильнѣе,—дерзки) но не потому, что освободились отъ узъ грѣха, а потому, что сбросили съ себя узду закона; мы можемъ быть веселы, но не отъ радостнаго ощущенія мира совѣсти, а отъ взыгранія сердца, возбужденнаго плотскими удовольствіями. И какъ при представленіи себѣ во всей доступной намъ ясности величества Божія и святости Его закона мы постепенно возвышаемся къ тому состоянію, которое на языкѣ библейскомъ называется *хожденіемъ предъ Богомъ*, или пребываніемъ въ чувствѣ присутствія Божія и *страхомъ Божиимъ*: такъ при удаленіи изъ души нашей памяти о Богѣ мы постепенно переходимъ въ безстрашіе, безчувствіе, и погружаемся въ то ужасное состояніе, которое въ словѣ Божіемъ называется безпробуднымъ сномъ и духовною смертію (Еф. 5, 14), когда человекъ, „видя не видитъ, и слыша не слышитъ“ (Мат. 13, 14), когда на него, какъ на мертвый трупъ, и самый громъ небесный не производитъ никакого впечатлѣнія. Къ такимъ-то состояніямъ и приводятъ насъ постепенно и незамѣтно:—это выговариваніе себѣ изъ закона Божія

послабленія и позволенія на то или другое, несогласное съ точнымъ его смысломъ,—это оправданіе себя въ нарушеніи заповѣди, какъ въ дѣлѣ не особенно важнымъ,—это удаленіе отъ себя всякой мысли объ отвѣтственности по надеждѣ на благость Божию въ такое время, когда надлежало-бы думать о правдѣ Божіей. Последній исходъ такого состоянія есть привычка ко грѣху, несчастная способность уживаться съ нимъ, заглушать ропотъ совѣсти и искать счастья не въ совершенствѣ духа, а въ свободѣ плотской жизни и въ обиліи ея наслажденій. Бывали-ли вы, сл., въ ночлежныхъ домахъ большихъ городовъ, гдѣ ютится нищета и порокъ? Выходя изъ подобнаго убѣжища, грязнаго и смраднаго, вы съ ужасомъ спрашиваете себя: какъ тутъ живутъ люди? Но они живутъ въ этой нечистотѣ и духотѣ, потому что прижились, придышались, привыкли. До такого-же состоянія доходить и душа грѣшника, все себѣ прощающаго и во всемъ себя извиняющаго.

Наконецъ, самоизвиненіе есть главнѣйшее препятствіе къ употребленію для нашего исправленія единственно вѣрныхъ средствъ, предлагаемыхъ намъ Церковію. И самый безпечный изъ насъ знаетъ, что освобожденіе себя отъ грѣховныхъ привычекъ и приученіе къ добродѣтели невозможно безъ тяжелой борьбы и великаго труда. И сколько бы мы ни увлекались ложными мыслями относительно святой Церкви нашей, но при небольшомъ вниманіи къ себѣ и при первыхъ попыткахъ къ исправленію, мы сознаемся, что нѣтъ для насъ нигдѣ иного надежнаго руководства для покаянія и исправленія, кромѣ Церкви, ея ученія, правилъ и предписываемыхъ ею упражненій. Большинство-же православныхъ христіанъ нашихъ, благодареніе Богу, еще не сомнѣвается въ этомъ. Но посмотрите, сколько и здѣсь вредятъ намъ—самоизвиненіе, саморазрѣшенія,

оговорки и исключенія. Если бы при леченіи тѣлесной болѣзни кто позволилъ себѣ такія уклоненія отъ предписаній врача, какія мы позволяемъ себѣ относительно заповѣдей Церкви при врачеваніи больныхъ душъ нашихъ: мы сочли-бы это безразсуднымъ, мы сказали бы такому больному: ты умрешь. Но это именно преступное легкомысліе мы и позволяемъ себѣ, когда напр. на заповѣдь Церкви о воздержаніи отъ излишествъ и увеселеній говоримъ: „мы этого не можемъ, отъ этого больны, это противно принятымъ обычаямъ“. Относительно молитвы говоримъ: „намъ некогда“; относительно духовнаго чтенія для отрезвленія ума: „это не наше дѣло, а духовенства“; относительно бдѣнія надъ помыслами и пожеланіями и борьбы съ искушеніями: „это дѣло монаховъ“ и т. д. Есть поучительное въ этомъ отношеніи для насъ сказаніе изъ жизни одного изъ нашихъ святыхъ подвижниковъ. Къ знаменитому старцу пришли иноки просить указанія для нихъ высшихъ подвиговъ духовнаго совершенства, но на слова подвижника о высшихъ подвигахъ поста, бдѣнія и молитвы они отвѣчали: „мы этого не можемъ, и этого не можемъ, и этого не можемъ“. Тогда старецъ, выслушавъ эти отвѣты гостей своихъ, говоритъ ученику своему: „накорми ихъ и отпусти“. Если и для насъ въ дѣлѣ самоисправленія одно лишнее, другое трудно, третье не соотвѣтствуетъ нашему общественному положенію: то и намъ ничего не остается болѣе, какъ погружаться въ жизнь чувственную и, по слову Апостола, „жить по нашимъ плотскимъ похотямъ, исполнять желанія плоти и помысловъ“ и оставаться, какъ были люди до искупленія,—„по природѣ чадами гнѣва“. (Еф. 2, 3). Но тогда мы должны уже отказаться и отъ имени христіанскаго и отъ надежды спасенія.

Чтобы мы не забывали этого ученія о трезвенномъ

стояніи въ духѣ предъ Богомъ и святымъ Его закономъ, Господь воплотилъ для насъ это ученіе въ одномъ прекрасномъ образѣ и, конечно, съ цѣлію, чтобы мы чаще возстановляли этотъ образъ въ своемъ воображеніи. Мы говоримъ о мытарѣ кающемся. Онъ въ своей молитвѣ о прощеніи грѣховъ не фарисействуетъ, не говоритъ о своихъ добрыхъ дѣлахъ, которыя, конечно, и у него были, не оправдываетъ себя въ притѣсненіи народа при сборѣ податей и въ обидахъ бѣднымъ людямъ тѣмъ, что это неизбѣжно, что это сопряжено съ его несчастною должностію, что у него само-го семейство, что всѣ такъ дѣлають, и т. под. Ставъ вдали отъ алтаря Господня, у порога храма, онъ, какъ истинно сознающій вины свои грѣшникъ, „не смѣлъ даже поднять глазъ своихъ на небо, но ударяя себя въ перси говорилъ: „Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику“. (Лук. 18. 13). Аминь.

ПОСТЕПЕННОЕ ОТПАДЕНІЕ

ХРИСТИАНСКАГО ЗАПАДА ОТЪ ПРАВОСЛАВІЯ

(Окончаніе *).

XII.

Португальская церковь съ честью можетъ указать на богослова глубоко образованнаго, котораго можно признать однимъ изъ послѣднихъ защитниковъ православія въ западныхъ церквахъ.

Этотъ богословъ - Перейра, возбудившій противъ себя своимъ сочиненіями всю іезуитскую клику. Его *Богословская попытка (Tentative theologique)* есть превосходное произведеніе, въ которомъ онъ подтверждаетъ православное ученіе свидѣтельствами великихъ западныхъ богослововъ. Другое сочиненіе написано имъ о *власти епископовъ*, а третье носитъ названіе: *Доказательство митрополичьяго права касательно посвященія и утвержденія викарныхъ епископовъ, и доказательство правъ епископовъ каждой провинціи касательно посвященія и утвержденія своихъ митрополитовъ, независимо отъ случаевъ разрыва съ Римскимъ дворомъ.*

Перейра, пересматривая всю цѣль преданія, сличаетъ церковныя памятники, со всѣхъ сторонъ представляющіе ему свидѣтельства въ подтвержденіе его положеній.

Захваты гражданскою властью въ отношеніи къ церкви и ультрамонтанскія посягательства противъ власти мірской вызыва-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 4.

ли часто явленія плачевныя; но Божественная мудрость извлекала добро изъ самого зла, но крайней мѣрѣ явленія эти вызывали разсмотрѣнiе взаимныхъ правъ и привлекали вниманiе истинныхъ христіанъ къ первымъ христіанскимъ вѣкамъ; впрочемъ, эти вѣка всегда будутъ оставаться для Запада одною лишь теоріею, пока онъ добровольно не возвратится къ древнимъ формамъ іерархическаго управленія и церковной дисциплины.

Въ 1767 году, Климентъ XIII писалъ къ португальскому королю посланіе, въ которомъ хлопоталъ о примиреніи двухъ дворовъ. Отвѣтъ короля, изложенный съ уваженіемъ и достоинствомъ, показываетъ, съ чьей стороны допущены были несправедливые поступки. Впрочемъ, честь и заслуга осуществленія примиренія между двумя дворами вышла уже на долю мудрости Ганганеллы, преемника Климента XIII.

Два факта изъ новой исторіи доказываютъ, что португальское правительство въ своихъ сношеніяхъ съ Римомъ и теперь сохраняетъ свое прежнее положеніе.

Первый изъ этихъ фактовъ есть депеша, посланная изъ Рио-Жанейро 1-го апрѣля 1815 года на имя португальскаго министра въ Римъ. Въ своей депешѣ бразильскій принцъ-регентъ сообщаетъ, что ему стала извѣстною папская булла отъ 7-го августа 1814 года, которою папа Пій VII возстановляетъ іезуитское общество, отмѣняя этимъ буллу славной памяти Климента XIV, закрывшаго этотъ орденъ; его высочество, удивленный этимъ рѣшеніемъ, объявляетъ, что онъ удерживаетъ во всей силѣ указъ 1759 года, воспрещавшій существованіе іезуитскаго ордена въ Португаліи. Онъ приказываетъ своему посланнику въ Римъ заявить дипломатическою ногою, что не можетъ допустить никакихъ сношеній, касающихся возобновленія закрытаго общества. Бразильское правительство формально извѣстило о своемъ рѣшеніи апостолическаго нунція въ Рио-Жанейро, и при посредствѣ своихъ агентовъ увѣдомило объ этомъ-же и всѣ дворы, съ формальнымъ приказаніемъ агентамъ не допускать и не принимать никакихъ возможныхъ сообщеній въ пользу іезуитовъ со

стороны дворовъ, при которыхъ агенты аккредитованы.— Перехожу къ другому событію.

Среди множества журналовъ, издававшихся въ Лондонѣ, изъ которыхъ четыре выходили на португальскомъ языкѣ, ежемѣсячно появлялась книга (*cahier*) подъ названіемъ: *O investigador portuguez*, содержащая серьезныя статьи и интересныя разсужденія о религіи, воспитаніи, наукахъ и литературѣ. Редакторомъ этого журнала былъ ученый церковно-служитель.

Апрѣльская книжка 1817 года начиналась *политико-каноническою* статьею о церковной дисциплинѣ касательно избранія епископовъ. Она указывала на первые вѣка, когда правители епархій были избираемы голосами духовенства и народа. Эта форма избранія признается въ статьѣ единственно законосообразною. Тексты, приведенные изъ дѣяній соборовъ и изъ твореній отцевъ церкви, вполне согласны между собою въ этомъ отношеніи. Между авторитетными свидѣтельствами, приводимыми авторомъ, число которыхъ можно было-бы увеличить до чрезвычайности, онъ помѣщаетъ и слѣдующее правило, основанное, по автору, на правѣ естественномъ, на правѣ Божественномъ и на внушеніи здраваго смысла: „кто призывается управлять всѣми, тотъ долженъ быть и избираемъ всѣми“.

Вслѣдъ за этимъ авторъ излагаетъ перемены, испытанныя этою дисциплиною съ теченіемъ вѣковъ. На пространствѣ этихъ вѣковъ уже можно видѣть прелатовъ, избираемыхъ то капитулами, то князьями. Исторія представляетъ многіе примѣры панъ, утвержденныхъ императорами. Къ этому числу принадлежатъ и св. Григорій Великій, обратившійся къ императору Маврикію для полученія своего утвержденія. Но спустя нѣсколько вѣковъ послѣ этого, это обыкновеніе было измѣнено въ противоположномъ смыслѣ, и папы, соединивши съ христіанскимъ первенствомъ своимъ политическую власть, стали распространять свою власть и въ мірской сферѣ управленія народовъ, и захватили въ свои руки право утвержденія всѣхъ епископовъ, хотя законы самые положительныя, а также преданіе к постоянный

обычай церковей усвояютъ это право самимъ провинціальнымъ епископамъ.

Это нарушеніе древней дисциплины повело къ прекращенію обыкновенія созывать помѣстные соборы и отъ митрополичьей власти остался, наконецъ, лишь одинъ пустой титулъ.

Авторъ, специально примѣняющій свои изслѣдованія и свои разсужденія къ церкви португальской, находитъ, что новая церковная дисциплина относительно поставленія епископовъ противорѣчитъ правиламъ христіанства. Онъ требуетъ, чтобы отнынѣ епископы были избираемы капитуломъ, какъ представителемъ провинціального пресвитерства, потомъ утверждаемы и посвящаемы митрополитомъ, съ согласія короля, который, по своему званію покровителя канонѳвъ, и долженъ охранять эти каноны и пр. и пр.

Обнародованіе этой статьи совпало съ очень важнымъ обстоятельствомъ, случившимся въ церкви португальской.

Когда архіепископскій престолъ въ Эворѳъ сталъ вакантнымъ, король назначилъ на него очень почтеннаго церковнослужителя, отца Іоавима Санта-Клара, котораго фамильное имя было Брандонъ, монаха бенедиктинскаго ордена, профессора богословія въ Коимбрѳъ. Римъ отказалъ ему въ каноническомъ поставленіи за то, что онъ одобрилъ синодъ Пистойскій и составилъ похвальное слово въ честь маркиза Помбаля,—похвальное слово, которое Римъ называетъ *скандаломъ*. Тѳмъ не менѳе, не желая ссориться съ Бразильскимъ дворомъ, кардиналъ, государственный секретарь, передалъ полномочному португальскому министру въ Римѳ ноту, въ которой, изложивши причины нанесаго отказа, указываетъ и средство покончить это дѳло миролюбиво: достаточно, говоритъ онъ, чтобы избранный написалъ намъ письмо и при этомъ кардиналъ посылаетъ ему образецъ самаго письма. Новозбранный архіепископъ не согласился на такой поступокъ; а написалъ письмо, которое не было согласно съ черновымъ письмомъ, присланнымъ изъ Рима; оно было написано *подъ диктовку* совѳтки, и такъ какъ новозбранный былъ человекомъ скромнымъ и богобояз-

неннымъ, то въ тоже время письмомъ отъ 24 апрѣля 1816 года онъ просилъ бразильскаго короля освободить его отъ несенія епископской тяжести.

Король, при посредствѣ своего министра, маркиза Агвилара, послалъ 30 іюля 1816 года новоизбранному архіепископу Эворы письмо, буквально приведенное въ *Investigador*'ѣ.

Этимъ письмомъ король объявляетъ, что онъ очень оскорбленъ отказомъ въ буллахъ каноническаго поставленія, для отца Іоакима, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто-бы ученіе новоизбраннаго подозрительно. Утверждать это, по словамъ королевскаго заявленія значитъ обвинять короля въ неблагоразуміи при своихъ выборахъ.

Утверждать-же, что похвальное слово маркизу Помбалу есть *скандалъ*, это значитъ въ глазахъ португальскаго короля наносить королю новое оскорбленіе, такъ какъ король не признаетъ похвальнаго слова неосновательнымъ.

Письмо къ папѣ, написанное нареченнымъ архіепископомъ, не было одобрено королемъ, хотя и было написано не по присланному образцу, а составлено въ духѣ признанія началъ, внушаемыхъ и одобряемыхъ совѣстію новонареченнаго. Тѣмъ не менѣе король не принялъ отставки новонареченнаго, такъ какъ король признаетъ его вполне достойнымъ занять Эворскую кафедру.

Король обязалъ своего министра въ Римѣ потребовать отъ папы немедленной присылки буллы каноническаго поставленія въ обыкновенной формѣ. Министръ употреблялъ въ своихъ переговорахъ съ папою формы и языкъ самые почтительные въ отношеніи къ святому престолу, но въ тоже время онъ не давалъ римскому двору никакой надежды на побѣду въ этомъ спорѣ, несправедливомъ въ отношеніи къ королю; онъ говорилъ, что если присылка буллы будетъ замедлена, то министръ будетъ настаивать на полученіи удовлетворенія, соразмѣрнаго съ оскорбленіемъ отъ медленности присылки; если-же римскій дворъ будетъ упорствовать, то министръ объявитъ рѣшеніе короля о прекращеніи сношеній съ Римомъ и о поставленіи епископовъ согласно съ древнею формою первенствующей церкви, чрезъ митрополита.

Король приказываетъ даже регенту Португаліи (въ случаѣ, если папа отъ медлительности запоздаетъ присылкою ставленной буллы) не принимать упоминаемой буллы, и даже отослать ее, если она будетъ содержать формулу или выраженія, указывающія на извиненіе, даруемое нареченному архіепископу, или будетъ содержать какое-либо посягательство со стороны святаго престола на вольности португальской церкви.

Такова сущность этого письма, написаннаго въ Рио - Женеирскомъ дворцѣ и помѣченнаго 30 іюля 1816 года.

Дѣло разрѣшилось тѣмъ, что получена была, изданная въ обыкновенной формѣ, була каноническаго поставленія для архіепископа Эворскаго; а это доказываетъ, что съ Римомъ мировая сдѣлка возможна единственно лишь тогда, когда говорятъ съ нимъ открыто и твердо.

XIII.

Испанія всегда была страной папизма; однако же и въ ней тоже случались слабыя попытки защитить православіе отъ римскихъ захватовъ.

Испанская церковь имѣла каноническій кодексъ, въ которомъ собраны были самыя мудрыя правила церковей греческой, африканской и галликанской. Святой Исидоръ Севильскій умножилъ и усовершенилъ этотъ кодексъ, который, будучи принятъ на всемъ полуостровѣ, способствовалъ процвѣтанію народныхъ нравовъ, охранялъ чистоту церковной дисциплины и митрополитчьи права до временъ владычества арабовъ. Епископы, избираемые духовенствомъ и народомъ, были поставляемы и посвящаемы безъ посредства Рима. Образъ веденія судебныхъ дѣлъ клиромъ и епископами, будучи опредѣленъ канонами, исключалъ всякій произволъ. Испанскія разрѣшенія, изъятія, перенесенія дѣлъ къ своему суду были неизвѣстны; когда обращались къ папѣ, то обращались только для совѣта въ затруднительныхъ случаяхъ, или въ случаяхъ, касавшихся интереса общаго для всей церкви. Эти факты очень хорошо раскрыты въ предисловіи, которое отецъ Буріэль, іезуитъ,

думалъ помѣстить въ началѣ предположеннаго имъ къ изданію *) дѣйствительнаго испоріанскаго кодекса и не имѣющаго никакого сходства съ ложными декреталями, извѣстными подъ именемъ Исидора *Меркатора*.

Грнемаръ Реймскій, кажется, первый повѣрилъ и авторизовалъ мнѣніе, будто сборникъ этихъ декреталій впервые появился въ Испаніи и составлялъ собою трудъ святаго Исидора Севильскаго. Странно, что самъ Арвиръ раздѣлялъ это заблужденіе. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, былъ-ли Рпеульфъ, епископъ Майнцскій, творцемъ этого подлога и затѣмъ компиляторомъ апокрифическаго кодекса, испровергнуаго древнюю церковную дисциплину и внесшаго смуту въ церковь. Отецъ Буріэль доказываетъ, что ложныя декреталии были неизвѣстны испанской церкви до двѣнадцатаго вѣка. Этотъ вѣкъ былъ послѣднимъ, когда они начали проникать и распространяться въ Испаніи; прежде-же этого роковаго распространенія, испанская церковь управлялась истиннымъ испоріанскимъ кодексомъ.

Испанскіе короли оказывали очень сильное вліяніе на церковныя дѣла и на церковнослужителей во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, которыя касались внѣшняго управленія церкви. Два выдающіеся ученые, Лоранъ и Марина, обнародовали памятники и доказательства, подтверждающіе, что до двѣнадцатаго столѣтія монархи полуострова, сообразно съ потребностями народовъ, сами открывали епископства, сами переносили и объединяли епископскіе престолы, назначали предѣлы епархій, отдѣляли отъ одной епархій приходы, чтобы присоединить ихъ къ другой, опредѣляли употребленіе и назначеніе церковныхъ имуществъ. Въ этомъ отношеніи, говоритъ Марина, короли Кастиліи и Леона только шли по стопамъ династіи готской. Въ числѣ другихъ примѣровъ Марина указываетъ, напримѣръ, Альфонса Великаго, который своею собственною властію очень увеличилъ епископства Овиедское и

*) Это чрезвычайно любопытное предисловіе обнародовано г. Серна-Сантавде-ромъ, подъ названіемъ: Proefatio historico critica in veram et genuinam collectionem veterum canonum Ecclesiae hispanae, a divo Isidorio hispanensi adornatam, etc; in—8° Bruxellae, imp. gal., anno 8.

Святаго Іакова и пр. Если эти дѣянія, пронестекавшія изъ королевской власти, были незаконны и предосудительны, то какъ понять то, что папа и духовенство не заявили противъ нихъ никакого протеста? Если же, напротивъ, эти дѣянія по своей природѣ были невинными, то какимъ образомъ они сдѣлались преступными позже?

Но Испанія въ свою очередь подпадала игу ультрамонтанскихъ правилъ; эти правила были занесены въ нее, въ царствованіе Альфонса VI, французскими клоніакійскими монахами, чему покровительствовала королева Констанція Бургундская, супруга Альфонса.

Независимость отъ епископской власти (*exemptions*), дарованная Римомъ этимъ монахамъ, ввела въ искушеніе монаховъ испанскихъ, которые для того, чтобы пріобрѣсть ее и себѣ, постарались ввести во всѣхъ монастыряхъ своихъ реформу Клонійскаго монастыря; епископы напрасно хлопотали объ уничтоженіи этой монашеской привилегіи. Милость королей превозмогла, и побѣда монаховъ была въ тоже время побѣдою Римскаго двора.

Григорій VII, предпринявшій замѣну испанской литургіи римскою литургіею, испыталъ очень сильное сопротивленіе со стороны епископовъ, всего духовенства и народа; но король и королева, убѣжденные клоніакійскими монахами, приняли, наконецъ, литургію римскую и отмѣнили мазарамбинскую, которая въ настоящее время udržивается лишь въ нѣкоторыхъ домовыхъ церквахъ Толедо.

Тотъ же папа вслѣдъ за этимъ хотѣлъ убѣдить кастильскихъ королей признать себя вассалами святаго престола; въ доказательство своего притязанія онъ ссылался на титулы, существовавшіе только въ головѣ кардинала Гюга *Кандида* (бѣлаго), котораго Флоренцъ называетъ *Нигеромъ* (чернымъ), ради противоположности.

Когда Альфонсъ завоевалъ у мавровъ королевство Толедское, то могъ самъ возобновить первенство толедскаго епископскаго престола, съ согласія остальныхъ епископовъ и по рѣшенію членовъ

готской династїи; но по убѣжденію монаховъ онъ обратился къ посредству Рима, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вмѣшаться въ испанскія дѣла. Бернардъ, первый архіепископъ послѣ изгнанія мавровъ, былъ французскій клоніецъ, который въ угоду своему честолюбію воспользовался своимъ вліяніемъ на Альфонса. Въмѣсто возстановленія епископскихъ престоловъ въ Комплутѣ, Секобрикѣ, Аркабрикѣ и Оретонѣ, онъ присоединилъ ихъ епархіи къ кафедрѣ Толедской, которая съ тѣхъ поръ составила изъ пяти епархій; вотъ начало чрезмѣрныхъ богатствъ архіепископа-примата.

Около половины тринадцатаго столѣтія митрополицья власть въ Испаніи проявлялась еще почти во всей своей полнотѣ. Въ подтвержденіе этого положенія, одинъ ученый юрисконсультъ ссылается на документы, приводимые у Маріана и въ законахъ *las partidas*. Митрополиты болѣе продолжительное время сохраняли право утвержденія и поставленія своихъ провинціальныхъ епископовъ, чѣмъ духовенство и народъ сохраняли право избранія ихъ. Право избранія, отнятое у законныхъ собственниковъ, стало нѣкоторымъ образомъ добычею, изъ-за которой спорили папству, нами и королю. Іоаннъ XII присвоилъ его себѣ. Альфонсъ XI жалуется на возникновеніе ссоры изъ-за папскаго обѣщанія наречать епископовъ только угодныхъ королю; затѣмъ Торскіе кортесы въ 1369 году опредѣлили, что только природные испанцы могутъ быть допускаемы къ церковнымъ должностямъ. Вслѣдъ за этимъ короли отняли у папъ право нареченія. Продолжительныя препрательства по этому поводу окончились только въ 1753 г.

XIV.

Между защитниками православія въ испанской церкви надобно указать на Гостата, съ честью засѣдавшего на Базельскомъ соборѣ и ставшаго потомъ епископомъ Авили. Онъ обладалъ умомъ обширнымъ и многоплоднымъ; его сочиненія очень многотомныя, хотя и очень мало читаемыя, содержатъ много разумныхъ замѣчаній о Священномъ Писаніи, о богословіи, о правахъ общества

христiанскаго и общества политическаго. Въ эту эпоху верховенство вселенскихъ соборовъ было признаваемо неопровержимымъ членомъ вѣры; и этотъ образъ мысленiя продолжался до Тридентскаго собора. Перейра доказываетъ это свидѣтельствами Тостата, Андрея Эскобора, Иоанна Сеговiя, Альфонса-де-Кастро, Гверреро, Алавы и Эсквивеля, къ которымъ можно еще присоединить Андрея, епископа Маiорки; и преподаванiе этого ученiя было прервано только iезуитами, что равнымъ образомъ доказываетъ Перейра въ томъ-же самомъ сочиненiи своемъ.

На соборѣ Тридентскомъ испанскiе прелаты и доктора блистали своимъ благочестiемъ, своимъ талантами, и, что болѣе рѣдко, своимъ мужествомъ. Вотъ признанiе, исторгнутое силою истины даже у Паллавичини. Болѣе тридцати испанскихъ отцевъ засѣдали на соборѣ; и только четыре или пять избѣжали нерасположенности Паллавичини, преимущественно тѣ, которые неоднократно по робости измѣняли правамъ своей церкви, помогая этимъ напскимъ легатамъ. Тѣмъ не менѣе Паллавичини сознается, что все испанскiе прелаты выдавались по своимъ добродѣтелямъ и по своему просвѣщенiю.

Дiего Алава, епископъ Асторгскiй, членъ этого собора, въ своемъ трактатѣ *о вселенскомъ соборѣ* начинаеть свое разсужденiе требованiемъ реформы папъ и кардиналовъ, опредѣляетъ народностями число этихъ послѣднихъ, принимая во вниманiе влiянiе, оказываемое ими на церковное управленiе и на избранiе первосвященника. Алава желаетъ, чтобы были приняты опредѣленiя Базельскаго собора.

Гверреро, епископъ Гренадскiй, негодуя на то, что кардинальское чванство уничтожаетъ и роняетъ достоинство епископовъ, преемниковъ апостоловъ, настаиваетъ на постановленiи опредѣленiя о томъ, что епископы поставляются по праву Божественному.

Испанскiй легатъ назвалъ въ лицо еретикомъ епископа Оренскаго за то, что послѣднiй съ силою опровергалъ кардинала Кресценцію, утверждавшаго, что папа выше соборовъ.

Епископъ Кадикскій заявляетъ отцамъ собора, что для полученія хорошихъ епископовъ нѣтъ никакой надобности въ панскомъ согласіи, потому что и безъ этого согласія святой Василій Великій, святой Григорій и многіе другіе были свѣтилми церкви, но въ шестнадцатомъ столѣтіи папы уже претендуютъ на исключительное право утвержденія епископовъ, и заявленіе епископа Кадикскаго вызываетъ большой ропотъ. Разсказъ объ этомъ обстоятельстве Гонзалеса-де-Мендоза, епископа Саламанскаго, тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что мнѣніе Гонзалеса было противоположно мнѣнію епископа Кадикскаго. Въ собраніи 1-го декабря 1562 года, тотъ-же самый прелатъ предлагаетъ собору примѣнять со всею силою, въ дѣлѣ избранія епископовъ, апостольскія правила, а въ дѣлѣ ихъ поставленія—правила Никейскаго собора, который не дѣлая никакого упоминанія о Римѣ, усволяетъ это право лишь митрополитамъ. Мгновенно ультрамонтаны прерываютъ его, производятъ страшный шумъ и обвиняютъ въ ереси всѣхъ испанскихъ епископовъ, въ свою очередь выражающихъ негодованіе при видѣ въ своей средѣ италіанскихъ собратій, столь невѣжественныхъ и столь вѣроломныхъ. Любопытныя подробности въ этомъ отношеніи собраны въ книгѣ: „Объ образѣ мышленія испанцевъ въ религіозныхъ дѣлахъ и о вольностяхъ испанской церкви“. Книга эта—посмертное произведеніе Франциска-Ксаверія Мэстра.

Изъ числа многихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о ревности испанской церкви въ дѣлѣ сохраненія или требованія церковныхъ вольностей, мы укажемъ на наиболѣе замѣчательныя.

Въ 1555 году, Мельхіоръ Кано, стоявшій потомъ епископомъ Канарскимъ, представилъ Карлу V, по поводу разногласій съ Римомъ, очень обстоятельную записку, въ которой онъ перечисляетъ испанскія злоупотребленія, говоритъ о трудности ихъ уничтоженія, о необходимости трудиться надъ этимъ и указываетъ на средства для успѣха въ этомъ дѣлѣ.

Въ 1633 году, донъ Жуанъ Хумацера и Кастилло, членъ совѣта Филиппа IV, короля испанскаго, былъ чрезвычайнымъ посланникомъ этого государя въ Римъ, вмѣстѣ съ Доминикомъ Ци-

ментелемъ, епископомъ Кордуанскимъ. Оба они представили Урбану VIII докладную записку о крайностяхъ, допущенныхъ въ Испаніи нунціатурою и различными агентами Римскаго двора въ отношеніи къ изъятіямъ и уступкамъ (*resignations*) церковныхъ имуществъ, а также относительно обременительныхъ пенсій, налагаемыхъ римскими агентами даже на приходское духовенство, въ пользу чужестранныхъ для Испаніи лицъ. Когда секретарь папскихъ посланій отъ имени папы написалъ имъ отвѣтъ, оба посланника тотъ-часъ-же представили очень сильное возраженіе, которое нѣсколько разъ было напечатано.

Надобно также съ похвалою указать на сочиненія Сальгадо, аббата Алкала-Реал'а, который въ половинѣ семнадцатаго вѣка обнародовалъ два прекрасные трактата объ обращеніи къ гражданской власти противъ незаконнаго суда власти церковной, а также о правѣ воспрещенія обнародованія папскихъ буллъ, когда буллы эти противорѣчатъ интересамъ государства.

Изъ всѣхъ испанскихъ сочиненій, изданныхъ по этому предмету, самое богатое фактами и доказательствами появилось въ 1709 г. Въ этомъ сочиненіи д-ръ Францискъ де-Солисъ, епископъ Кордуанскій, представилъ правительству свои соображенія противъ захватовъ власти, идущихъ со стороны Римскаго двора. Епископы, говоритъ авторъ, непосредственно отъ Іисуса Христа получили не только право посвященія, но и свою духовную юрисдикцію. Первенство святаго Петра истекаетъ изъ права Божественнаго; но пользованіе этимъ правомъ, будучи дѣломъ человѣческимъ, можетъ принимать въ своемъ примѣненіи болѣе или менѣе объемъ; епископы-же, преемники апостоловъ, какъ и папа, преемникъ святаго Петра, получили свою власть не отъ апостола Петра, но отъ самого Іисуса Христа; все то, что папа можетъ совершать въ епархіи Римской, тоже можетъ совершать и каждый епископъ въ своей епархіи, не опасаясь того, что сіяніе митры потемнитъ блескъ тиары. Нѣкогда епископы, въ своихъ письмахъ, признавали папу братомъ и сотоварищемъ своимъ. Избираемые согласно съ формою, принятою отъ апосто-

ловъ, они были посвящаемы и поставляемы митрополитами; при такомъ способѣ избранія церковь имѣла Амвросіевъ, Августиновъ, Анастасіевъ, Златоустовъ, а въ наши дни люди уже удивляются и даже соблазняются, когда узнаютъ, что эти знаменитые учителя были поставляемы на епископскія мѣста безъ папскихъ буллъ. Это доказываетъ сильное оглушеніе людей, доведенныхъ до вѣры въ то, что папскій дворъ и папская канцелярія, раздающая духовныя мѣста, есть какое-то *дѣйствительное присутственное мѣсто* (*bigesimix*) святаго Петра. Эти разсужденія автора приводятъ его къ другимъ, касающимся пренебреженія къ изученію древностей, прекращенія соборовъ, преимущественнаго значенія, усвоеннаго кардиналомъ предъ епископами и пр. Разумѣется, при изученіи древностей видъ западныхъ предразсудковъ, не признали-бы папу преемникомъ святаго Петра, а это еще болѣе упростило-бы вопросъ и послужило-бы на пользу православію.

Авторъ представляетъ затѣмъ длинный и очень странный перечень денежныхъ взмаканій, или лучше, какой-то *химическій* лексиконъ средствъ, помощію которыхъ превращаютъ въ золото пломбированный свинецъ, предназначенный быть печатью для папскихъ буллъ.

Какое-же надобно употребить лекарство противъ этихъ болѣзней? Солпесъ не ожидаетъ полученія его отъ Рима въ виду кратковременной жизни римскихъ первосвященниковъ и непотизма. Иннокентій XII, хотя пенитывалъ угрызенія совѣсти при видѣ безпорядковъ папской канцеляріи, раздающей духовныя мѣста, однако-же терпѣлъ эти безпорядки. Безуспѣшныя усилія противъ нихъ Хуманцерио и Иментеля доказываютъ бесполезность всѣхъ заявленій по этому поводу; желать прекращенія этихъ безпорядковъ, говоритъ авторъ, это значитъ мѣшать страждущему водяною болѣзнію пить воду.

Среди этихъ плачевныхъ обстоятельствъ, епископъ Кордуанскій видитъ спасеніе лишь въ твердости правительства при исполненіи каноническихъ правилъ, такъ какъ правительство признается

покровителемъ ихъ,—а также видитъ спасеніе въ созваніи національнаго собора. Въ заключеніе говоритъ, что примѣръ императоровъ и многочисленные опыты, представляемые испанскою исторіею, уже намѣтили путь, по которому должна идти гражданская власть во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

Четыре года спустя, то есть, въ 1713 году, казначей совѣта Мельхіоръ Маканасъ, представилъ въ совѣтъ другую записку противъ этихъ злоупотребленій. Онъ получилъ за это награду, присуждаемую почти всѣмъ знаменитымъ людямъ полуострова, но онъ былъ преслѣдуемъ инквизиціею.

Въ 1753 году, между папою Бенедиктомъ XIV и королемъ Фердинандомъ VI заключенъ былъ конкордатъ, о которомъ можно сказать, какъ и о конкордатѣ Льва X и Франциска I, что два лица, заключавшія условія и замѣнявшія другъ друга, одинъ въ отношеніи къ правамъ церковнымъ, а другой въ отношеніи къ правамъ народнымъ, взаимно усвоили себѣ то, что имъ не принадлежало. Папа жаловалъ испанскаго короля правомъ назначенія епископовъ на всѣ кафедръ, на всѣ прелатства; а король давалъ папѣ ежегодную сумму въ восемь милліоновъ реаловъ (около 500,000 рублей на наши деньги). Эта мировая сдѣлка, хотя очень тяжелая, была однако-же благодѣяніемъ, по крайней мѣрѣ, отрицательнымъ, потому что она произвела значительное уменьшеніе ежегодныхъ взносовъ звонкою монетою за высылку папскихъ буллъ. Тотчасъ-же, какъ только этотъ конкордатъ былъ предложенъ испанскимъ министромъ, Бенедиктъ XIV, предвидя, что это ежегодное пониженіе доходовъ лишь до восьми милліоновъ возбудитъ сильный гнѣвъ личностей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы сдѣлка не состоялась и, опасаясь за свою жизнь, если сдѣлка станетъ извѣстною прежде окончательнаго заключенія, поставилъ условіемъ, чтобы она сохранялась въ глубочайшей тайнѣ обѣими сторонами. Тайна была сохраняема до самаго обнародованія конкордата, принятаго многими съ явнымъ неудовольствіемъ.

Изгнаніе іезуитовъ, министерство Года и твердость, проявленная мадридскимъ кабинетомъ противъ посланія Климента XIII въ

1768 году по поводу притязаній на Пармское герцогство, пробудили Испанію. Въ этомъ году Лопецъ обнародовалъ свою иегорію буллы: *in coena Domini*. Эта булла, отвергаемая повсюду, была запрещена и въ Испаніи многими государственными постановленіями; со времени перваго запрещенія ея въ 1551 году всѣхъ запрещеній насчитываютъ болѣе двадцати. Равнымъ образомъ, булла была запрещена указомъ отъ 1716 года и въ Сициліи, тогда состоявшей въ зависмости отъ Испаніи.

Славный Кампоманесъ напечаталъ въ 1765 году трактатъ о царскихъ правахъ (*Regale*), въ каковомъ трактатѣ онъ разсматриваетъ права и обычаи гражданской власти различныхъ католическихъ странъ касательно неотъемлемыхъ вассальныхъ имуществъ (*les biens de main morte*). Всѣ дворы Бурбонской фамиліи просили его защитить Пармскаго герцога отъ притязаній Клементя XIII, который усвоилъ себѣ права сюзерена надъ Пармскимъ герцогствомъ. Испанія тѣмъ болѣе была раздражена этимъ, что при посредствѣ своего посланника, еще въ самомъ началѣ возникшаго спора, дѣлала бесполезныя усилія покончить разногласіе. По этому поводу Кампоманесъ въ 1769 году издалъ въ свѣтъ свое славное *Безпристрастное сужденіе*. Авторъ утверждаетъ въ немъ, что отлученія отъ церкви *ipso facto* суть новѣйшаго изобрѣтенія; онъ раскрываетъ условія, какія эта анаѰема должна имѣть для своей силы, и доказываетъ, что церковнаго отлученія, изрекаемаго при посредствѣ римскихъ увѣщательныхъ посланій, не должно бояться. Онъ говоритъ еще, что правительственное *exequatur* или *placet* при обнародованіи грамотъ, исходящихъ изъ Рима, требовалось съ начала шестнадцатаго столѣтія; кортесы 1520 года тоже требовали, чтобы имъ сообщали индульгенціонныя буллы. Съ 1568 года по 1768 возникали частыя разногласія между Римомъ и Испаніею изъ-за обязательства предварительнаго полученія *placet*, снова предписаннаго въ 1814 году. Само собою разумѣется, что эта (законодательная) статья не была забыта Кампоманесомъ. Авторъ присовокупляетъ въ концѣ, что галликанское ученіе тождественно съ ученіемъ испанскихъ богослововъ, во главѣ которыхъ

онъ помѣщаетъ Тостата. Если, говоритъ онъ, объединить все права испанской церкви, то изъ нихъ составятъ сборникъ равный и родственнѣе съ сборникомъ галликанскихъ вольностей. Таланты Кампоманеса возбудили противъ него зависть; а сдѣланное имъ употребленіе изъ своихъ талантовъ разожгло фанатизмъ; онъ былъ преслѣдуемъ. Вотъ къ чему долженъ предназначить себя каждый защитникъ истины въ нѣдрахъ римской церкви.

Если пріймемъ во вниманіе, что Испанія была поражена бичемъ инквизиціи, что это гнусное судилище налагало свое иго даже на епископовъ, что оно мучило самыхъ знаменитыхъ между ними; то надобно удивляться при видѣ столькихъ прелатовъ и докторовъ, раскрывавшихъ истинныя начала іерархіи и защищавшихъ дѣло святой древности. Инквизиція стремилась подавить все порывы генія и потушить всякій умственный свѣтъ. Вилланева приводитъ до восьми порицаній, изданныхъ святою инквизиціею противъ четырехъ французскихъ членовъ 1682 года.

Очевидно, что еслибы святая инквизиція захватила въ свои руки Боссюэта, то она сожгла бы его.

XV.

Въ представленной нами статьѣ по вопросу о постепенномъ отпаденіи западныхъ христіанъ отъ православія можно находить доказательства того, что все западныя церкви оказали большее или меньшее сопротивленіе папскимъ притязаніямъ и его нападѣніямъ на православіе.

Но во всехъ этихъ сопротивленіяхъ есть одно поразительное для насъ явленіе: никогда западныя церкви не возвышались до отверженія самой основы зла, то есть, до отрицанія самаго папства.

Для Запада, Востокъ всегда былъ *схизматическимъ*, потому что онъ отрицалъ папство. Вотъ одно изъ величайшихъ заблужденій чловѣческаго ума. Еслибы это заблужденіе не засѣло столь глубоко въ западныхъ умахъ, то уже давно все народы, остающіеся вѣрными папству, приняли бы истинное христіанство. Но заблужденіе до такой степени поразило западный умъ тяжкимъ недугомъ, что даже въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда цѣлые на

роды, какъ англичане и нѣмцы, отдѣлялись отъ папства, они рѣшительно не позаботились поискать первоначальнаго христіанства въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, а стали искать его въ своихъ собственныхъ частныхъ системахъ.

Послѣ первыхъ возстаній противъ папства, нѣкоторые реформаторы, болѣе другихъ просвѣщенные и болѣе другихъ благоразумные, подумали о Церкви восточной; но время было уже упущено. Каждый составилъ свою собственную систему, на основаніи такихъ или иныхъ толкованій Св. Писанія и фактовъ преданія, толкованій оцель фантастическихъ. Толкованія эти были приняты, и когда задумали войти въ соглашеніе съ Востокомъ, то хотѣли и Востоку навязать ихъ. Но Востокъ, существенно *вѣрный преданію*, не могъ принять ихъ. Онъ укрѣпился своимъ преданіемъ, давшимъ ему достаточную силу въ борьбѣ съ папствомъ, но въ то же время отвергавшимъ и новшества религіознаго рачіонализма, составляющаго основу протестантизма.

Итакъ Западъ, раздѣленный на два противоположные лагеря, на папистовъ и протестантовъ, шелъ своимъ путемъ. Папизмъ, понукаемый впередъ іезуитизмомъ, кончилъ тѣмъ, что утонулъ въ іезуитизмѣ; именно, такъ дѣло происходитъ въ настоящее время, *папизмъ пересталъ быть христіанскимъ*. Протестантизмъ же, вълѣдствіе своего религіознаго рачіонализма, пришелъ къ самому глубокому отрицанію христіанскихъ истинъ. *И протестантиство перестало быть христіанскимъ*.

Въ наше время христіанство на Западѣ существуетъ только по имени.

Между тѣмъ какъ Западъ разлагался подобнымъ образомъ, Церковь восточная крѣпко хранила свои преданія, и въ настоящее время къ ней надобно идти каждому, кто хочетъ снова обрѣсти христіанство въ его первоначальномъ видѣ.

Если Востокъ остался христіанскимъ, то это благодаря только тому, что онъ не подчинился папству. Онъ присутствовалъ при возникновеніи этого папства и представилъ ему идти своимъ путемъ, противопоставляя силу своего сопротивленія всѣмъ попыт-

камъ, направленнымъ къ подчиненію его со стороны этого панства.

Этотъ великій историческій фактъ долженъ поражать всѣ серьезныя умы. Отсюда вытекаетъ то слѣдствіе, что всякое успіе *пробудить* или лучше *воскреситъ* христіанство на Западѣ должно закончиться полнымъ соединеніемъ съ Востокомъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ потерпѣть познѣйшую неудачу.

Мы хорошо знаемъ всѣ возраженія, которыя могутъ быть подняты на Западѣ противъ Востока. Но мы должны замѣтить, что эти возраженія касаются скорѣе *мира*, чѣмъ *самой Церкви*. Мы знаемъ, что упреки, дѣлаемые восточному духовенству, преувеличены; но согласимся принять ихъ во всей той силѣ, въ какой они поднимаются на Западѣ. Что же доказываютъ эти упреки? Чѣмъ болѣе будетъ доказано, что восточное духовенство стоитъ ниже своего призванія, тѣмъ болѣе докажутъ крѣпость (*solidité*) восточной Церкви самой въ себѣ. Чѣмъ менѣе эта Церковь поддерживается внѣшнимъ образомъ, тѣмъ очевиднѣе, что ея основы несокрушимы. Итакъ, пусть оставятъ въ сторонѣ восточное духовенство и пусть идутъ къ истинному ученію, къ истиннымъ церковнымъ учрежденіямъ, хранящимся въ восточной Церкви.

Именно на эту почву надобно стать, чтобы имѣть правильную идею объ этой Церкви.

На Западѣ утверждаютъ, что восточное духовенство необразовано, невоздержно и проч., какъ тоже утверждаютъ и нѣкоторые измѣнники православной Церкви, думающіе этимъ оправдать свою измѣну. Увы! Если бы можно было сосчитать все невѣжество, всю нетрезвость, присущія разнообразному западному духовенству, то какой поразительный перечень можно было бы составить изъ всего этого, даже не считая въ томъ числѣ *пороковъ* другаго рода. . . . Но эти взаимныя упреки были бы полезны лишь тѣмъ людямъ, которые не желаютъ имѣть никакого духовенства и никакой церкви. Вотъ единственный результатъ, котораго духовенство можетъ достигнуть, бросая въ лицо другъ другу взаимныя укоры въ этомъ отношеніи.

Но оставимъ все это въ сторонѣ и разсмотримъ безпристрастно положенія, вытекающія изъ нашего очерка.

Если нашъ очеркъ долженъ быть признанъ правильнымъ, то вотъ вытекающія изъ него слѣдствія:

1. Папство уничтожило истинное управленіе Церкви христіанской.
2. Оно наложило на всѣ церкви деспотизмъ, вопреки ихъ протесту.
3. Церковь восточная остается единственною церковію, протестующею противъ всего этого постоянно и неизмѣнно.
4. Западныя церкви мало по малу подчинились игу папства до такой степени, что отреклись отъ основныхъ началъ церковнаго благоустройства и христіанскаго ученія.
5. Восточная Церковь всегда противопоставляла апостольское преданіе всѣмъ западнымъ новшествамъ, съ какой-бы стороны они ни происходили.

Помимо этихъ выводовъ, нельзя придти ни къ какимъ другимъ историческимъ выводамъ, когда основываются на документахъ истинныхъ и неопровержимыхъ.

Въ виду отпаденія западныхъ христіанъ отъ православія, то есть, отъ истиннаго христіанства, какая другая мысль становится болѣе обязательною, какъ не мысль о возвращеніи къ Востоку для обрѣтенія истиннаго христіанства?

Элементы сопротивленія папству, обозначенные нами во всѣхъ западныхъ церквахъ, существуютъ еще и въ наше время. Наступило время для ихъ пробужденія, потому что скоро скептицизмъ и индифферентизмъ достигнутъ такихъ успѣховъ, что религіозный вопросъ будетъ похороненъ на долго.

Въ виду подобнаго положенія дѣлъ, великія обязанности налагаются и на Церковь восточную и на людей искренно религіозныхъ, которыхъ еще имѣетъ Западъ

Долгъ искренно религіозныхъ людей на Западѣ состоитъ въ соединеніи вокругъ всеенскаго символа вѣры; въ оставленіи въ сторону вопросовъ второстепенныхъ, раздѣляющихъ ихъ; въ принятіи программы, основанной на великихъ христіанскихъ истинахъ, принятыхъ во всей всеенской Церкви, съ тѣмъ, чтобы представить эту программу Церкви восточной, какъ основу своего единенія съ нею.

Долгъ восточной Церкви состоитъ въ охотномъ принятіи подобной программы; въ признаніи преимущественнаго значенія лишь за вопросами, основанными на догматическомъ ученіи и на христіанской нравственности; въ признаніи за Западомъ права возвратиться къ дисциплинарнымъ законамъ и обычаямъ, господствовавшимъ на Западѣ, когда Западъ былъ еще православнымъ.

Единеніе можетъ скоро совершиться на этихъ основахъ, и іерархія, которая пойдетъ искать въ Церкви восточной ея апостольскаго посвященія, будетъ управлять возрожденною западною православною Церковію.

Такова цѣль, которую должны предположить себѣ истинные христіане западные и Церковь православная.

Эта послѣдняя Церковь не должна пренебрегать ничѣмъ, чтобы стать болѣе извѣстной всѣмъ, и должна одушевляться истиннымъ апостольскимъ духомъ въ виду церкви западной, подверженной столькимъ испытаніямъ отъ различныхъ ересей. Разумное распространеніе христіанства, при помощи образованныхъ и ревностныхъ священниковъ, — сочиненія, въ которыхъ православіе должно быть представлено въ своей величественной простотѣ, — все это будетъ свидѣтельствовать о достоинствѣ великой Церкви, которая, среди бурь, разражавшихся надъ нею въ теченіи девятнадцати вѣковъ, ничѣмъ не поступилась изъ апостольскаго ученія и осталась вѣрна апостольскимъ преданіямъ.

Ж. Устолонъ.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ МЫСЛЬ

0

СВОБОДНОМЪ И НЕЗАВИСИМОМЪ ПОНИМАНИИ СЛОВА БОЖІЯ.

Однимъ изъ величайшихъ событій прошедшаго царствованія, совершившихся въ нѣдрахъ русской Церкви, безъ сомнѣнія, надобно признать переводъ Св. Писанія на русскій языкъ. Если прежде Библія, частію по своему древнему языку, а частію по своему недостаточно ясному и удовлетворительному переводу на этотъ языкъ, требовала отъ читателя предварительной подготовки, значительнаго филологическаго знакомства съ славянскимъ языкомъ и напряженія въ дѣлѣ пониманія ея, то теперь, съ переводомъ всѣхъ священныхъ книгъ на русскій языкъ, эти затрудненія, повидимому, совершенно устранены. Надобно только знать общеупотребительный русскій языкъ, — и пониманіе смысла библейскаго текста, повидимому, обезпечено. Теперь, казалось-бы, не только люди просвѣщенные, получившіе достаточное образованіе, но и простолюдины, выучившіеся читать по русски въ начальныхъ народныхъ школахъ, могутъ уже ясно понимать подлинный смыслъ текста священныхъ книгъ. Подобнаго рода сужденія можно слышать не только въ устныхъ бесѣдахъ современнаго образованнаго общества, но даже и въ литературѣ — разумѣется, — свѣтской, когда она берется судить о духовныхъ предметахъ безъ достаточнаго знакомства съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, какъ надобно смотрѣть на заявленія нѣкоторыхъ органовъ нашей печати, самоувѣренно утверждающихъ, что для того, чтобы быть хорошимъ священникомъ въ наше время, нѣтъ надобности въ

особенной богословской подготовкѣ, что наши духовно-учебныя заведенія съ своимъ приготовленіемъ кандидатовъ священства—учрежденія отжившія, не нужныя (кастичныя) и даже обременительныя для общества; что выборные священники изъ среды самаго народа, обладающіе достаточною богословскою начитанностію, а главное — извѣстныя народу своею истинно христіанскою жизнію, — вотъ желательные кандидаты священства? Но если-бы дѣло ограничивалось только требованіемъ большей нравственной чистоты съ нашихъ кандидатовъ священства, то подобнаго рода литературныя желанія можно было-бы предоставить совѣсти тѣхъ лицъ, которыя такъ смѣло и во всякомъ случаѣ такъ самоувѣренно шлютъ свои укоры нынѣшнимъ кандидатамъ священства изъ духовно-учебныхъ заведеній. Но дѣло принимаетъ совершенно иной и даже опасный оборотъ, когда, и при нравственныхъ достоинствахъ пачетчиковъ, ихъ личному пониманію смысла Св. Писанія, оторванному отъ живаго руководства и вселенскаго преданія Церкви, подчиняется слѣпая вѣра народа. Тогда она заявляетъ о своемъ существованіи и о своемъ практическомъ примѣненіи то въ формѣ пашковщины, то въ формѣ итунды, то въ формѣ раскольничьяго сектанства, то въ формѣ иныхъ даже высшихъ воззрѣній толковниковъ-самоучекъ, получившихъ одно свѣтское образованіе.

Конечно, если-бы пониманіе Слова Божія сопровождалось должною покорностію св. Церкви, вѣрою въ то, что Церковь есть единственно вѣрная хранительница и истолковательница истинъ вѣры, тогда и свободное чтеніе Слова Божія, не расходясь съ ученіемъ церкви, было-бы явленіемъ въ высшей степени желательнымъ. Св. Церковь наша ничего такъ сильно не желаетъ и ничего такъ настоятельно не заповѣдуетъ своимъ чадамъ, какъ чтеніе глаголовъ вѣчной жизни ежедневное, какъ поученіе въ законѣ Божіемъ усиленное и даже непрерывное. Для нея совершенно не понятно католическое запрещеніе мірянамъ читать священныя книги; она никогда не дѣлала изъ этого чтенія какой-то привилегіи только нѣкоторыхъ избранныхъ лицъ.

Но дѣло, какъ мы сказали, принимаетъ опасный оборотъ, когда рѣшаются не только читать, но и толковать Слово Божіе, довѣряя исключительно только своимъ силамъ, своему разуму и образованію; когда усвояютъ себѣ полную свободу пониманія Библии, освобождая себя отъ живаго руководства и отъ вселенскихъ преданій православной Церкви. Священное Писаніе не есть обыкновенное, человѣческое слово, но Слово Божіе. Слово Существа Высочайшаго. Если для правильнаго пониманія обыкновеннаго человѣческаго слова достаточно имѣть извѣстную степень образованія, достаточно находиться на одинаковомъ уровнѣ развитія съ говорящимъ; то здѣсь совершенно другія условія. Какъ отстоятъ небо отъ земли, такъ отстоятъ помыслы Божіи отъ помысловъ человѣческихъ; а потому никакое развитіе наше не можетъ служить для насъ ручательствомъ правильнаго пониманія искомой религіозной истины, если только оно не будетъ сопровождаться смиреннымъ и покорнымъ послушаніемъ высшему руководству св. Церкви. Религіозную истину нельзя поставять въ рядъ обыкновенныхъ человѣческихъ истинъ, она не есть результатъ нашихъ логическихъ соображеній, нашихъ выводовъ и заключеній; она не добывается нами при посредствѣ лишь опытовъ и размысленій, какъ добываются нами повседневныя человѣческія свѣдѣнія. Опытъ и размысленіе только приводятъ къ болѣе или менѣе глубокому пониманію ея; но они не отрываютъ ея. Откровенная истина есть плодъ посредственнаго или непосредственнаго дѣйствія на насъ Божества, озаренія нашего разума силою Божественною. Поэтому откровенная истина всегда стоитъ выше нашего разума, хотя и въ высшей степени соответствуетъ его естественнымъ стремленіямъ. А отсюда уже отрывается, что въ дѣлѣ усвоенія ея требуется прежде всего вѣра и покорность св. Церкви, которой ввѣрено самимъ Господомъ храненіе и истолкованіе Божественной истины, и потомъ уже дозволяется и дѣятельность покореннаго откровенной истинѣ разума.

Мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія есть протестантская мысль. Она явилась среди протестантовъ, какъ

средство освободить себя отъ панскаго ига, отъ панскихъ крайностей и заблужденій. Римская іерархія въ лицѣ папы усвоила себѣ исключительное право пониманія и изъясненія Слова Божія и обременила этимъ совѣсть вѣрующихъ вѣроположеніями странными, своекорыстными и даже ложными. Протестанты возмущались противъ этого, но тоже вдалились въ крайность. Въ пылу спора съ папистами, они усвоили верховный авторитетъ въ дѣлѣ пониманія и сообщенія религіозной истины не папѣ и его непогрѣшному слову, а себѣ самимъ, своему личному пониманію Слова Божія, ошибочно полагая, что оно само безъ истолкованія Церквю можетъ совершенно ясно и понятно отвѣтить на все религіозные вопросы каждому, кто только обратится къ нему съ этими вопросами. Какъ мысль крайняя, вызванная крайне несправедливыми панскими запрещеніями, она въ этомъ только и находила себѣ нѣкоторое оправданіе. Но именно потому, что была мыслью крайне одностороннею и ошибочною, она не могла не сопровождаться въ высшей степени прискорбными послѣдствіями въ той средѣ, гдѣ была принята съ довѣріемъ и убѣжденіемъ. Послѣдствія эти тѣмъ болѣе прискорбны, что касаются самой высшей стороны человѣческаго духа, стороны религіозной. Съ этими-то послѣдствіями ложнаго воззрѣнія получившаго крайнее развитіе въ протестантскомъ мірѣ, мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ.

I.

Когда усвояютъ себѣ право свободнаго пониманія Слова Божія, когда свой ограниченный разумъ дѣлаютъ мѣриломъ разума Высочайшаго, Божественнаго; тогда прежде всего подвергаются опасности впасть въ двѣ противоположныя крайности, или въ раціонализмъ, т. е. въ низведеніе откровенной истины въ рядъ обыкновенныхъ человѣческихъ мнѣній по религіознымъ вопросамъ, или въ возведеніе своихъ личныхъ мнѣній въ ученіе вѣры на степень боговдохновенности.

Раціонализмъ, подчиненіе религіозной истины разуму, низведеніе ея въ рядъ естественныхъ истинъ и отрицаніе въ ней харак-

тера сверхъестественнаго, вотъ главный недугъ, который поражаетъ протестантство на пространствѣ всѣхъ вѣковъ его существованія, одновременно съ появленіемъ мысли о свободномъ пониманіи Слова Божія. Начиная отъ первыхъ протестантскихъ рационалистовъ: арминіанъ, соцініанъ и другихъ мечтателей, которыхъ ужасался самъ Лютеръ, переходя затѣмъ къ англійскимъ деистамъ, говорившимъ о какой-то естественной религіи, и кончая современными тюбингенцами, признающими евангельскую исторію, а вмѣстѣ съ этимъ и всю Библію, собраніемъ мнѣовъ, лишь аллегорическимъ воплощеніемъ религіозныхъ идей, протестантство всегда было подавляемо рационализмомъ, утопало въ рационализмѣ и исчезало въ немъ. Если Кантъ говорилъ еще о религіи „въ границахъ чистаго разума“ и признавалъ религіозныя идеи *постулатами*, нравственными требованіями человѣка, то Гегель призналъ ихъ уже низшею ступенью развивающагося сознанія, а Штраусъ въ сочиненіи своемъ: *Der alte und der neue Glaube: ein Bekenntniss* (старая и новая вѣра) уже торжественно отрекся отъ христіанскихъ вѣрованій и вмѣсто христіанскаго Бога поклонился эволюціи безконечнаго и безличнаго *универса* или Всецѣлаго. „У насъ повсюду слышится, говорятъ современные протестантскіе богословы, одинъ вопросъ: должно-ли преобладать космоическое или богочеловѣчное (*gottmenschliche*) начало? Отъ разрѣшенія этого вопроса зависятъ всѣ научныя воззрѣнія и всѣ практическія слѣдствія исторіи. Весь жизненный вопросъ протестанта состоитъ въ слѣдующемъ: долженъ-ли онъ быть человѣкомъ міра или человѣкомъ Божиимъ?“ Такимъ образомъ, протестанты, выходя изъ начала свободнаго пониманія Библии, въ концѣ концовъ приходятъ къ отрицанію библейской истины, къ поставленію ея въ рядъ обыкновенныхъ человѣческихъ мифій, даже мифій второстепенныхъ или устарѣлыхъ. Собственно у рационалистовъ нѣтъ Слова Божія, какъ Слова Божія, Богомъ откровеннаго, а есть только сборникъ человѣческихъ мифій по религіознымъ вопросамъ. И это само собою понятно. Когда разумъ признаютъ верховнымъ судіею откровенной истины, когда отъ него не требуютъ безуслов-

ной покорности этой истинѣ; тогда его уполномочиваютъ относиться къ ней совершенно произвольно, сообразно съ своимъ направлениемъ, господствующими воззрѣніями и личнымъ расколомъ; тогда къ Богооткровенной истинѣ человѣкъ примѣшиваетъ свои собственные мнѣнія, сопровождаемыя всеми слабостями, ошибками и заблужденіями человѣческаго разума; тогда естественный мракъ нашего разума распространяется на область откровенной истины и затемняетъ ее. Поэтому рacionales едва-ли слѣдуетъ относить къ обществу христіанъ.

Впрочемъ, съ нашей стороны было бы несправедливо думать, что протестантство исчерпывается однимъ лишь рacionales, что оно выражается въ одной лишь рacionales формѣ. Религія не есть ничто случайное въ родѣ человѣческомъ, не есть нѣкоторый избытокъ, безъ котораго человѣкъ легко можетъ обойтись на своемъ жизненномъ пути. Потребность въ религіозной истинѣ глубоко заложена въ душѣ человѣка; она одинаково присуща людямъ всехъ народностей и вѣроисповѣданій; она не могла быть заглушена рacionales и среди протестантовъ. Если въ протестантскомъ мірѣ всегда было много людей рacionales образа мыслей, — людей не только не жалѣвшихъ о своемъ противорѣчій откровенной истинѣ, но и искренно вѣрившихъ, что въ этомъ противорѣчій, въ этомъ свободномъ отношеніи къ откровенію протестантство достигаетъ своего полнаго и высшаго развитія; то рядомъ съ этимъ направлениемъ всегда существовало и всегда заявляло себя другое направленіе, строго религіозное, желавшее спасти религіозную истину отъ рacionales крушенія. Противъ рacionales, особенно новаго времени, не только возмущалась естественная человѣческая потребность въ религіозной истинѣ, но имъ-же глубоко оскорблялось и національное протестантское чувство, ясно сознававшее всю бездну, отдѣляющую современный рacionales образъ мышленія отъ древней вѣры протестантскихъ предковъ. Съ особенною-же силою это направленіе сказалось въ началѣ текущаго столѣтія. Когда въ 1817 году протестанты праздновали трехсотлѣтній юбилей рефор-

маціи, Клавдій Гарлесъ въ Билѣ объявилъ 95 тезисовъ, которыми старался доказать, что празднующіе юбилей потомки ничего не имѣютъ общаго съ своими предками и вообще со всѣмъ дѣломъ реформациі; что ихъ вѣра и вѣра реформаторовъ — двѣ вещи совершенно различныя. Именно эту-же мысль доказывали многіе богословы и съ особенною силою развивали во многихъ своихъ сочиненіяхъ Эрнстъ Сарторіусъ; онъ говорилъ, что раціонализмъ съ своимъ натуралистическимъ или пелагіанскимъ воззрѣніемъ на природу человѣка стоитъ гораздо ближе къ католицизму, нежели къ ученію протестантовъ. Такъ началась въ протестантскомъ мірѣ лютеранскія реакція противъ раціонализма. Къ этому присоединилось еще и то, что католицизмъ, появивши слабость, обнаружившюся въ протестантствѣ, старался проникнуть въ помѣщенія древняго протестантизма. Когда католическія интриги стали стѣснять свободу протестантскаго вѣроисповѣданія, когда напри-мѣръ протестантскіе солдаты въ Баваріи были вынуждены преклонять колѣна предъ католическою гостіею (евхаристіею), тогда Гарлесъ и многіе другіе возставали противъ этого насилія протестантской совѣсти и стали доказывать превосходство лютеранскаго вѣроученія предъ католическимъ. Протестанты ясно увидѣли теперь, что отрекаясь отъ вѣры своихъ предковъ, они рискуютъ попасть въ руки католицизма. Такимъ образомъ, страхъ предъ католическими посягательствами, оскорбленное и взволнованное протестантское чувство въ связи съ другими обстоятельствами положили основаніе, постепенно развивали и усиливали въ настоящемъ столѣтіи то направленіе, которое извѣстно у протестантовъ подъ именемъ древне-лютеранскаго (*Richtung Altlutheraner* *). Во главѣ его стояли люди талантливые и искренно преданные дѣлу религіи, каковы, напри-мѣръ, были Шейбель, Рудельбахъ, Гериксъ, Канисъ и др. Какъ же спасали эти люди свою лютеранскую вѣру отъ напора раціонализма и католицизма? Гдѣ думали найти достаточныя силы для пораженія своихъ враговъ? Говоря вообще —

*) Die göttliche Offenbarung. Von Carl August Auberlen. Basel, 1861. 1 Band., S. 352 und andr.

въ признаніи своего лютеранскаго исповѣданія вѣры, своихъ символическихъ книгъ *богословенными*.

Партія древнихъ лютеранъ (*Richtung der Althütheraner*), ограждая себя отъ рационализма и католицизма, осталась вѣрна основнымъ началамъ протестантизма; она признала за Св. Писаніемъ верховный авторитетъ въ дѣлѣ вѣры. но она не могла уже исключительно ему одному усвоить этотъ авторитетъ. Она должна была усвоить его и древнему лютеранскому преданію, или тѣмъ символическимъ книгамъ, которыя перешли къ нимъ по наслѣдству отъ первыхъ реформаторовъ. Вотъ что говоритъ, на примѣръ, объ авторитетѣ Библии лейпцигскій профессоръ Канисъ, одинъ изъ вождей этой партіи. „Юный богословъ съ свѣжими силами и съ преданностію вѣрѣ вступаетъ въ университетъ. Онъ естественно ищетъ руководителя среди своихъ богословскихъ занятій. Но Библия уже не можетъ быть этимъ руководителемъ, потому что въ ней все вѣроисповѣданія и все религіозныя партіи ищутъ и находятъ свое вѣроученіе. Итакъ, руководительнымъ началомъ среди его богословскихъ занятій должно быть не ученіе, заключающееся въ Библии (*auszulegende Schrift*), но ученіе, замѣтованное изъ Библии (*ausgelegte Schrift*). И наши отцы предлагаютъ подобному юношѣ наше вѣроисповѣданіе: оно есть сумма всего Св. Писанія *)“. Очевидно, что старо-лютеране уже измѣняютъ древнему протестантскому ученію о совершенной достаточности лучшаго пониманія и даже ясности и полноты самаго Св. Писанія; или, по крайней мѣрѣ, ограничиваютъ смыслъ этого ученія. Они утверждаютъ, что Св. Писаніе было совершенно ясно и достаточно для однихъ первыхъ реформаторовъ и только на этомъ основаніи думаютъ, что первые учителя протестантовъ, какъ-то Лютеръ, Меланхтонъ и пр. были богословенными писателями, и сочиненія ихъ должны быть признаны символическими. Это именно утверждала, на примѣръ, одна партія строгихъ лютеранъ, находившаяся подъ руководствомъ профессора Филиппи въ Ростокѣ; она приз-

*) *Geschichte des neust. Protestantismus*, Jörg's. München. 1858. Erst. Abschnitt S. 114 und folg.

навала содержаніе своихъ символическихъ книгъ вообще боговдохновеннымъ, между тѣмъ какъ другіе отрасли этой же партіи признали только особенное водительство Духа Святаго при написаніи извѣстнаго катихизиса Лютеромъ.

Когда св. Церковь наша усвоитъ своимъ символическимъ книгамъ вѣрность богопреданному ученію, то это совершенно понятно. Не говоря уже объ особенной святости и богоугодности писателей этихъ книгъ, Богоносные отцы излагали въ нихъ то самое ученіе, которое на пространствѣ тысячелѣтій исповѣдываемо было всегда и всѣми вѣрующимъ и которое тождественно съ ученіемъ Св. Писанія и св. преданія. Въ нашихъ символическихъ книгахъ дѣйствительно излагается ученіе боговдохновенное, признаваемое вселенскою православною Церковію. На какомъ же основаніи надобно признавать боговдохновеннымъ ученіе реформаторовъ, новое, явившееся такъ недавно? Гдѣ основаніе для убѣжденія въ истинности его? Ученіе протестантскихъ символическихъ книгъ еще могло имѣть нѣкоторую обязательную силу во времена первыхъ реформаторовъ, когда истинность его съ протестантской точки зрѣнія была подтверждаема всеобщимъ протестантскимъ согласіемъ или, по крайней мѣрѣ, согласіемъ большинства лицъ и излагавшихъ и принимавшихъ его, согласіемъ, представлявшимъ остатокъ единомыслія о предметахъ вѣры, вынесенный изъ католицизма. Но въ наше время подобнаго согласія не существуетъ и, слѣдовательно, послѣднее основаніе для вѣры въ истинность протестантскихъ символическихъ книгъ поколебалось или даже совершенно уничтожилось. Главнѣе же то, что новое лютеранское ученіе о боговдохновенности своихъ символическихъ книгъ оказалось въ противорѣчій съ древнимъ протестантскимъ же ученіемъ о достаточности для познанія истинъ вѣры одного чтенія Св. Писанія. Надобно полагать, возражали сами-же протестанты старо-лютеранамъ, или то, что ученіе Св. Писанія исполнѣ ясно и исполнѣ удобопонятно, такъ что добросовѣстный изслѣдователь не можетъ понять его въ различныхъ смыслахъ, т. е. надобно признать древле протестантское ученіе о ясности и полнотѣ Св.

Писанія, составлявшее главное основаніе евангелическаго вѣроисповѣданія противъ враждебнаго напора палистовъ. Если это такъ, тогда между ученіемъ, заключающимся въ Св Писаніи, и ученіемъ заимствованнымъ изъ него, нѣтъ никакого различія, а вмѣстѣ съ тѣмъ тогда усвоеніе символическимъ книгамъ авторитета, равносильнаго съ Библіею, не имѣетъ никакого смысла. Или надобно допустить то, что одного Св. Писанія недостаточно для того, чтобы имѣть изъ него необходимое спасительное ученіе вѣры; тогда Римъ правъ, тогда виѣшній авторитетъ долженъ прийти на помощь къ уразумѣнію Св. Писанію, долженъ дать изложеніе подлиннаго ученія; тогда реформаторы не правы, отрекшись отъ авторитета церковнаго. Ибо кто далъ имъ право поставить свой авторитетъ выше авторитета католической церкви? Кто далъ имъ право перемѣнять или дополнять установленное Богомъ учрежденіе церковное?... „Слово Божіе есть кодексъ церковный; ноостережемся-же о ясности и полнотѣ его говорить двусмысленныя рѣчи, доказывая эту ясность и полноту предъ католическими писателями, и отвергая ихъ предъ протестантскими“ *). Итакъ, признаніе авторитета за символами и символическими книгами, по суду самихъ же протестантовъ, не имѣло никакихъ твердыхъ и неизблемыхъ началъ. Многіе стали говорить, что если нельзя быть истиннымъ христіаниномъ, не слѣдуя буквальному ученію этихъ символовъ, то лучше принимать ученіе св. преданія и папы, нежели принимать ученіе этихъ каменныхъ скрижалей, написанныхъ не на Синаѣ. Но этого мало.

Протестанты вообще боятся признать за своими писателями какую бы то ни было особенную боговдохновенность; потому что это ученіе стѣняетъ ихъ свободу изслѣдованія религіозной истины; оно заставляетъ признавать безусловно истиннымъ только то, что могло казаться несомнѣннымъ въ XVI или XVII столѣтіи и что съ дальнѣйшимъ развитіемъ религіознаго сознанія должно было, по мнѣнію протестантовъ, потерять свою обязательную силу; словомъ, оно окончательно подрываетъ протестантское ученіе о про-

*) Schinkel in der Berliner protest. K.—z. vom. 17. Febr. 1855. Jorg's, ibid. S. 121.

грессѣ въ дѣлѣ познанія религіозной истинны. Но главнымъ образомъ, новопредложенное ученіе о боговдохновенности символическихъ сочиненій не могло понравиться протестантамъ потому, что оно совершенно ниспровергало старое ученіе о совершенной достаточности для познанія ученія вѣры одного Св. Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, боговдохновенность и необходимость символовъ для пониманія и толкованія Св. Писанія, и совершенная достаточность его одного — какое противорѣчіе, какое смѣшеніе понятій!... Для чего нужна боговдохновенность символическихъ книгъ, если Св. Писаніе совершенно ясно и совершенно полно? Для чего этотъ двойной свѣтъ, когда ясно можно видѣть все при одномъ? По такому ученію партіи, такъ называемыхъ, старыхъ лютеранъ. Въ наше время партія эта признаетъ свои символическія книги то вполне боговдохновенными, то только написанными подъ особеннымъ водительство́мъ Духа Святаго, то, наконецъ, усвоетъ имъ какой-то высшій человѣческій авторитетъ, не представляя для этого однако-же никакихъ твердыхъ основаній. И вотъ причина, почему партія эта подвергается сплннымъ нападеніямъ не только со стороны раціоналистовъ, но и со стороны новыхъ лютеранъ, библейскихъ христіанъ, унианитовъ и проч.; и вотъ почему партія эта, при всей своей приверженности къ старымъ лютеранскимъ преданіямъ, не могла составить единого цѣлаго, но дробится до безконечности *). Среди многочисленности этихъ партій, говорятъ сами же протестанты, въ наше время трудно отличить, гдѣ собственно лютеранская церковь и гдѣ лютеранскія секты.

Къ этой-же лютеранской партіи надобно причислить и, такъ называемыхъ, новыхъ лютеранъ съ ихъ теоріею *субъективнаго воспроизведенія* (Subjektiven Reproduktion) символическаго ученія. Желая спасти убѣжденіе въ истинности древняго лютеранскаго ученія и въ тоже время желая избѣжать упрековъ въ принужденіи къ безусловному принятію этого вѣроученія, что такъ противно духу протестантства, новые лютеране стали утверждать, что ихъ ученіе, изложенное въ разныхъ символическихъ книгахъ, есть

*) Göttl. Offenbarung. C. A. Auberlen's B. I. S. 356.

единственно истинное и единственно верное, но чтобы прийти къ убѣжденію въ его истинности и верности, для этого требуется субъективное воспроизведеніе этого ученія; такъ что на различныхъ степеняхъ этого воспроизведенія люди могутъ различаться въ своихъ религіозныхъ взглядахъ, и только на ступени окончательнаго воспроизведенія окажется, что субъективная вѣра, болѣе или менѣе разнообразная у каждаго человѣка, и вѣра объективная, положенная въ лютеранскомъ вѣроученіи, совершенно тождественны; окажется, что объективное вѣроученіе вполне истинно, вполне несомнѣнно. „Символь, стали говорить теперь, есть субъективная форма ясности Евангелія, объективная-же ясность всегда должна быть почерпаема и всею Церковію и частными людьми изъ библейской основы вѣры; вѣроученіе (confessio) есть только условіе къ пониманію объективной религіозной истины, есть ключъ къ правильному пониманію Св. Писанія“. Яснѣе высказываетъ ученіе о субъективномъ воспроизведеніи нѣкто Пальмеръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ проповѣдниковъ умѣренной партіи лютеранъ. Онъ говоритъ: „мы отвергаемъ не евангелическое католическое воззрѣніе, предлагающее сначала извѣстные догматы, а потомъ уже требующее вѣры въ нихъ; потому что признаемъ важное достоинство только за тѣми догматами или вообще только за тѣми вѣроисповѣданіемъ, которое истекаетъ изъ внутренняго свѣтлица вѣры и составляетъ внѣшнюю сторону внутренняго человѣка“ *). Такимъ образомъ, по ученію новыхъ лютеранъ, каждый членъ ихъ партіи долженъ принимать лютеранское исповѣданіе (конфессію) не потому, что отъ него *требуется* этого Церковь, но потому, что онъ самъ *можетъ* убѣдиться въ истинности этого исповѣданія. Здѣсь нѣтъ долга или принужденія; здѣсь есть одно только свободное религіозное развитіе и свободное убѣжденіе. Такъ спасаютъ новые лютеране свою свободу изслѣдованія религіозной истины и свое прежнее вѣроисповѣданіе.

Но увы! эта свобода изслѣдованія, боящаяся переступить за предѣлы устарѣвшей конфессіи, есть свобода мнимая, тяжелый и

*) Jörg's, *ibid* S. 117, 118.

напрасный трудъ. Если только на окончательной степенн своего развитія субъективное религіозное сознание должно отождествиться съ прежнимъ вѣроисповѣданіемъ, если не иначе какъ только въ границахъ этого вѣроисповѣданія и возможно изслѣдованіе религіозной истины, то человѣкъ не развившійся или не могущій развиться до этой окончательной степенн, не избѣгаетъ или мучительнаго разлада съ своимъ вѣроисповѣданіемъ, или тайнаго отверженія того, что признаетъ явно; но крайней мѣрѣ не избѣгаетъ этого на первыхъ порахъ развитія своего. Для чего-же этотъ разладъ, или это двувѣріе? Для чего надобно проходить этотъ мучительный и не всегда безопасный путь развитія? Не лучше ли было-бы, принявъ конфессію въ простотѣ сердца, избавить себя отъ труднаго пути изслѣдованія и переизслѣдованія, особенно когда увѣрены, что въ концѣ ихъ труда будетъ таже конфессія, которую имѣютъ при самомъ началѣ труда? Далѣе. Многие ли совершаютъ этотъ полный путь самостоятельнаго религіознаго развитія? Что если общество новыхъ лютеранъ, придерживающееся теоріи субъективнаго воспроизведенія, состоитъ изъ различныхъ оттѣнковъ маловѣрія, недовѣрія, полувѣрія и т. д., никогда не достигающихъ полной и всецѣлой вѣры? Гдѣ тогда будутъ истинно вѣрующіе? Въ этомъ отношеніи едва-ли не разумнѣе и не послѣдовательнѣе дѣлаютъ старые лютеране, когда охраняя цѣлость своей церкви, *требуютъ* безусловнаго признанія своей конфессіи и этимъ требованіемъ спасаютъ бытіе своей церкви. По крайней мѣрѣ, открытое или внѣшнее признаніе религіозной истины новыми лютеранами и тайное, или субъективное полупризнаніе ея не могутъ прельщать людей, волихъ и всецѣло преданныхъ своимъ убѣжденіямъ; не могутъ прельщать ни строгихъ консерваторовъ, ни рьяныхъ прогрессистовъ въ дѣлѣ вѣры. Въ сущности-же новое лютеранство совершенно тождественно съ старымъ. Оно съ задняго крыльца принимаетъ все то, что прогоняетъ съ параднаго. Вотъ напр., что говорятъ сами-же протестанты о новомъ ученіи субъективнаго воспроизведенія символовъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что правосмысліе (ортодоксія), какъ основное начало

церкви, въ католической и протестантской церкви совершенно не одно и тоже. Протестантская ортодоксія никогда не осмѣливалась усвоить непосредственно церкви своей высшій авторитетъ въ дѣлѣ вѣры; она никогда не высказывала въ ясныхъ и опредѣленныхъ словахъ того, что такъ, а не иначе должно вѣрить, потому что церковь этого требуетъ; она всегда утверждала только, что то, чему учитъ церковь, есть единственно вѣрно понятое ученіе Св. Писанія. Она никогда не усвоила церкви въ себѣ и по себѣ непогрѣшимости въ отношеніи къ ученію; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она дѣлала робкія заявленія о томъ, что символъ написанъ подъ вліяніемъ особеннаго божественнаго вдохновенія, она никогда не осмѣливалась сравнивать это Боговдохновеніе съ Боговдохновеніемъ Св. Писанія и никогда не предлагала этого ученія въ преувеличенномъ видѣ (*überzuordnen*). Она не требуетъ, поэтому, безусловнаго подчиненія церковному ученію; она только допускала при этомъ мнѣніе (*Urtheil*) о томъ, что церковное ученіе есть единственно вѣрное выраженіе Божественнаго откровенія и Св. Писанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, она предполагала какъ условіе, что это мнѣніе должно быть безусловно защищаемо. Хотя, поэтому, католическій и протестантскій ортодоксальный принципъ церкви различенъ по своей формѣ, но оба они по своимъ результатамъ тождественны. Долженъ ли я вѣрить и учить извѣстнымъ образомъ потому, что *церковь* учитъ такъ, или потому, что такъ учитъ *церковь*,—для меня все равно. Не оставляютъ ли мнѣ никакой свободы сужденія о томъ, чему учить церковь; или если и оставляютъ мнѣ эту свободу, но подъ условіемъ, чтобы все выходило такъ, какъ предписано—это имѣетъ для меня совершенно одни и тѣ-же слѣдствія: объ истинной свободѣ сужденія, объ истинно свободномъ убѣжденіи, пока я хочу быть членомъ и учителемъ въ церкви, не можетъ быть и рѣчи“ *). Собственно говоря, новые лютеране не должны были-бы и упоминать о церкви въ дѣлѣ признанія авторитета за символомъ; по смыслу протестантскаго ученія не церковь должна служить порукою исти-

*) Berliner protest. B—z., vom. 12 August. 1854. Jörg's. S. 118.

ности символа, но Слово Божіе; одно только оно должно быть несомнѣннымъ объективнымъ авторитетомъ истинности символа. Но такова непослѣдовательность многихъ, принадлежащихъ къ партіи субъективнаго воспроизведенія символа *). Признать одно только Слово Божіе этимъ ручательствомъ, устранивъ церковь, они не могли, потому что этимъ самымъ они отърыли-бы широкую дверь субъективнымъ воззрѣніямъ въ дѣлѣ вѣры.

Но послѣдуемъ за дальнѣйшимъ развитіемъ новаго лютеранскаго ученія въ отношеніи къ свободному пониманію Слова Божія. Тамъ, гдѣ предоставлено каждому частному лицу субъективное воспроизведеніе символа, тамъ, безъ сомнѣнія, это право принадлежитъ и всѣмъ вмѣстѣ членамъ этой церкви; тамъ возможно, что всѣ члены этой церкви иначе поймутъ ученіе Слова Божія, иначе выразятъ его въ своемъ новомъ символѣ, нежели это было сдѣлано прежде. И вотъ многіе изъ тѣхъ людей, которые признали субъективное воспроизведеніе вѣры, стали утверждать теперь возможность и даже необходимость пересмотра символовъ (Revision - Fähigkeit und - Bedurftigkeit der Symbole). „При дѣйствіи Духа Св. въ своей церкви, стали говорить теперь, возможно то, что вѣрующіе глубже проникнутъ въ сокровища Слова Божія, точнѣе выразятъ и поймутъ тождественное (адекватное) ученіе Св. Писанія, исправятъ нѣкоторыя ошибки въ прежнихъ символахъ и выяснятъ непослѣдовательность и скачки, гдѣ они существуютъ“. „Лютеранскій символъ, говорили еще, никогда не долженъ переходить въ неизмѣнную объективную норму вѣроученія, никогда не долженъ признаваться послѣднимъ, заключительнымъ словомъ вѣры, хотя и возможно то, что при болѣе глубокомъ изслѣдованіи Св. Писанія онъ вполнѣ будетъ оправданъ, вполнѣ окажется истиннымъ, потому что никто не можетъ увѣрить насъ въ томъ, что возможно только это Боговѣдѣніе, и что Церковь Христова достигла уже полнаго Боговѣдѣнія“. Съ протестантской точки зрѣнія это разсужденіе совершенно вѣрно. Нельзя же серьезно думать, что Лютеръ, Меланхтонъ и всѣ доктора, изложив-

*) Jörg's, ibid. S. 119.

шіе Аугсбургское исповѣданіе вѣры, высказали послѣднее слово въ дѣлѣ пониманія откровенной истины; что дальше уже нельзя идти въ этомъ отношеніи. Но утверждая это, новые лютеране должны были встрѣтиться съ новыми затрудненіями. По ученію Аугсбургскаго исповѣданія вѣры, Церковь есть общество вѣрующихъ невидимое; она только *бываетъ*, но ея *нѣтъ* на землѣ. Кто-же послѣ этого долженъ усвоить себѣ право пересмотра символовъ? Кто долженъ исправлять старую конфессію? Частныя лица? Но это значило бы вносить частный человѣческій авторитетъ на мѣсто авторитета символическихъ книгъ и Св. Писанія. Депутаты или выборные отъ всѣхъ протестантскихъ обществъ? Но по какому-же праву? Гдѣ Божественное призваніе для этого дѣла? Кто поручится, что они исправятъ, а не испортятъ Аугсбургское исповѣданіе вѣры, къ которому лютеране, при всемъ своемъ разногласіи, все-же питаютъ значительную долю уваженія? Эти мучительные для протестантовъ вопросы привели многихъ лютеранъ къ совершенному сомнѣнію въ своихъ настоящихъ символахъ и въ ихъ авторитетѣ. Одни стали говорить теперь о необходимости появленія среди протестантскихъ обществъ *новой церкви, будущей церкви, о необходимости новаго и обильнѣшаго изліянія Св. Духа* („Zukunftskirche“, „Wiederkunft“, „neue und reichere Ausgiessung des heiligen Geistes“). На протестантскихъ церковныхъ конференціяхъ шестидесятыхъ годовъ громко раздавались возгласы: *нѣтъ спасенія безъ новаго изліянія Духа Святаго!*... Во многихъ журналахъ и на многихъ проповѣдническихъ кафедрахъ повторили эти возгласы и ждали какой-то новой церковной пятидесятницы!... Грустно отзывались эти возгласы въ протестантскомъ мірѣ!... Другіе-же, спасая себя отъ этого потока сомнѣнія и отчаянія, искали спасенія въ настоящей своей церкви, и на вопросъ, кто долженъ пересмотрѣть ихъ старыя символическія книги?—отвѣчали:—церковь; но эта церковь должна быть признаваема не невидимою, какъ учили прежде, но видимою; Аугсбургское исповѣданіе въ 7 и 8 членахъ своихъ, говорившее о церкви невидимой, заблуждалось. Итакъ, новые лютеране, спасая уваженіе къ своимъ

символамъ, роковымъ процессомъ логики приходятъ къ отверженію своего вѣроисповѣданія, но крайней мѣрѣ они уже соглашаются пзмѣнить древнее протестантское ученіе о церкви, хотя въ этомъ случаѣ набрасываютъ тѣнь сомнѣнія только на нѣкоторые члены своего вѣроученія, а не на все Аугсбургское исповѣданіе. „Новое лютеранство, говоритъ Іоргъ, есть въ себѣ и по себѣ открытый протестъ противъ собственнаго символа; оно протестуетъ противъ главнаго и основнаго начала христіанскаго существованія, противъ существеннаго ученія о церкви, утверждая, что въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ это ученіе не было закончено и порѣшено, или что оно было ошибочно и ложно. И однако-же новые лютеране, за исключеніемъ члена о церкви и о церковномъ управленіи, повсюду причисляютъ себя къ партіи неизмѣнности символа! Кто можетъ понять подобное противорѣчіе?“ *)

Да, велики затрудненія и противорѣчія должны быть у тѣхъ людей, которые усвояютъ себѣ полную свободу въ дѣлѣ пониманія Слова Божія. Преступая къ выясненію откровенной истины, они не запаслись предварительно *образомъ здравыхъ словесъ*, какъ говоритъ Апостолъ; смотря на Библію лишь какъ на болѣе или менѣе достойный уваженія сборникъ невѣдомыхъ религіозныхъ мнѣній, которыхъ истинность и Боговдохновенность должна получиться лишь въ результатѣ изслѣдованій, при концѣ необходимыхъ для этого операцій ума надъ Библіею, этимъ самымъ уполномочиваютъ себя обсуждать откровенную истину не на основаніи началъ вѣры, а на основаніи началъ своего ограниченнаго разума, его индивидуальныхъ расположеній, склонностей и даже пристрастій; а потому прежде всего впадаютъ въ раціонализмъ, т. е. не признаютъ за откровенною истинною никакого сверхъестественнаго характера и поставляютъ ее на одномъ уровнѣ со всякими другими религіозно-правственными мнѣніями, которыхъ такъ не мало было и есть въ родѣ человѣческомъ. Развѣ это не всегдашняя исторія раціонализма? Развѣ напр., богословы Кантіанской школы не признавали самое Евангеліе простымъ сбор-

*) Iörg's, *ibid.* S. 133.

ниномъ нравственныхъ идей, развѣ не сличали эти идеи съ мнѣніями древнихъ мудрецовъ и иногда съ явнымъ предпочтеніемъ этихъ послѣднихъ мнѣній христіанскимъ, развѣ не считалъ Самого Иисуса Христа лишь идеальнымъ человѣкомъ, а не Божественнымъ учителемъ?—Если же не могутъ ограничиться одною сухою моралью, если въ религіозной истинѣ ищутъ сверхъ-естественнаго свѣта, небеснаго озаренія, т. е. если приступаютъ къ Библии, вопреки своей логической послѣдовательности, съ одною лишь безсодержательною вѣрою въ ея сверхъестественный характеръ; тогда впадаютъ въ другую крайность, именно впадаютъ въ гордое самообольщеніе своими мнѣніями по поводу библейскихъ текстовъ, будутъ ли то ихъ личныя мнѣнія, или мнѣнія уважаемыхъ ими почему-либо учителей, усвояютъ имъ характеръ откровенный, сверхъ-естественный, божественный. Но это самопрельщеніе не можетъ быть продолжительнымъ. Скоро наступаетъ мучительное и тяжелое разочарованіе, потому что разумъ, водительство котораго они единственно ввѣряютъ себя, съ одинаковою силою можетъ оправдывать и гордое прельщеніе или обольщеніе своими мнѣніями до усвоенія имъ характера божественности, и самый отъявленный скептицизмъ. Еще Кантъ сказалъ, что разумъ есть способность обсужденія предметовъ и въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ. *Ratio est vis judicandi et pro et contra.*

(Продолженіе будетъ).

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦВРКЪ)

(Продолженіе *)

Если русское общество, за исключеніемъ академическихъ слушателей - студентовъ, не имѣло возможности пользоваться плодами учебныхъ занятій знаменитаго кievскаго ректора - профессора въ стѣнахъ заведенія лично и непосредственно, то оно имѣло утѣшеніе хотя отчасти пользоваться этими плодами въ его учено - литературныхъ изданіяхъ. Говоря это, мы прежде всего имѣемъ въ виду кievскій духовный журналъ „Воскресное Чтеніе“, основанный Иннокентіемъ въ 1837 году, по благословенію кievскаго митрополита Евгенія. Основывая этотъ журналъ, Иннокентій имѣлъ въ виду ту цѣль, чтобы сдѣлать его органомъ литературнаго общенія академіи съ духовными писателями, и въ особенности — съ православными пастырями. Уже съ самаго своего основанія журналъ этотъ имѣлъ строгое религіозно - нравственное направленіе; а его главною характеристическою чертою была популярность и общедоступность какъ по цѣнѣ его, такъ и по способу изложенія помѣщавшихся въ немъ сочиненій. Къ сотрудничеству въ этомъ изданіи Иннокентіемъ были привлечены всѣ лучшія академическія силы: іеромонахъ Димитрій (покойный архіепископъ херсонскій), протоіерей Н. М. Скворцовъ, Я. К. Амфитеатовъ и П. С. Авсенева. Многіе тогдашніе русскіе православныя архипастыри также выразили свое сочувствіе новому академическому изданію, помѣщая въ немъ свои проповѣди. Сочувственно отнесся къ нему и новый кievскій митрополитъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3. 1864 г.

Филаретъ, прибывшій въ Кіевъ 26 іюня 1837 г. При такомъ всеобщемъ сочувствіи къ изданію, дѣятельный Иннокентій и самъ горячо поддерживалъ его какъ своими превосходными проповѣдями и различными статьями богословскаго содержанія, такъ и своимъ непосредственнымъ редактированіемъ его, равно какъ и весьма удачнымъ выборомъ для него разнаго рода статей другихъ авторовъ. Вотъ почему, не смотря на тѣсныя рамки этого еженедѣльнаго листка, при Иннокентіѣ, онъ съ перваго-же разу сталъ на довольно высокую степень совершенства и приобрѣлъ себѣ многочисленныхъ читателей. Лучшими годами „Воскреснаго Чтенія,“ по признанію всѣхъ, несомнѣнно были первые годы его изданія, когда руководилъ имъ самъ Иннокентій. Въ то время „Воскресное Чтеніе“ иногда выходило даже вторымъ изданіемъ.

Важную услугу оказалъ Иннокентій русскому образованному обществу, въ бытность свою ректоромъ Кіевской духовной академіи, и своими учеными изслѣдованіями по изученію отечественной исторіи, и въ частности — различныхъ историческихъ памятниковъ. Въ послѣдніе годы своего ректорствованія въ Кіевской духовной академіи Иннокентій, всегда энергичный и предприимчивый, задумывалъ, по словамъ профессора П. И. Малышевскаго, и о болѣе специальныхъ трудахъ по исторіи Руси юго-западной и, въ частности — по исторіи униі, интересъ къ которой въ то время все болѣе и болѣе усиливался совершившимся воссоединеніемъ униатовъ. Послѣ трудовъ митрополита Евгенія ознакомленію Иннокентія съ этою исторіею несомнѣнно много способствовали его частыя бесѣды съ своимъ другомъ, М. А. Максимовичемъ, тогдашнимъ ректоромъ Кіевскаго университета, рѣдкимъ специалистомъ по этой исторіи, предпринявшимъ вмѣстѣ съ другими учеными трудами и изданіе „Кіевлянина,“ въ которомъ, между прочимъ, приняли тогда участіе также и профессора Кіевской духовной академіи. Вслѣдствіе этихъ бесѣдъ Иннокентій, говорятъ, сталъ положительно зачитываться въ историко-полемическихъ памятникахъ западной Руси, приходилъ въ восторгъ отъ Лицеоса Петра Могилы и серьезно началъ думать о томъ, чтобы собрать въ одно цѣлое и потомъ издать въ свѣтъ эти историко-

полемическіе западно-русскіе и южно-русскіе памятники. О намѣреніи Иннокентія собрать и издать въ свѣтъ эти памятники свидѣтельствуешь, между прочимъ, и самъ учепый другъ его, М. А. Максимовичъ, въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1857 годъ (№ 5), когда говоритъ, что „еще незабвенный Иннокентій, въ 1840 году, въ Кіевѣ собиралъ прилежно все, что было напечатано и писано объ уніи, предполагая соединить все то въ одно изданіе подъ заглавіемъ „Памятникъ Уніи.“ Около этого-же времени у Иннокентія возникла мысль и объ изданіи „Исторической бібліотеки Юго-западнаго края Россіи.“ Отсюда для него былъ самый естественный переходъ къ исторіи Польши. Въ числѣ первыхъ русскихъ ученыхъ онъ усмотрѣлъ въ древней Польшѣ слѣды православія и нѣкоторыхъ православныхъ обычаевъ. Плодомъ этого занятія исторіею Польши явилась его статья „О началѣ христіанства въ Польшѣ,“ напечатанная гр. Уваровымъ въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ за 1842 годъ (№ 1). Въ примѣчаніяхъ къ этому сочиненію Иннокентій подвергалъ рѣзкой критикѣ нѣкоторыя мнѣнія извѣстнаго польскаго писателя Маціевскаго. Впрочемъ, по желанію Уварова, хорошо расположеннаго къ этому знаменитому въ свое время варшавскому профессору, Иннокентій, по словамъ профессора И. И. Малышевскаго, согласился исключить такіа примѣчанія.

Было время, когда Иннокентій помышлялъ заняться и начертаніемъ исторіи отечественной Церкви и хотѣлъ начать это дѣло именно съ того, чтобы написать сначала очеркъ состоянія православія въ Греціи, Польшѣ и другихъ славянскихъ земляхъ предъ началомъ исторіи русской Церкви. Но обстоятельства времени или, быть можетъ, что-либо другое воспрепятствовали ему привести въ исполненіе это важное предпріятіе.

Дѣйствительно, такое колоссальное предпріятіе не могло быть исполнено безъ соотвѣтствующихъ ему предварительныхъ работъ. Чтобы поставить новые историческіе труды на твердую почву, для этого нужно было прежде всего собрать самыя историческіе памятники. Къ сожалѣнію, старый, древле-престольный Кіевъ имѣлъ ихъ тогда менѣе столичныхъ и другихъ

мѣсть сѣверной Руси. Въ Кіево - Печерской лаврѣ они были истреблены пожарами 1718 и 1772 годовъ. Въ 1811 году та же участь постигла и библіотеку старой Кіевской академіи; наконецъ, значительное число историческихъ памятниковъ было вывезено кіевскими учеными, переходившими на службу въ сѣверную Россію, равно какъ и разными спекулянтами-собираателями древностей. Иннокентій старался не мало, чтобы пополнить древнюю историческую библіотеку Кіевской духовной академіи: и Кіевская академія ему именно обязана нѣкоторыми историческими рѣдкостями, особенно — по юго-западной литературѣ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ литературныхъ памятниковъ и теперь еще, говорятъ, пахотятся собственноручныя пометки Иннокентія.

Основанное въ Одессѣ „Общество исторіи и древностей“, избравшее Иннокентія своимъ членомъ, дало поводъ къ тому, что въ Кіевѣ, по инициативѣ друзей М. А. Максимовича и Иннокентія, готовилось основаніе общества исторіи и древностей словено-россійскихъ. По благословенію Иннокентія, вырабатывался даже уже и уставъ этого новаго общества. Но переводъ изъ Кіева Иннокентія, а затѣмъ — и Максимовича остановилъ это дѣло, которое впоследствии вызвало только учрежденіе при кіевскомъ генераль-губернаторѣ „Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ“.

Наконецъ, Иннокентію-же принадлежитъ счастливая мысль оживить въ академіи преданія исторической жизни ея, — съ каковою мыслию онъ возобновилъ и обычай ежегоднаго, въ день кончины митрополита Петра Могилы (31-го декабря), поминовенія всѣхъ дѣятелей и благотворителей академіи; а залу академическую онъ украсилъ портретами нѣсколькихъ, болѣе знаменитыхъ ея воспитателей и воспитанниковъ.

Нельзя не поставить въ особую заслугу Иннокентію и его громаднѣйшихъ трудовъ въ дѣлѣ научной, спеціальной разработки собственно богословской и, въ частности, историко-догматической науки. Онъ предпринялъ добровольный, но слишкомъ тяжелый и серьезный трудъ по составленію „Догматическаго Сборника“, который-бы заключалъ въ себѣ правильные и точныя переводы и изложенія всѣхъ важнѣйшихъ исповѣданій

православной вѣры, принятыхъ вселенскою Церковію всѣхъ вѣковъ отъ начала христіанства и до послѣдняго времени. Исповѣданія эти отыскивались въ печатныхъ книгахъ и рукописяхъ, переводились съ греческаго и латинскаго языковъ на русскій, а славянскія и русскія переписывались въ подлинномъ видѣ, предварялись біографическими свѣдѣніями о писателяхъ и мало-по-малу составили два огромныхъ тома. Цѣлю этого сборника предполагалось представить всѣмъ христіанамъ, православнымъ и неправославнымъ, памятникъ православной вѣры, который-бы свидѣтельствовалъ, какъ въ продолженіи всѣхъ столѣтій сохранялась она въ православной Церкви со всею неизмѣнностію и чистотою, а съ другой стороны — дать богатое пособіе духовнымъ училищамъ для преподаванія новой тогда еще у насъ науки — патристики. Нѣкоторыя изъ статей этого „Сборника“ предварительно были напечатаны въ свое время въ „Воскресномъ Читеніи“. Этотъ трудъ Иннокентія, эта разумная мысль о собраніи, переводѣ и изданіи древнихъ православныхъ символовъ христіанской Церкви, — мысль, находившаяся, разумѣется, въ самой тѣсной связи со введеніемъ Иннокентіемъ въ кругъ богословскихъ наукъ — новой до того времени науки — экклезіастики, — къ сожалѣнію, не могла быть приведена Иннокентіемъ въ исполненіе во время его ректорствованія въ Кіевской духовной академіи. Ниже мы увидимъ, что этимъ-же самымъ трудомъ Иннокентій усердно занимался и позже, уже въ бытность свою харьковскимъ епископомъ. Въ Кіевѣ „Догматическій Сборникъ“ былъ доведенъ Иннокентіемъ только до исповѣданій XII вѣка по Р. X.

Но особенно сильное вліяніе на тогдашнее русское общество производилъ Иннокентій своєю проповѣдническою дѣятельностію и священнослуженіями. „У насъ, въ братствѣ, при богослуженіи, рассказываетъ о. Василій Гапоновъ, въ воскресные и праздничные дни народу всегда бывала полна церковь. Причиною тому, кромѣ проповѣдыванія, была благолѣпная служба. Иннокентій всегда служилъ самъ-пять: два бакалавра монашествующихъ и два іеромонаха изъ студентовъ академіи, да три или четыре іеродіакона, между коими были:

Димитрій (Муретовъ), покойный херсонскій преосвященный, и Евсеій (Ильинскій)... богатое облаченіе на служащихъ, построенное Иннокентіемъ, прекрасное цѣніе. Въ мое время хоръ пѣвчихъ былъ очень хорошій; состоялъ онъ изъ студентовъ академіи и мальчиковъ духовнаго уѣзднаго училища. Къ намъ пріѣзжалъ фельдмаршалъ Саженъ собственно для того, чтобы послушать пѣвчихъ“.

Будучи отличнымъ проповѣдникомъ, Иннокентій нашелъ себѣ въ Кіевѣ и вполне удобную почву для усерднаго сѣянія Слова Божія. Въ то время кіевляне особенно сильно нуждались какъ въ нравственномъ утѣшеніи для себя со стороны служителей православной Церкви, такъ и въ поддержаніи патристическаго чувства, возмущеннаго и потрясеннаго интригами и кознями явныхъ и затаенныхъ враговъ русскаго Царя и царства. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Г. П. Павскому, почти въ началѣ своего пребыванія въ Кіевѣ, Иннокентій довольно мрачными красками описываетъ найденное имъ состояніе кіевского края. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого, весьма интереснаго для насъ, письма. „И я въ свою очередь замолчалъ предъ вами, достопочтеннѣйшій Герасимъ Петровичъ“, такъ начинается Иннокентій это письмо отъ 27-го мая 1831-го года послѣ продолжительнаго перерыва переписки, веденной имъ прежде съ Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ. „Время глаголати... Только не знаю, откуда начать плакать? *Плакать*, говорю; ибо нѣтъ ни одной радости: все рыданіе, жалость и горе. Давидъ не зналъ, какое выбрать изъ трехъ золъ: мы поражены ими всѣми безъ выбора. Ужасная холера не даетъ намъ ни дня покою: жертва за жертвой, и все вблизи“... Въ этихъ немногихъ словахъ сразу-же можно узнать великаго проповѣдника, который поражалъ своихъ слушателей силою своего могучаго слова. Далѣе онъ подробно описываетъ впечатлѣніе, какое произвела холера при своемъ появленіи на жителей Кіева. Второе зло Иннокентій видитъ въ голодѣ, который свирѣпствовалъ тогда въ Кіевской губерніи, при чемъ особенно удивляется равнодушію тамошнихъ помѣщиковъ, которые, „иждивъ кровавые труды своихъ крестьянъ безразсуднымъ образомъ, не хотятъ помочь имъ“?!

„Цѣлыя тысячи бродятъ ихъ“, прибавляетъ онъ, „ища работы за кусокъ хлѣба“. Третье бѣдствіе называетъ онъ междуусобіемъ. „Глухая здѣшняя шляхта“, поясняетъ онъ, „не утерпѣла, чтобы вслѣдъ за варшавскими безумцами (очевидно, разумѣются беспорядки, происшедшіе въ Варшавѣ 17-го ноября 1830 г.) не похрабрить на счетъ безопасности мирныхъ жителей. Тамъ и здѣсь появились вооруженныя партіи. Надлежало отправить цѣлыя полки для усмиренія. Насъ горожанъ пугаютъ разными слухами, то пожаромъ, то ночнымъ набѣгомъ. Вслѣдствіе сего, крѣпость и городъ поставлены на военную ногу... Вотъ до чего дожили! Надѣются, впрочемъ, что всѣ смуты скоро окончатся, и у насъ водворится прежняя тишина... Мы имѣемъ извѣстій не меньше вашего: сами получаемъ, кромѣ русскихъ, заграничную газету, а фельдмаршалъ (вѣроятно, графъ Дибичъ) присылаетъ нашему владыкѣ лучшія иностранныя, даже варшавскія. Сколько лжей, хвастовства, клеветъ!.. Что дѣлать? — это время посѣщенія Божія для Россіи“.

Такое тяжелое политическое и соціальное состояніе Россіи и въ частности кievскаго края не могло не отразиться на проповѣдяхъ Иннокентія. И справедливость требуетъ сказать, что лучшими изъ кievскихъ проповѣдей Иннокентія, какъ по своему содержанию, непосредственному и горячему чувству, такъ и по внѣшнему изложенію, являются его слова и рѣчи, вызванныя именно этими прискорбными событіями. Таково прежде всего его слово въ день священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, — произнесенное, по назначенію епархіальнаго начальства, въ Кіево-Печерской лаврѣ 22-го августа 1831 года. Слово это не потеряло отчасти своего значенія и для настоящаго времени и, не смотря на свой временный отпечатокъ, могло-бы быть прочитано не безъ пользы и нашими современниками. Остановимся нѣсколько на его содержаніи. Указавъ въ своемъ словѣ прежде всего величественныя черты Царя-Мессіи, какъ представляются онѣ въ книгѣ псалмовъ Давидовыхъ (Псал. СІХ) и допустивъ возможность приложенія этого пророчественнаго изображенія къ судьбѣ

каждаго изъ тѣхъ немногихъ вѣнценосцевъ, коимъ суждено свыше побѣждать благимъ злое, сочетать величіе съ терпѣніемъ и кротостію, — каковъ былъ Давидъ, мужъ по сердцу Божію, вѣрный оправданіямъ Іеговы, и однако-же проходившій съ народомъ своимъ рядъ искушеній столь тяжелыхъ, что молитвенными воплями его наполнена большая часть его псалмовъ, — каковыми были затѣмъ Іосафать, Езекия, Іосія и прочіе образцы царственной славы, стяжаваемой терпѣніемъ и подвигами, — Иннокентій говоритъ далѣе: „Усумнимся-ли къ симъ благолѣпнымъ именамъ присоединить и еще одно побѣдоносное имя, близкое теперь къ устамъ и сердцу каждого сына отечества? Держнемъ-ли не примѣтитъ священныхъ терновъ, коими рука Промысла украшаетъ вѣнецъ и нашего возлюбленнаго монарха? — Ахъ, кто не знаетъ, что любезное отечество наше вдругъ поражено тѣми бѣдствіями, изъ коихъ Давидъ нѣкогда страшился избрать одно? Для чьей же главы ощутительнѣе тяжесть испытующей десницы Божіей, какъ не для главы народа? Въ чьемъ-же сердцѣ сильнѣе отзываются удары судьбы, какъ не въ сердцѣ Отца отечества? Царственные уста не разъ отверзались уже на смиренное исповѣданіе неисповѣдимыхъ путей Божіихъ; самодержавная рука не разъ, вмѣсто повелѣній, писала молитву сокрушеній и преданности: самъ Давидъ не отвергъ бы выраженій сей скорби и не усумнился бы признать, что его изображеніе Царя-подвижника въ лицѣ нашего монарха еще разъ нашло свое осуществленіе“.

Указавъ, впрочемъ, далѣе на признаки того, что приближается время окончательнаго торжества добра надъ зломъ, вѣрности долгу и порядку надъ буйствомъ и ненаказанностію, Иннокентій продолжаетъ: „Итакъ, возжелѣнное время сіе продолжается! — Ангелъ смерти (т. е. холера), преслѣдуемый смиреніемъ Царя и молитвами народа, видимо спѣшитъ изъ предѣловъ нашего отечества; земля, ожестѣвшаая было подъ стопами устрашенныхъ дѣлателей (указывается на голодъ), паки разверзла нѣдра свои и въ большомъ обиліи износитъ жизнь и веселіе; чудовище мятежа (польскаго) уже поражено во главу, и тѣ, кои мнили шумомъ оружія заглушить вопль правды, сами начинаютъ внимать гласу долга; сама столица вѣро-

ломства (Варшава) трепещеть уже въ стѣнахъ своихъ, если только онѣ еще дерзають стоять предъ лицомъ воинства російскаго...

„Только тлетворный духъ лжи, *лгастящій* нынѣ едва на всю вселенную, могъ обаяніями своими заглушить гласъ правды и благоразумія. Но что принесъ съ собою сей Едемскій искушитель? При одномъ появленіи его тишина и безопасность исчезли; общественная дѣятельность прекратилась; порядокъ уступилъ мѣсто насиліямъ; семейственныя и гражданскія добродѣтели замѣнились безумными порывами отчаянія. Что послѣдовало за принятіемъ змѣйнаго совѣта? Ниспроверженіе того, въ чемъ находили свое благоденствіе грады и веси; опустошеніе того, что созидалось и украшалось вѣками: страхъ однихъ, стыдъ и раскаяніе другихъ, бѣдствія и слезы всѣхъ... Первымъ поводомъ къ искушенію въ такомъ случаѣ обыкновенно бываетъ мечта лучшаго: *будете, яко Бози*. И дѣйствительно, нѣтъ ничего похвальнѣе, какъ желать усовершенствованія себѣ и другимъ; и нельзя отрицать, что на бѣдной землѣ, обитаемой родомъ человѣческимъ, не мало такого, что можетъ быть лучше. Слово Божіе прямо говоритъ, что мы всѣ въ состояніи изгнанія Едемскаго: а такое состояніе когда бываетъ совершеннымъ? Но кто поручится, что все, кажущееся въ общественной жизни недостаткомъ, дѣйствительно таково, — тѣмъ паче, что средства, придуманныя нами для исправленія порядка гражданскаго, непременно приведутъ къ цѣли и отвратятъ всѣ недостатки? Какъ трудно иногда бываетъ судить правильно о томъ, что истинно полезно или вредно и для одного человѣка, — даже для насъ самихъ! Тѣмъ труднѣе постигнуть, отъ чего ближайшимъ образомъ зависитъ благоденствіе цѣлаго народа. Для сего нужно знать его во всемъ: составѣ и частяхъ, видѣть его способности и недостатки, нужды и желанія, обнять соображеніемъ состояніе его прошедшее, настоящее и будущее, различить въ его судьбѣ съ точностію возможное отъ дѣйствительнаго, случайное отъ существеннаго. А многіе-ли могутъ похвалиться таковымъ знаніемъ? А безъ него легко можно впасть въ заблужденія самыя грубыя и пожелать своему отечеству такихъ совершенствъ, кои для него или невозможны, или обратились бы въ настоящее зло...

„Знающій всю ограниченность природы, а тѣмъ паче произведеній человѣческихъ, ни мало не поколеблется въ своей вѣрности и любви къ порядку общественному и при замѣчаніи въ немъ дѣйствительныхъ недостатковъ. Есть-ли на землѣ совершенство, непричастное недостаткамъ? Легко воображать лучшее; но какъ трудно приводить его въ дѣйство! И одного какого-либо человѣка не возможно вдругъ образовать и сдѣлать счастливымъ, тѣмъ паче народы. Каждый самъ себя самый лучший доброжелатель; но дѣлаетъ-ли для своего истиннаго блага все, что возможно? И когда дѣлаетъ, достигаетъ-ли всего, что предполагалъ? Борьба съ недостатками есть нашъ удѣлъ на землѣ, а умѣренность и терпѣніе—первыя добродѣтели. Гдѣ народъ, который бы могъ похвалиться, что онъ обладаетъ совершеннѣйшимъ устройствомъ гражданскимъ? Гдѣ, кои кровавою борьбою восхитили незаконное право сами себя предписывать законы,—вдругъ-ли чрезъ то взопли наверхъ благоденствія? Нѣтъ, они идутъ, подобно всѣмъ прочимъ народамъ, отъ одного опыта къ другому, принимаютъ тяжелые уроки отъ времени, учатся собственными ошибками, повторяютъ тоже самое, въ чемъ прежде винили другихъ.—И сказать-ли непріятную для нѣкоторыхъ истину?—Надобно благодарить Промыслъ, что онъ не попустилъ обществамъ человѣческимъ, равно какъ и въ частности людямъ, достигать въ настоящемъ состояніи на землѣ полнаго совершенства!—И теперь, когда различныя бѣдствія и недостатки земной жизни непрерывно пробуждаютъ въ нашей душѣ тоску о первобытномъ совершенствѣ, нами потерянномъ, и о небесномъ отечествѣ, насъ ожидающемъ,—и теперь мало помнятъ это небесное отечество, гдѣ живетъ одна правда; а тогда, прилѣпившись къ землѣ, никто бы не захотѣлъ о немъ и думать.

„Изъ сказаннаго ни мало не слѣдуетъ, чтобы кому-либо позволено было оставаться совершенно празднымъ зрителемъ недостатковъ (если они есть) жизни общественной, яко-бы неизбежныхъ и потому неприкосновенныхъ. Напротивъ, здѣсь-то и мѣсто истинному усердію. Законы не могутъ объять всѣхъ частныхъ нуждъ и случаевъ, кои безчисленны: покрой не подходящее подъ сѣнь закона твоею любовію къ человѣчеству!

Правосудіе земное не въ состояніи поражать прямо всѣхъ возможныхъ злоупотребленій! Стань противъ нихъ съ твердостію тамъ, гдѣ можешь. Дѣлай безъ повелѣнія то, что желалъ бы видѣть предписаннымъ въ законѣ; будь, если возможно, лучше закона. Но есть-ли какой либо благой поступокъ, который-бы не былъ предписанъ уже самимъ Богомъ въ нашей совѣсти? Можно-ли пожелать лучшаго законоположенія, нежели какое находится въ Словѣ Божіемъ? Слѣдуй симъ руководителямъ, и никогда не найдешь причинъ къ раскаянію. То преобразование, которое считаешь нужнымъ для всѣхъ, начни съ себя самого; внеси устройство въ кругъ твоихъ подчиненныхъ, покажи въ своей жизни примѣръ тѣхъ совершенствъ, кои ты желалъ-бы видѣть въ жизни общественной. И одинъ такой примѣръ не можетъ остаться безъ дѣйствія, тѣмъ паче если ихъ много. А что было-бы, еслибы всѣ самоназванные преобразователи обществъ пошли симъ мирнымъ путемъ самоисправления? Сколько преступленій и ужасовъ было-бы избѣгнуто! Сколько безпорядковъ и зла истреблено непримѣтнымъ образомъ? Сколько добра произведено въ тишинѣ и мирѣ? И слезы обольщенныхъ, кои теперь льются предъ Богомъ отъ мщениій, были-бы тогда слезами искренней благодарности“.

Изложивъ затѣмъ, сколько самодержавіе принесло пользы нашему отечеству и какъ опасно стремленіе къ измѣненію существующаго порядка, какъ скоро оно идетъ не отъ Престола царскаго, а изъ вѣдра политической крамолы, Иннокентій говоритъ: „Нѣтъ, путь истиннаго гражданскаго преуспѣянія идетъ отъ Престола, а не изъ дебрей, и приводитъ въ храмъ благочестія, а не въ вертепы буйства. Онъ продолжителенъ, но за то безопасенъ и твердъ; продолжителенъ для жизни одного человѣка, не продолжителенъ для жизни народовъ. Царства возрастаютъ вѣками и чѣмъ медленнѣе тѣмъ бывають долговѣчнѣе“.

Эта проповѣдь Иннокентія, повторяемъ, не смотря на свой временный, такъ сказать, случайный характеръ, такъ какъ она вызвана, очевидно, прискорбными событіями того времени, о которыхъ именно Иннокентій сообщалъ въ письмѣ къ Павскому, — никогда не можетъ потерять совсѣмъ своего сущест-

веннаго значенія уже потому, что въ ней такъ прекрасно излагается отношеніе христіанскаго ученія къ соціальной сторонѣ жизни народной. Этой темѣ Иннокентій придерживается во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ, которыя онъ произносилъ въ Кіевѣ, по назначенію епархіальнаго начальства, на высокопраздничные дни почти во все время своего кіевскаго ректорствованія. Кромѣ вышеприведеннаго сюда принадлежатъ его слова: 1) въ день священнаго вѣнчанія на царство покойнаго Императора Николая Павловича, произнесенное Иннокентіемъ въ Кіево-Печерской лаврѣ 22 августа 1832 года, на текстъ: „Видѣна быша шествія Твоя, Боже... (Псал. LXVII, ст. 25); 2) въ день восшествія на престолъ, произнесенное Иннокентіемъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 20 ноября 1832 года; 3) въ день рожденія покойнаго Императора Николая Павловича, произнесенное Иннокентіемъ въ Кіево-Печерской лаврѣ 25 іюня 1832 года; 4) въ день тезоименитства покойной Императрицы Маріи Феодоровны; 5) въ день рожденія Императора Николая Павловича, произнесенное Иннокентіемъ 25 іюня 1833 года въ Кіево-Печерской лаврѣ; 6) въ день восшествія на престолъ Императора Николая Павловича, произнесенное Иннокентіемъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 20 ноября 1833 года; 7) въ день рожденія Императора Николая Павловича, произнесенное Иннокентіемъ въ Кіево-Печерской лаврѣ 25 іюня 1834 года, на текстъ: „Въ рудѣ Господни власть земли и потребнаго воздвигнетъ во время на ней. (Сирах. X, 4); 8) въ день восшествія на престолъ Императора Николая Павловича, произнесенное Иннокентіемъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 20 ноября 1834 года, на текстъ: „Восшелъ еси на высоту.... (Псал. LXVII, 19); 9) въ день Воздвиженія Креста Господня, произнесенное Иннокентіемъ въ Кіево-Братскомъ училищномъ монастырѣ по прочтеніи Акта Священнаго Союза и Высочайшаго манифеста, къ нему относящагося, въ 1834 году 14 сентября; 10) въ день священнаго вѣнчанія на царство Императора Николая Павловича, произнесенное Иннокентіемъ въ Кіево-Печерской лаврѣ 22 августа 1835 года и др.

Во всѣхъ этихъ словахъ развивается, собственно говоря, те-

ма одна и та-же — политическія и соціальныя условія народ-ной жизни съ христіанскою точки зрѣнія; впрочемъ, въ нѣ-которыхъ изъ этихъ словъ эта общая тема развивается и въ болѣе частномъ видѣ. Таково, напр., слово въ день священ-наго вѣнчанія на царство Императора Николая Павловича, произнесенное Иннокентіемъ 22 августа 1832 года, на текстъ: „Видѣна быша шествія Твоя, Боже, шествія Бога моего, Ца-ря, иже во святѣмъ“ (Псал. LXVII, ст. 25). Темой этого сло-ва служить раскрытіе слѣдовъ Промысла въ нашей отече-ственной исторіи и, въ частности — въ исторіи царствующаго Дома Романовыхъ. На эту тему указываетъ въ своемъ словѣ и самъ Иннокентій, когда говоритъ: „разгнемъ священныя скрижали бытія народнаго, и возвѣстимъ судьбы Промысла Бо-жія, явленныя въ жизни и дѣяніяхъ царей нашихъ. Но что-бы слабое око наше не помрачилось отъ множества и разно-образія путей Божіихъ, остановимъ теперь благоговѣнное вни-маніе единственно на судьбѣ благословенно царствующаго До-ма“. При произношеніи этой проповѣди удалось присутство-вать бывшему студенту Кіевской академіи, священнику Васи-лію Гапонову, который въ своихъ воспоминаніяхъ по этому по-воду говоритъ слѣдующее: „22 августа, въ день коронаціи по-койнаго Государя Императора, Иннокентій, по назначенію, долженъ былъ сказывать проповѣдь въ лаврѣ. Старшіе и вновь прибывшіе студенты — всѣ мы отправились въ лавру посмотре-ть и послушать проповѣдника, о которомъ, еще бывши на родинѣ, я слышалъ такъ много и плѣнялся рассказами о немъ. Лаврская Успенская церковь была полна народу. Литургію совершалъ по-койный митрополитъ Евгеній. Въ половинѣ обѣдни прибылъ въ церковь маститый старецъ, фельдмаршалъ графъ Сакецъ, со всѣмъ своимъ генералитетомъ. У насъ, новичковъ-студентовъ, зарябило въ глазахъ при видѣ такого блистательнаго собранія. Кончается обѣдня. Причастіе прощѣтъ наскоро. Поставленъ апалой. Выходитъ изъ алтаря проповѣдникъ, Иннокентій въ мантии и клобукѣ, держа въ рукѣ проповѣдь, свернутую въ трубку (кстати замѣтимъ: онъ и не развертывалъ ея). Фельд-маршалъ сѣлъ въ кресло, прильнувъ нѣсколько головой къ рѣшет-кѣ. Проповѣдь была изъ текста: *Видѣна быша шествія Твоя,*

Боже, и проч. Лишь произнесенъ былъ текстъ, какъ всѣ, паходившіеся въ храмъ, обратились въ слухъ и во вниманіе. Мы замѣтили перемѣну въ лицѣ проповѣдника: оно сдѣлалось какъ-то свѣтлымъ и болѣе привлекательнымъ. Кому теперь не извѣстна эта проповѣдь! Но надобно было видѣть, какъ онъ произносилъ ее. Повидимому, все было такъ просто, безъ всякихъ изысканностей со стороны проповѣдника. Но эта простота была удивительна! Голосъ у проповѣдника звучный, пріятный; приемы самые скромные, приличные. Содержаніе проповѣди, въ полномъ смыслѣ, торжественное, блистательное. Однимъ словомъ: въ проповѣдующемъ все гармонировало, все соотвѣтствовало одно другому, какъ нельзя лучше. Когда проповѣдь кончилась, Сакенъ всталъ и поклонился проповѣднику“.

Не мало произнесъ Иннокентій въ Кіевѣ проповѣдей на особыя празднества церковныя: сюда принадлежитъ прежде всего его слово въ навечеріе Новаго года, въ которомъ, указавъ на то, что будущее, и великое и малое, и касающееся цѣлыхъ народовъ и частныхъ лицъ, покрыто непроницаемою завѣсою, запечатлѣно семью печатями, проповѣдникъ приходитъ къ той мысли, что способность провидѣть будущее въ постоянномъ состояніи своемъ человѣкъ не могъ вмѣстить безъ вреда для себя, а потому и лишень ея на время. „Въ самомъ дѣлѣ, братіе, говоритъ Иннокентій, какая радость отцу семейства, окруженному веселящимися домочадцами, провидѣть, что предметъ его любви обреченъ въ слѣдующемъ году гробу? Какое утѣшеніе проповѣднику Слова Божія заранѣе знать, что всѣ слова его останутся безъ дѣйствія надъ сердцами его слушателей? Какая польза любителю наукъ предвидѣть, что онъ не окончитъ великаго открытія, имъ начатаго? Ясно, что во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ гораздо лучше не знать будущаго.“ Къ числу такихъ-же словъ принадлежатъ четыре слова и въ томъ числѣ одна бесѣда на Новый годъ. Въ одномъ изъ этихъ словъ на текстъ: „Сіе глаголю, братіе, яко время сокращено есть прочее... преходитъ-бо образъ міра сего,“—Иннокентій весьма остроумно сравниваетъ весь обольщающій насъ міръ съ храминою Сарданапаловою, въ которой внезапно явившаяся рука написала на стѣнѣ страшныя, роковыя слова: ма-

ни, ескель, фаресъ. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Иннокентій, какъ не измѣряйте величіе и блага міра, всегда найдете, что они кратки и скоро преходящи: *маня!* Какъ ни взвѣшивайте ихъ, они всегда окажутся легки и пусты: *ескель!* И какъ ни помножайте ихъ, всегда выйдетъ въ концѣ, что они должны разсѣяться и прейти изъ рукъ вашихъ къ другимъ: *фаресъ!* Другими словами: все, что въ мірѣ, есть суета суетъ; и всяческая суета“.

Сюда-же нужно отнести также и другія слова, произнесенныя Иннокентіемъ въ Кіевѣ на особыя церковныя празднества; таковы: слово въ недѣлю мытаря и фарисея, въ понедѣльникъ великій, въ недѣлю православія, въ Похвальную субботу, въ недѣлю четвертую по Пасхѣ, на 1-е августа, на Преображеніе Господне, три освященія плодовъ, на день Нерукотвореннаго Образа и т. п. Много было произнесено Иннокентіемъ въ Кіевѣ словъ и рѣчей также и на особыя случаи какъ среди кіевскаго общества вообще, такъ и въ стѣнахъ Кіевской духовной академіи въ частности. Къ числу первыхъ принадлежатъ: 1) слово на освященіе храма во имя Михаила, перваго митрополита кіевскаго; 2) слово въ день освященія храма святаго великомученника Георгія, иже въ Кіевѣ, и по случаю кавалерскаго въ честь его праздника, произнесенное Иннокентіемъ 27 ноября 1838 года, въ присутствіи георгіевскихъ кавалеровъ, въ кіевской Георгіевской церкви, созданной на мѣстѣ древней Ярославовой, освященіе которой воспоминается въ сей день Церковію; 3) слово въ недѣлю Вай, по освященіи храма въ Кіевскомъ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ; 4) слово по прочтеніи указа св. Синода объ открытіи въ Воронежѣ мощей святителя и чудотворца Митрофана; 5) слово при погребеніи начальника всей артиллеріи, генерала отъ артиллеріи, всѣхъ отечественныхъ и многихъ иностранныхъ орденовъ кавалера, князя Льва Михайловича Яшвеля; 6) слово при погребеніи юной супруги, оставившей послѣ себя однолѣтняго сына; 7) рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ попечительнаго общества о тюрьмахъ; 8) слово по случаю землетрясенія, бывшаго въ Кіевѣ 11 января 1838 года; 9) рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ конторы коммерческаго банка;

10) рѣчь при открытіи Кіевской палаты государственныхъ имуществъ; 11) рѣчь по совершеіи молебствія, при открытіи общества кіевскихъ врачей; 12) слово надъ гробомъ 16-ти-лѣтней дѣвицы; 13) слово при погребеніи графини Александры Васильевны Браницкой, произнесенное Иннокентіемъ въ домовой ея церкви, что въ Александріи, 20 августа 1838 года; 14) рѣчь при погребеніи коменданта Кіево-Печерской крѣпости, генералъ-лейтенанта Павла Петровича Турчанинова... Къ числу словъ, произнесенныхъ Иннокентіемъ на особенные случаи, имѣвшіе мѣсто въ стѣнахъ самой Кіевской академіи, должно отнести: 1) слово въ день Нерукотвореннаго Образа и при началѣ академическаго ученія; 2) наставленіе окончившимъ курсъ студентамъ академіи, по объявленіи имъ ученыхъ степеней и должностей; 3) наставленіе новопостриженнымъ монахамъ изъ студентовъ академіи, сказанное Иннокентіемъ послѣ литургіи, по произнесеніи словъ: „*Благословеніе Господне на васъ, Того благодатию и человеколюбіемъ*“ и 4) рѣчь при погребеніи студента академіи. Изъ этихъ послѣднихъ словъ, произнесенныхъ Иннокентіемъ въ стѣнахъ Кіевской духовной академіи, особенное вниманіе обращаетъ на себя „слово въ день Нерукотвореннаго Образа и при началѣ академическаго ученія.“ Въ этомъ словѣ Иннокентій, пользуясь совпадениемъ начала ученія съ днемъ праздника Нерукотвореннаго Образа, который (Образъ) избранъ и въ знакъ отличія для тѣхъ, кои среди образованія своего показали особенные успѣхи въ наукахъ духовныхъ (рѣчь идетъ о магистерскомъ крестѣ), Иннокентій съ истинно христіанской точки зрѣнія ведетъ разсужденіе о томъ, *въ чемъ состоитъ сущность и главная цѣль нашего образованія, отъ кого оно преимущественно зависитъ и какимъ путемъ пріобрѣтается.* „Человѣкъ, говоритъ Иннокентій, былъ нѣкогда нерукотвореннымъ образомъ, и доколѣ былъ имъ, не требовалъ, да кто уищетъ его; ибо Самъ Образъ Божій училъ его всему, наставляя его на всякую истину.“ Въстѣ съ паденіемъ человѣкъ совершенно помрачилъ въ себѣ и Образъ Божій. Напрасно говорила о Богѣ и Его Образѣ природа видимая. „Напрасно и многіе мудрецы, подобно Анавію, покушались, — то съ видимой вселенной и красоть ея, то

съ внутренняго міра духа человѣческаго снять изображеніе Божества и представить его для подражанія человѣку, который искалъ своего подлинника; могъ-ли быть возстановленъ подлинникъ по спискамъ поврежденнымъ?“—Для этого нужно было сошествіе на землю Сына Божія, иже сый сіяніе славы и Образъ въпостаси Его (т. е. Бога-Отца). И дѣйствительно, Онъ низшелъ на землю и, ниспедъ, оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его“. „Послѣ сего, говоритъ Иннокентій, искать другихъ какихъ-либо образцовъ для своего образованія—значить идти явно противъ безпредѣльной любви Божіей и противъ собственнаго совершенства. Человѣку суждено быть образованнымъ, носить образъ, по образъ единого Бога, который въ немъ будетъ токмо тогда, когда онъ облечется во образъ Христовъ: ибо у Самого Бога нѣтъ другаго образа въпостаси Его, кромѣ Единороднаго Сына Его. Если-же успѣхъ всякаго истиннаго образованія зависитъ отъ наибольшаго сходства образуемыхъ съ образцомъ всякаго совершенства, съ воплощенною Премудростію, съ Тѣмъ, въ Комъ обитаетъ тѣлеснѣ вся полнота Божества: то наше образованіе, кои предназначены быть наставниками вѣры и нравовъ, идти по слѣдамъ красныхъ ногъ Апостольскихъ, продолжать великое дѣло воспитанія и образованія человѣчества, начатое Самимъ Иисусомъ Христомъ, наше образованіе должно всецѣло состоять въ уподобленіи себя нашему великому Первообразу. Какъ мы будемъ стараться о томъ, чтобы вообразать Христа въ другихъ, если Онъ не будетъ воображенъ въ насъ? Какъ будемъ призывать къ покоренію помысленій гордаго разума человѣческаго уму Христову, не имѣя сами простоты евангельской? Въ состояніи-ли будемъ преподавать другимъ жизнь во Христѣ, не живя сами Христомъ? Для насъ по сему первымъ и послѣднимъ успѣхомъ, главнымъ предметомъ всѣхъ занятій и всѣхъ усилій, должно быть не другое что, какъ сообразованіе себя со Христомъ, который долженъ быть для насъ все: — *и путь, и истина, и животъ, и премудрость, и правда, и освященіе и избавленіе.* Кто успѣлъ въ семъ, тотъ достигъ цѣли образованія, имѣетъ все, что должно, способенъ къ прохожденію служенія въ до-

му Божию, хотя-бы и не обладалъ множествомъ земныхъ познаній. А кто не окажетъ успѣха въ семь великомъ дѣлѣ, тотъ, хотя-бы исчерпалъ всѣ кладенцы мудрости земной, зналъ все, что на небѣ и на землѣ, тотъ потерялъ время, погубилъ талантъ, есть *ничто* для царствія Божія“...

Не менѣе интереса представляютъ для насъ также и остальные проповѣди Иннокентія этого рода; къ сожалѣнію, размѣръ настоящей статьи не позволяетъ намъ входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ.

Указанными проповѣдями далеко однакоже еще не ограничивается кругъ проповѣднической дѣятельности Иннокентія за время его ректорствованія въ Кіевской духовной академіи. Кромѣ уже указанныхъ нами образцовыхъ, съ величайшимъ тщаніемъ и искусствомъ составленныхъ проповѣдей, которыя произносилъ онъ на дни высокаторжественные и праздничные въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіево-Печерской лаврѣ, и на разные особые случаи, Иннокентій написалъ въ это время, съ такою-же тщательностію и искусствомъ, весьма много и другихъ проповѣдей, которыя большею частію любилъ говорить въ своемъ училищномъ Кіево-Братскомъ монастырѣ. А по мѣрѣ того, какъ слова эти писались и произносились, онъ не медлилъ издавать ихъ въ печати, и такимъ образомъ вскорѣ одни за другими явились его: „Собраніе словъ и бесѣдъ“ въ двухъ томахъ, „Страстная седмица“, „Свѣтлая седмица“ и „Первая седмица великаго поста“.

Впрочемъ, какъ ни много было написано, произнесено и отпечатано Иннокентіемъ его проповѣдей, однако, по весьма вѣрному замѣчанію одного изъ его ученыхъ рецензентовъ, С. П. Шевырева, всѣ они представляютъ собою одно цѣлое. Всѣ они проникнуты однимъ убѣжденіемъ, одною мыслию, одною идеею, — *выразить въ своей жизни образъ жизни нашего Господа*. Самъ Иннокентій ясно высказалъ это значеніе своихъ словъ, когда сказалъ въ одномъ изъ нихъ, произнесенномъ на Свѣтлой седмицѣ: „Въ самомъ дѣлѣ, если мы въ мысляхъ, чувствахъ и дѣяніяхъ своихъ будемъ постоянно *выразять образъ жизни нашего Господа*; то симъ самымъ безъ споровъ, безъ труда заградимъ уста всѣмъ врагамъ Его. Іудей, смотря

на насъ, скажетъ тогда: вѣрно въ самомъ дѣлѣ возсталъ Христосъ изъ гроба, а не украденъ учениками, какъ клеветуютъ предки наши; ибо смотри—Онъ живъ въ христіанахъ"! Этотъ главный и основной предметъ проповѣди Иннокентія особенно проявляется въ трехъ моментахъ бытія христіанскаго: *въ жизни, смерти и возрожденіи*, заключающихся въ трехъ Седмицахъ его: *Первой Великаго поста, Страстной и Свѣтлой*. Съ этой именно точки зрѣнія одинъ изъ рецензентовъ Иннокентія, академикъ И. И. Давыдовъ оцѣниваетъ внутреннее достоинство трехъ послѣднихъ сборниковъ Иннокентіевскихъ проповѣдей, произнесенныхъ проповѣдникомъ за время его ректорствованія въ Кіевской духовной академіи.

„Первая Седмица Великаго поста, говоритъ Давыдовъ, изображаетъ *жизнь* нашу, служащую приготовленіемъ къ смерти и къ новой жизни или возрожденію. Исповѣдь и причащеніе Св. Таинъ, совершаемыя въ эту седмицу, внутренне очищаютъ нашъ духъ. Въ бесѣдахъ этихъ проповѣдникъ, какъ духовный врачъ, погружаетъ душу нашу въ таинство покаянія, въ значеніе покаянной молитвы. „Въ суды мірскіе, говоритъ онъ, являются, чтобы оправдать себя; въ судилище духовное приходятъ съ тѣмъ, чтобы обвинять себя. Тамъ наибольшую свободу пользуется тотъ, кто наиболѣе успѣлъ доказать свою невинность; здѣсь наибольшее помилованіе тому, кто наиболѣе сознаетъ свою грѣховность.“

„Въ *Страстной седмицѣ*, говоритъ Давыдовъ, мы у Креста, созерцаемъ распятаго Господа, съ благоговѣніемъ внимаемъ семи словамъ, сказаннымъ со Креста, въ которыхъ выразилась вся жизнь нашего Искупителя. Первымъ словомъ прощены враги; вторымъ—преподано утѣшеніе матери и любимому ученику, и тѣмъ исполнены обязанности человѣческія; третьимъ—принять въ умиравшее сердце кающійся разбойникъ, а въ лицѣ его и все человѣчество; четвертымъ—выражено тѣлесное страданіе Распятаго въ мучительномъ томленіи жажды; пятымъ—страданіе духовное, оставленіе отъ Отца. Въ шестомъ словѣ: „*совершилася*“, коего одна вѣчность покажетъ всю широту и всю силу, заключилась вся будущность христіанства. Въ послѣднемъ, седьмомъ словѣ, которымъ Сынъ соединился

съ Отцемъ, послѣдовало соединеніе съ Нимъ чрезъ Сына и всего человѣчества. Такъ проповѣдникъ, раскрывая намъ всю силу божественныхъ словъ, научаетъ насъ умирать съ Господомъ. Но вотъ предъ нами и гробъ Христовъ: здѣсь судъ міру. Придите, вѣщаетъ намъ Спаситель чрезъ пророка, *придите и истязуемся!* Смотрите, что Я сдѣлалъ для васъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня, или паче — для себя. Сколько спасительныхъ поученій вылилось тутъ изъ устъ проповѣдника! „Хотятъ быть богами, а убѣгаютъ отъ Бога! Не Богъ скрылся отъ человѣка, а человѣкъ скрылся отъ Бога. Первые враги Креста Христова люди, коимъ Богъ—ихъ я. Другаго рода враги Креста тѣ, для коихъ, по выраженію Апостола, богъ—ихъ *чрево*. Сынъ Божій на Крестѣ: подлинно чудо изъ чудесъ! Спаситель міра въ гробѣ: точно тайна изъ тайнъ! Ты говоришь, что это для тебя непостижимо. А тебѣ говорятъ, что это непостижимо для самихъ Ангеловъ! И зачѣмъ пугаться непостижимаго? Ты удивляешься природѣ и благоговѣешь предъ нею: но все-ли ты постигъ въ ней? Богу, совершенно постижимому, ты пересталъ-бы и поклоняться.“

„Проповѣдь *Свѣтлой* седмицы, продолжаетъ рецензентъ Иннокентія, исполнена сладостнаго довольства. „Какое великое счастье быть христіаниномъ, восклицаетъ нашъ духовный витія. Гдѣ сколько свѣта и жизни, какъ въ Евангеліи? Одни мы, христіане, носимъ Крестъ; одни мы празднуемъ и воскресеніе“. Здѣсь объясняется символъ Пасхи, какъ торжества Вѣры, Любви и Надежды. Внутреннему значенію трехъ седмицъ соотвѣтствуетъ и самый слогъ проповѣдей. Первой, говоря словами проповѣдника, приличны не цвѣты краснорѣчія, а *слезы и пепелъ покаянія*. Слово Страстной проникнуто глубокимъ чувствомъ умиленія. Свѣтлая седмица торжественна и усладительна“.

Проповѣдническая дѣятельность Иннокентія въ Кіевѣ далеко еще не ограничивалась и всѣми указанными нами проповѣдями, изданными въ печати и составляющими пять довольно увѣсистыхъ книжекъ. По свидѣтельству современниковъ и слушателей этого знаменитаго кіевскаго проповѣдника, онъ больше произнесъ проповѣдей импровизированныхъ, чѣмъ

составленныхъ по предварительной записи, и, если вѣрить указаннымъ свидѣтелямъ, то первыя выходили еще удачнѣе послѣднихъ, такъ что даже иногда самъ Иннокентій высказывалъ свое сожалѣніе, что той или другой проповѣди, произнесенной экспромтомъ, онъ не могъ видѣть въ числѣ своихъ отпечатанныхъ проповѣдей, потому что не могъ также прекрасно составить ее на бумагѣ, какъ произнесъ уже на словахъ. Объ этомъ, впрочемъ, мы будемъ говорить еще ниже. Вообще же нужно замѣтить, что въ Кіевѣ Иннокентій съ особеннымъ, можно сказать, напряженнымъ стараніемъ болѣе, чѣмъ когда-либо, заботился о томъ, чтобы развить свой необыкновенный ораторскій талантъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи его старанія остались не безуспѣшны: онъ видимо росъ и совершенствовался въ глазахъ всѣхъ. Вмѣстѣ съ нимъ росла также и его слава, которая скоро переступила границы Кіева и распространилась далеко по всей обширной православной Россіи. Тѣ, которые были современниками изданія его словъ и бесѣдъ и—особенно—седмиць, отлично помнятъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, восторгомъ, жадностію читались и перечитывались они людьми всѣхъ сословія отъ самаго высшаго до низшаго, и какъ имя Иннокентія огласилось во всѣхъ концахъ неизмѣримой Россіи.

Зная, что многія проповѣди Иннокентіемъ произносятся экспромтомъ, импровизированно, и опасаясь, что эти драгоценныя памятники русскаго церковнаго краснорѣчія могутъ пропасть для Россіи безслѣдно и навсегда, не попавъ подъ типографскій станокъ, нѣкоторые изъ почитателей ораторскаго таланта златоустаго Иннокентія, постоянные слушатели всѣхъ его проповѣдей, нарочно всегда носили съ собою всѣ необходимыя письменныя принадлежности, когда шли въ церковь, въ которой служилъ Иннокентій, съ цѣлію записыванія за нимъ произносимыхъ имъ проповѣдей. Въ одной рукописи, содержащей въ себѣ нѣкоторыя воспоминавія объ Иннокентіѣ и находящейся въ настоящее время въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“, разсказывается, между прочимъ, такой случай. Однажды вечеромъ — Иннокентій заѣхалъ къ бывшему ректору Кіевскаго университета, Максимовичу, съ ко-

торымъ онъ вообще находился въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Началась, по обыкновенію, оживленная бесѣда и, между прочимъ, рѣчь коснулась одной изъ проповѣдей Иннокентія, особенно выдающейся и по содержанію, и по произношенію. — „Какая у васъ хорошая память“, — замѣтилъ Иннокентій Максимовичу, — „вы такъ знаете эту проповѣдь, какъ будто учили ее наизусть или прочли нѣсколько разъ. — „Да, такъ и было“, — отвѣчалъ Максимовичъ. Иннокентій недоумѣвалъ. — „Къ сожалѣнію“, — возразилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — „вы ошибаетесь. Вы могли ее только слышать... Она была сказана мною, какъ обыкновенно, экспромтомъ; а затѣмъ, когда на другой день, на досугѣ, мнѣ вздумалось ее припомнить и переложить на бумагу, то она оказалась такъ неудачна противъ произнесенной, что я передѣлывалъ ее нѣсколько разъ, — но все-таки не кончилъ и едва ли не сжегъ. Это часто со мною бываетъ. Я былъ лично знакомъ съ однимъ импровизаторомъ. Импровизаціи его приводили меня въ восторгъ; но когда я попросилъ его написать ихъ, — онѣ оказались плохими виршами. А возьмите вы расказиковъ, анекдотистовъ!.. На словахъ — прелесть, а на бумагѣ — совсѣмъ не то. И, по большей части въ этомъ играетъ роль не дикція и мимика, а просто извѣстное расположеніе духа, съ присуцею ему въ то время образностью выраженія... Въ послѣднее время я какъ-то особенно несчастливъ въ переложеніи на память своихъ проповѣдей. Я душевно-бы желалъ имѣть ихъ у себя буквально, какими онѣ были произнесены“. — „Ваше желаніе можетъ быть исполнено даже сегодня“, — предложилъ Максимовичъ. — „Какимъ образомъ?“ — „Здѣсь есть одинъ молодой человѣкъ“, — отвѣчалъ Максимовичъ, — „скромный учитель Кіево-Печерскаго дворянскаго училища *Ш.*, величайшій вашъ почитатель. Опъ узнаетъ, гдѣ вы служите, отправляется въ тотъ храмъ и топографически записываетъ ваши проповѣди. Впрочемъ, онъ иногда жалуется на васъ, что вы постоянно мѣшаете его добровольному труду своимъ краснорѣчіемъ, которое заставляетъ его до того увлекаться, что онъ забываетъ про записываніе. Ему помогаетъ громадная память. У него цѣлая серія вашихъ

проповѣдей, и въ числѣ ихъ та, о которой мы сейчасъ съ вами говорили. Вотъ причина, почему я знаю эту вашу проповѣдь почти наизусть“. — „Чрезвычайно любопытно взглянуть на эти проповѣди“, — замѣтилъ Иннокентій, — „и вы много обязали-бы меня, — познакомивъ съ молодымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что я думаю издать сборникъ своихъ словъ.“ — Максимовичъ тотъ часъ-же послалъ за молодымъ человѣкомъ *III.*, который и поспѣшилъ явиться на это лестное приглашеніе. Иннокентій обошелся съ *III.* такъ привѣтливо, ласково, что приворожилъ его къ себѣ на всю жизнь; онъ подробно спрашивалъ *III.* о службѣ, о семейныхъ обстоятельствахъ, которыя были весьма незавидны, — внимательно разсматрѣлъ привезенную *III.* рукопись записанныхъ проповѣдей и не покүпился на похвалы и одобренія. Иннокентій попросилъ рукопись взять съ собою, пригласивъ *III.* бывать у него.

Для слушанія проповѣдей Иннокентія, всегда произносившихся безъ пособія тетрадки, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ необыкновеннымъ жаромъ и увлеченіемъ, проповѣдей, — которыя умиляли, трогали, поражали, восторгали слушателей, всегда стекались несмѣтныя толпы: и имя Иннокентія, какъ затмившаго собою всѣхъ проповѣдниковъ, когда-либо бывшихъ въ Кіевѣ, переходило изъ устъ въ уста. По свидѣтельству современниковъ, не только жители Кіева стремились слушать своего вдохновеннаго всегда проповѣдника, но многіе съ этою цѣлю пріѣзжали въ Кіевъ даже изъ дальнихъ мѣстъ, — и изъ веси въ весь, изъ города въ городъ разносили добрую славу объ Иннокентіѣ. — Причина такого всеобщаго дѣйствія проповѣдей Иннокентія отчасти понятна. „Читая преосвященнаго Иннокентія, говорилъ въ своемъ отзывѣ о его проповѣдяхъ, помѣщенномъ въ „Москвитянинѣ“ за 1842 годъ, И. В. Кирѣевскій, — вы чувствуете, что ему не безызвѣстны всѣ ваши мысленныя волненія, что вся гордость разумнаго развитія, всѣ хитросплетенія современной науки не могутъ представить ему никакого новаго возраженія, незнакомаго его многотрудившейся мысли, еще не побѣжденнаго въ глубинѣ его внутренняго сознанія. Этимъ, кажется, объясняется всеобщее дѣйствіе его проповѣди, равно согрѣвающей сердце человѣка безграмотна-

го и многоученаго: это теплое слово вѣры твердой, не безсознательной, но уже испытавшей упорную борьбу съ разумомъ, вѣры мыслящей и непобѣдимо прошедшей сквозь всѣ нападенія свѣтской мудрости, чрезъ всѣ затрудненія оторвавшейся отъ неба науки". — „Здѣсь именно (т. е. въ Кіевѣ), говоритъ профессоръ Малышевскій, достигъ высшаго своего развитія проповѣдническій талантъ неистощимаго и неподражаемаго въ проповѣдническомъ творествѣ. Извѣстное всей Россіи имя его, какъ проповѣдника, избавляетъ насъ отъ обязанности подробной характеристики его проповѣдей, въ которыхъ онъ былъ, конечно, выше даже, чѣмъ въ своей богословской наукѣ. Едва-ли не болѣе всѣхъ заставилъ онъ современное ему русское общество полюбить свою русскую проповѣдь, едва-ли не шире всѣхъ распространилъ онъ просвѣтительное вліяніе ея на общество. Чтеніе его проповѣдей, говоренныхъ то въ послѣдовательномъ порядкѣ на избранные предметы, то по особеннымъ случаямъ, и изданныхъ въ Кіевѣ въ нѣсколькихъ собраніяхъ, еще не даетъ понятія о силѣ впечатлѣнія, какое производила его проповѣдь, когда слушалась изъ устъ самого проповѣдника и о какомъ передаютъ намъ слышавшіе ее. А тогда весьма многихъ не изъ Кіева только, но изъ другихъ дальнихъ мѣстъ привлекало въ Братскую церковь желаніе слышать Иннокентія“.

Несомнѣнно, что произношеніе проповѣди, живое и устное имѣетъ громадное значеніе въ ея дѣйстви на слушателей и выносимомъ ими впечатлѣніи. Самая прекрасная проповѣдь не можетъ произвести такого впечатлѣнія на читающаго ее въ печати, какое она производитъ на слушающихъ, когда произносится самимъ проповѣдникомъ, какъ живое слово, и притомъ чистымъ и внятнымъ голосомъ. Но нужно имѣть въ виду, что Иннокентій иногда употреблялъ еще и особыя, ему только свойственныя, внѣшніе приемы, когда произносилъ свои проповѣди. Много, конечно, можно спорить о томъ, на сколько уместны эти внѣшніе приемы, не чуждые даже нѣкотораго рода театральности, въ дѣлѣ православной проповѣди. Но не подлежитъ никакому спору, что въ рукахъ Иннокентія эти внѣшніе приемы служили всегда отличнымъ средствомъ для

усиленія вниманія слушателей и возбужденія въ обществѣ интереса къ церковной проповѣди. Объ этихъ приемахъ Иннокентія мы имѣемъ возможность составить себѣ нѣкоторое представленіе по разсказу бывшаго тогда студентомъ Кіевской академіи, священника Василия Гапонова. Вотъ что онъ говоритъ, напр., о произнесеніи Иннокентіемъ одной изъ его проповѣдей въ Великій Пятокъ. „Я былъ такъ счастливъ, говоритъ о. Гапоновъ, что въ теченіе всего академическаго курса былъ слушателемъ многихъ изъ его (Иннокентія) проповѣдей. Такъ, при мнѣ говорены были проповѣди на Страстную и Свѣтлую Седмиду, на нѣкоторые двенадцатые праздники и на другіе случаи. Помню, это было въ 1835 году, сказана была имъ проповѣдь въ Великую пятницу. Покойнаго преосвященнаго всегда занимало величайшее событіе въ мірѣ—это смерть Богочеловѣка. Оттого, всѣ поученія, сказанныя имъ на этотъ случай, не смотря на ихъ краткость, преисполнены глубокихъ мыслей, трогательны и умилительны. Оттого не мы одни, но и кіевляне, знавшіе покойнаго преосвященнаго, какъ превосходнаго проповѣдника, лишь наступалъ Великій Пятокъ, всегда съ особеннымъ удовольствіемъ желали услышать, именно въ этотъ день, его проповѣдь, и стекались въ храмъ Братскаго монастыря въ большомъ числѣ. И дѣйствительно, было чего послушать! Я участвовалъ тогда, т. е. въ Великій Пятокъ, въ служеніи. Вечерняя служба отправлялась въ зимней церкви. Предъ концемъ вечерни послѣдовалъ выносъ плащаницы въ лѣтній соборъ. Народу была тьма. Среди церкви, на приготовленномъ мѣстѣ (катафалкѣ), положена была плащаница. Иннокентій трижды обошелъ плащаницу съ кажденіемъ. Четыре мальчика, пѣвчіе, въ траурныхъ стихаряхъ, ставъ по обѣ стороны плащаницы, пропѣли умилительно: „Благообразный Іосифъ“ и прочія стихиры. Настала тишина. Взоры всѣхъ невольно обращены были на проповѣдника, въ ожиданіи отъ него чего-то особеннаго. Помню, онъ стоялъ въ это время задумчиво, склонивъ нѣсколько голову на лѣвую сторону (это была его привычка). Окинувъ всѣхъ взоромъ (о, что это было за взоръ! въ немъ выражалось что-то вдохновенное), онъ началъ слово такимъ образомъ: „Когда дѣти соберутся къ гро-

бу отца или подданые къ гробу владыки, то послѣ слезъ и сѣтованія первымъ дѣломъ ихъ бываетъ узнать послѣднюю волю умершаго и проч. Быть не можетъ, чтобы Онъ (Спаситель) отошелъ отъ насъ къ Отцу, не оставивъ намъ какого-либо завѣщанія. Но се, и книга завѣта на персяхъ Его! Дерзнемъ, братіе, дерзнемъ разогнуть сію священную книгу, да увидимъ и услышимъ, что *речетъ о насъ Господь*“. Сказавъ это, онъ подошелъ къ плащаницѣ, поклонился почти до земли, взялъ Евангеліе, лежавшее на персяхъ Спасителя, раскрылъ и произнесъ: „О, братіе, Онъ *речетъ миръ на люди своя*“ (Псал. 84, 9) и, въ подтвержденіе этихъ словъ, прочиталъ мѣсто изъ Евангелія: *Миръ оставляю вамъ* и пр. (Іоан. 14, 27) и якоже завѣща мнѣ Отецъ Мой, и Азъ завѣщаю вамъ царство (Лук. 22, 29). Закрывъ Евангеліе, онъ сдѣлалъ обращеніе къ Спасителю: „Боже мой! къ намъ-ли это завѣщаніе? Господи! намъ-ли сидѣть на томъ престолѣ, на коемъ возсидишь Ты.. Но рцы намъ, что нужно для пріятія сего Царства? Ты самъ не вдругъ восшелъ на престолъ. Быть не можетъ, чтобы намъ было дано взойти на него вдругъ“. Тутъ опять раскрылъ Евангеліе и прочиталъ: „*Иже хочетъ по Мнѣ ити*“, и пр. (Мар. 8, 34, Мат. 10, 38). Закрывъ опять Евангеліе и началъ: „Не легкій скипетръ для царства, но скипетръ и пр.. Но что дѣлать намъ, когда мы изнеможемъ подъ симъ крестомъ“? Опять обращеніе къ Спасителю: „Ты Самъ вѣдаешь, какъ *духъ бодръ, а плоть немощна* (Мар. 14, 38) и пр. Куда обратиться намъ, когда изнеможемъ подъ крестомъ на пути къ царству, Тобою завѣщанному?“ На этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ какъ-бы отъ лица Самого Спасителя: *Да не смущается сердце ваше*“ и пр. (Іоан. 14, 1. 15, 5. 7, 14. 12, 16. 23, 24. 14, 13. 16, 33.) „Послѣ такихъ обѣтованій, братіе“, продолжалъ проповѣдникъ, „нѣтъ мѣста опасенію и сомнѣніямъ. Завѣтъ вѣренъ: скрѣпленъ кровію, засвидѣтельствованъ небомъ и землею, принятъ и утвержденъ Отцемъ“! и т. д.—Вслѣдъ за симъ закрылъ онъ Евангеліе, подошелъ къ плащаницѣ, съ благоговѣніемъ преклонился до земли и положилъ его опять на персяхъ Спасителя. Покойный преосвященный всегда удивлялъ своимъ искусствомъ въ

произнесеніи проповѣдей, всегда былъ увлекателенъ; но здѣсь, кажется, онъ превзошелъ самого себя. Такъ это было трогательно! такъ поразительно! У слушателей то струились слезы, то, по временамъ, вырывались глубокіе вздохи“.

Такое впечатлѣніе, по свидѣтельству современника и очевидца, способно было производить на слушателей слово Иннокентія, этого гениальнаго оратора на кафедрѣ церковной, который, какъ писатель русскій, долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи русской литературы, а какъ проповѣдникъ—одно изъ первыхъ мѣстъ между духовными витіями не только нашего времени и отечества, но и всѣхъ временъ и народовъ. Въ этомъ отношеніи имя Иннокентія должно остаться бессмертнымъ.

Продолженіе будетъ.

ВОЗМОЖНА-ЛИ ФИЛОСОФІЯ?

(Окончаніе *).

Позитивизмъ отрицаетъ возможность познанія сущности вещей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣйствительной философіи, исходя изъ сенсуалистической точки зрѣнія на познаніе. Но къ тому же самому результату приводитъ насъ и другое, довольно распространенное, современное направленіе философіи, основанное, повидимому, на противоположной позитивизму гносеологической теоріи,—направленіе, для обозначенія котораго нѣтъ общеустановившагося термина и которое мы, по имени его родоначальника, назовемъ ново-кантіанизмомъ **). Какъ извѣстно, результатъ знаменитой „Критики чистаго разума“ во многомъ совпадаетъ съ основнымъ гносеологическимъ принципомъ позитивизма. Мы не знаемъ и не можемъ знать вещей самихъ по себѣ; намъ доступны только явленія, т. е. впечатлѣнія на насъ неизвѣстныхъ намъ вещей самихъ по себѣ, но видоизмѣненныя наложеніемъ на нихъ субъективныхъ формъ нашей чувственной и разсудочной познавательной силы. Очевидно, при такомъ воззрѣніи уничтожается возможность философіи, частіюе—метафизики, какъ скоро она думаетъ быть знаніемъ о реальныхъ объектахъ внѣ нашего познающаго ума, о томъ, что позитивисты называютъ сущностями. Эту мысль со всею послѣдовательностію и проводитъ ново-кантіанизмъ съ цѣлію доказать, что только познаніе эмпирическихъ явленій,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 4.

***) Файнгингеръ называетъ это направленіе также критицизмомъ, а главнаго представителя его, Лапге,—критицистомъ, релятивистомъ, ново и младо-кантіанцемъ (Vaibinger, Hartmann, Dühring und Lange. 1876. p. 4, 18. 205 и др.).

какъ доступной намъ области сущаго, можетъ имѣть цѣнность дѣйствительнаго, научнаго знанія. Вся положительная философія, какъ попытка знать абсолютно недоступную нашему разуму вещь саму по себѣ, не имѣетъ никакого научнаго значенія.

Итакъ, философія не возможна и не имѣетъ права существованія? Но оказывается, что говоря такъ, мы поспѣшили бы съ своимъ заключеніемъ. Какъ позитивизмъ, отвергая познаніе сущности вещей, допускаетъ однако-же свою позитивную философію, такъ и ново-кантіанизмъ не совершенно отрицаетъ философію,—да это былъ бы и напрасный трудъ, въ виду истиннаго существованія философіи. Что же такое философія по теоріи ново-кантіанизма? За отвѣтомъ на этотъ вопросъ обратимся къ Ланге *), какъ наиболѣе выдающемуся и послѣдовательному представителю этого направленія. По его мнѣнію, философія имѣетъ во первыхъ отрицательную, во вторыхъ положительную задачу. Первая принадлежитъ логикѣ и теоріи познанія, вторая—спекулятивной метафизикѣ. Отрицательная часть относится къ положительной, какъ разрушительная критика къ догмату, такъ что въ этой части философія есть Пенелопа, которая ночью разрушаетъ то, что выткано днемъ. Какъ отрицательная критика она должна показать философіи, что сама она какъ наука невозможна; она разрушаетъ всѣ притязанія спекуляціи на истину и показываетъ, что человѣческій умъ съ своимъ познаніемъ рѣшительно не можетъ перешагнуть круга опыта. Однако-же она не уничтожаетъ спекуляціи совершенно; она только отнимаетъ у нея то ложное ея предположеніе, будто она есть истина. Положительная задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы быть спекуляціею, но съ сознаніемъ, что она есть только вымыселъ (Dichtung), а не истина. Философія должна создать намъ гармоническій образъ міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознавать, что этотъ образъ есть

*) Ланге, авторъ извѣстной „Исторіи матеріализма“, которую Файгингеръ, по ея внутреннимъ достоинствамъ и по таланту изложенія, считаетъ „самымъ значительнымъ философскимъ произведеніемъ нашего времени“ (213), „истиннымъ украшеніемъ нѣмецкой философіи“. (213, п. 13). Воззрѣніе Ланге на философію изложено по Файгингеру. (См. его: Hartmann, Dühring und Lange. 1876. p. 18—20).

субъективное наше созданіе, — идеаль, не имѣющій ни малѣйшаго притязанія на реальное значеніе.

Но какое же значеніе и смыслъ можетъ имѣть такая завѣдомо ложная фикція, называемая положительною философіею? По мнѣнію Ланге, спекулятивная философія есть порожденіе эстетическаго, идеальнаго, архитектурическаго стремленія челоуѣческаго духа; какъ таковое, это стремленіе имѣетъ только субъективное, психологическое, но никакъ не объективное или научное значеніе. Гармоническій образъ міра, создаваемый философіею, есть чистая иллюзія, и для философа, въ смыслѣ Ланге, есть сознательная иллюзія. Однимъ словомъ, философъ можетъ создавать систему, но подъ условіемъ не вѣрить въ нее; онъ долженъ относиться къ своей системѣ точно также, какъ художникъ или поэтъ — къ своему эстетическому произведенію. Если такое произведеніе — образъ міра — соотвѣтствуетъ общей степени образованія даннаго времени, оно можетъ стать убѣжденіемъ многихъ, но отъ этой общераспространенности или сочувствія своего времени — философская система ни сколько не выигрываетъ въ реальности или объективности.

Итакъ, источникъ философіи — не дѣйствительная потребность знанія, а субъективная потребность дополненія, недоступныхъ знанію областей созданнымъ самымъ челоуѣкомъ идеальнымъ міромъ. Изъ того-же источника вмѣстѣ съ философіею прорастаетъ и религія; обѣ суть дочери одной и той же творческой силы челоуѣческаго духа, его обманчиваго стремленія къ идеалу, — стремленія, имѣющаго субъективное, но не трансцендентное значеніе. Различіе между ними лишь въ томъ, что философія держится въ своихъ созданіяхъ ближе къ міру дѣйствительному, а религія ближе къ области фантазіи и становится мифологіею.

Такой взглядъ на философію, не ограничиваясь строго предѣлами какой-либо философской школы, принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ воззрѣній нашего времени, особенно между философствующими натуралистами, хотя источникъ этого воззрѣнія у нихъ не столько вліяніе философин Канта, сколько общій духъ времени вообще, не расположеннаго къ рѣшенію высшихъ философскихъ задачъ. По ихъ мнѣ-

нію (напр. извѣстнаго фізіолога Вирхова), все, что лежитъ за границами точнаго эмпирическаго изученія, должно быть совершенно выключено изъ области научнаго знанія. За этою областью начинается область вѣры, которая имѣетъ значеніе только личнаго, субъективнаго убѣжденія и никакой реальной цѣнности; сюда относится какъ религія, такъ и философія; единственная область, доступная дѣйствительному, а не мнимому знанію, есть область эмпирическихъ явленій *).

Коренной источникъ такого возрѣнія на философію, очевидно, заключается въ ученіи Канта и его новѣйшихъ послѣдователей о невозможности для человѣка знать что-либо кромѣ явленій, данныхъ въ опытѣ. Что касается до этого, общаго съ позитивизмомъ, ученія ново-кантіанства, — мы ограничиваемся сказаннымъ уже нами по поводу перваго; здѣсь-же остановимъ наше вниманіе только на представленномъ нами понятіи о философіи, которое, давая ей какъ-будто нѣкоторое право на существованіе, на самомъ дѣлѣ рѣшительно уничтожаетъ ее.

Прежде всего, дѣйствительно-ли это понятіе послѣдовательно вытекаетъ изъ той самой теоріи познанія, которая полагается въ его основу?

Ново-кантіанисты считаютъ свое возрѣніе на философію естественнымъ и послѣдовательнымъ результатомъ Кантовой теоріи познанія. Но независимо отъ того, вѣрна или нѣтъ въ этомъ отношеніи эта теорія, замѣчательно ихъ отношеніе къ самой философіи Канта. Авторитетъ Канта и его „Критики чистаго разума“ имъ кажется непререкаемымъ, какъ скоро идетъ дѣло о невозможности метафизики. Но у Канта, какъ извѣстно, есть Критика разума практическаго, въ которой онъ, исходя изъ начала нравственнаго сознанія, снова восстанавливаетъ истину и необходимость тѣхъ самыхъ идей, достовѣрность которыхъ, повидимому, была разрушена „Критикою чистаго разума“. Тамъ мы вновь находимъ и доказательства бытія Божія, и бессмертія души, и признаніе свободы, — важнѣйшія метафизическія истины, хотя постановка ихъ, конечно, иная, чѣмъ въ прежней философіи. Ново-кантіанисты оставляютъ въ тѣни эту вторую половину Кантовой философіи и не придаютъ ей значенія; нѣ-

*) Ueberweg. Grundriss d. Gesch. d. Philosophie. 1875. III. 347.

которые считаютъ ее даже непослѣдовательностію Канта. Но несмотря на это, обѣ половины его философіи связаны между собою органическою связью; разрывать эту связь—едва-ли значитъ быть вѣрнымъ духу и направленію Кантовой философіи. Напротивъ, если и можно видѣть въ ней нѣкоторую непослѣдовательность, то скорѣе въ томъ отношеніи, что въ своей „Критикѣ практическаго разума“, Кантъ ограничился только нѣкоторыми метафизическими истинами, между тѣмъ какъ почва практической философіи давала возможность выведенія, въ формѣ необходимыхъ постулатовъ нравственнаго сознанія, всѣхъ тѣхъ истинъ, которыя составляютъ содержаніе метафизики. Можетъ быть, такое выведеніе и было-бы нѣсколько одностороннимъ вслѣдствіе односторонности принципа, но во всякомъ случаѣ этотъ принципъ, при послѣдовательномъ его проведеніи, дѣлалъ возможнымъ построеніе системы положительной философіи, такъ же какъ, напр., нравственный принципъ Сократа.

Далѣе, невѣрность новѣйшихъ послѣдователей Канта своему учителю заключается и въ самомъ ихъ воззрѣніи на философію. По ихъ мнѣнію, съ точки зрѣнія субъективнаго идеализма невозможна никакая положительная философія; она не болѣе какъ фикція, сходная съ поэтическими фикціями воображенія. Но съ этимъ согласиться нельзя. На первый взглядъ ново-кантіансты какъ-будто правы; въ „Критикѣ чистаго разума“ ясно проводится мысль, что метафизика, какъ рациональное ученіе о Богѣ, мірѣ, душѣ—невозможна, по невозможности, доказать реальность этихъ объектовъ философскаго знанія. Но въ тоже время мы не только находимъ рациональное обоснованіе нѣкоторыхъ метафизическихъ истинъ въ „Критикѣ разума практическаго“, но и въ другихъ сочиненіяхъ Канта встрѣчаемъ чисто метафизическіе элементы. На это указываютъ уже заглавія нѣкоторыхъ его сочиненій, напр.: „Метафизическія основныя начала естествознанія“, „Основанія метафизики нравовъ“, „Прологомены къ каждай будущей метафизикѣ“, а еще болѣе самое содержаніе его философскихъ изслѣдованій, гдѣ рѣшаются чисто метафизическіе вопросы. Что-же это значитъ? Противорѣчитъ-ли Кантъ самъ себѣ, то разрушая метафизику, то вновь создавая ее? Нѣтъ. Дѣло въ томъ, что Кантъ совершенно да-

лекъ отъ мысли, будто философское познаніе не имѣеть никакого научнаго значенія и цѣнности и что такое значеніе принадлежитъ исключительно знанію эмпирическому. То, что онъ говоритъ о невозможности метафизики, относится ближайшимъ образомъ къ господствовавшей въ его время Лейбнице-Вольфой, называемой имъ догматическою, метафизикѣ, вообще ко всякой философіи, которая-бы рѣшалась утверждать знаніе своихъ объектовъ, какъ вещей самихъ по себѣ. Но Кантъ не отвергаетъ самаго значенія метафизическихъ вопросовъ, такъ какъ стремленіе къ ихъ рѣшенію заключается въ самой природѣ мыслящаго ума; только характеръ этого рѣшенія, согласно съ его теоріей познанія, долженъ быть совершенно иной, чѣмъ у прежнихъ философовъ - догматистовъ. Такъ какъ намъ недоступно познаніе сущности вещей, или, по его терминологіи, вещи самой по себѣ, между тѣмъ побужденіе къ рѣшенію важнѣйшихъ проблемъ, касающихся этой сущности, есть необходимое субъективное требованіе нашего теоретическаго, а преимущественно практическаго разума, — то вполне возможна и законна философія, которая должна рѣшить не то, какъ вещи существуютъ сами по себѣ, а то, какъ онѣ должны быть мыслимы существующими согласно съ субъективными условіями и требованіями нашего ума. Въ ученіи напр. о Богѣ, философія ничего не можетъ сказать о томъ, что такое Богъ есть, но должна сказать, какъ мы должны мыслить о Богѣ, на основаніи требованій практическаго разума. Точно также въ вопросѣ напр. о матеріи, какъ субстратѣ физическихъ явленій, философія природы говоритъ не о томъ, что такое матерія сама по себѣ, даже не о томъ, существуетъ-ли она реально, какъ вещь сама по себѣ, но только о томъ, какъ *понятіе* матеріи должно быть мыслимо, чтобы возможно было рациональное объясненіе природы; съ этой точки зрѣнія, какъ извѣстно, Кантъ и раскрываетъ свое чисто метафизическое ученіе о матеріи, какъ взаимодействіи двухъ силъ. Очевидно, что при такомъ воззрѣніи на значеніе философіи, она не уничтожается, а только измѣняетъ свой характеръ; она становится не объективною, а субъективною философіею; она говоритъ не о томъ, что такое предметы суть, но какъ должно о нихъ мыслить, сообразно съ

условіями нашего познанія. Всѣ философскіе вопросы, искони занимающіе умъ, остаются, но только измѣняется воззрѣніе на смыслъ ихъ рѣшенія. Что касается до отгѣнка субъективности, который принимаетъ по этому воззрѣнію философія, то онъ нисколько не умаляетъ ея научной цѣнности; субъективизмъ у Канта вовсе не есть произволь личнаго мнѣнія и убѣжденія каждаго отдѣльнаго субъекта. Субъективныя формы и законы мышленія суть необходимое выраженіе его природы у всѣхъ мыслящихъ существъ; поэтому и философія, подчиненная, какъ и всякое познаніе, этимъ формамъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ право на всеобщее значеніе и признаніе всѣми мыслящими умами. Субъективизмъ ея не значитъ, что каждый можетъ мыслить какъ ему угодно, но означаетъ только то, что каждый долженъ мыслить согласно съ субъективными условіями знанія, обязательными для всѣхъ разумныхъ существъ.

Вѣрно-ли такое воззрѣніе Канта на характеръ нашего философскаго познанія, говоритъ здѣсь нѣтъ нужды, такъ какъ для насъ теперь важно не столько это самое воззрѣніе, сколько то, что съ точки зрѣнія его теоріи познанія вполне возможна философія; и что сослаться на результаты „Критики чистаго разума“, вообще на субъективность нашего познанія, для уничтоженія правъ философскаго знанія, — совершенно непослѣдовательно.

Наконецъ, новая непослѣдовательность ново-кантіанистовъ въ томъ, что отвергая возможность метафизическаго познанія на основаніи общей субъективности нашего познанія и невозможности знать вещи сами по себѣ, они въ тоже время допускаютъ и возможность и полную научную состоятельность знанія міра явленій, — природы. Въ отношеніи научной цѣнности они рѣшительно противопоставляютъ знаніе эмпирическое философскому. Но на какомъ основаніи? По теоріи Канта, субъективность есть *всеобщій* фактъ нашего познанія, который обнимаетъ собою не только познаніе сущностей, но и явленій; и эмпирическое явленіе не есть что-либо объективное, но точно такой же субъективный продуктъ двухъ факторовъ, — нашего я и дѣйствія на него неизвѣстной намъ вещи самой по себѣ, какъ и всякій другой актъ нашей познавательной силы; оно

условливается пространствомъ и временемъ, которыя по Канту суть чисто субъективныя формы нашего чувственнаго возрѣпія. Поэтому, если субъективизмъ нашего познанія дѣлаетъ невозможнымъ познаніе философское, то онъ точно также дѣлаетъ невозможнымъ и познаніе эмпирическое, какъ познаніе чего-то реально сущаго. Знаніе эмпирическое въ этомъ отношеніи не имѣетъ никакого преимущества предъ философскимъ и если въ субъективизмѣ видѣть препятствіе къ дѣйствительному познанію, то послѣдовательно мы должны придти къ заключенію, что мы ничего не можемъ знать, — ни сущностей, ни явленій, такъ какъ ни рациональныя понятія о первыхъ, ни эмпирическія представленія о послѣднихъ одинаково не выражаютъ объективной истины.

Вообще, что касается до познанія явленій или что тоже — эмпирическаго знанія, то позитивизмъ Конта въ этомъ отношеніи стоитъ тверже, чѣмъ ново-кантіанизмъ. Исходя изъ сенсуалистической теоріи познанія, Контъ несомнѣнно убѣжденъ, что, такъ называемыя имъ, явленія суть нѣчто реальное истинное само по себѣ и потому познаніе ихъ не только возможно, но есть единственно объективное знаніе. Ново-кантіанисты не могутъ утверждать и не утверждаютъ этого; субъективность чувственныхъ представленій они рѣшительно принимаютъ, не только на основаніи теоріи Канта, но и новѣйшихъ фізіологическихъ наблюденій. Но въ такомъ случаѣ ихъ ученіе, что не зная сущности вещей, мы знаемъ только явленія, само собою падаетъ, потому что оказывается, что и явленій мы не знаемъ, если подъ именемъ знанія разумѣть дѣйствительное отображеніе или явленіе сущаго въ нашемъ умѣ и въ явленіи мы видимъ не истинно сущее, а субъективный продуктъ нашего представляющаго я.

Изъ сказаннаго нами видно, что не въ ученіи собственно Канта и не въ субъективизмѣ нашего познанія слѣдуетъ искать главнаго корня того мнѣнія, что намъ доступны только явленія, а не сущность вещей. Мы видѣли, что изъ субъективизма нашего познанія можетъ вытекать только ученіе о субъективномъ характерѣ нашего философскаго мышленія, точно также какъ и всякаго познанія, но отнюдь не ученіе о не-

возможности знанія философскаго и объ исключительной достовѣрности только знанія эмпирическаго. Главный корень этого, совершенно подрывающаго энергію философской мысли и столь распространеннаго, то подъ формою позитивизма, то подъ видомъ кантіанизма или реализма, ученія, заключается въ утомленіи современной философской мысли, неудовлетворенной результатами усиленнаго движенія ея въ недалекомъ прошломъ. Мысль человѣка, не найдши удовлетворительнаго отвѣта на свои вѣковѣчные запросы въ идеалистическихъ системахъ, потеряла вѣру въ себя и свое могущество и оказалась бессильною не только энергически двинуться по новому пути, но и дать отпоръ распространяющемуся эмпиризму и утилитаризму. Она въ уныніи готова смиренно согласиться съ общимъ мнѣніемъ вѣка, что и въ самомъ дѣлѣ и полезно и возможно знать только факты внѣшняго опыта, а все, лежащее за его предѣлами, — terra вѣчно incognita для нашего ума; намъ доступны только явленія, а не сущность вещей.

Но такое самоотреченіе мысли, — симптомъ временнаго, болѣзненнаго состоянія ея, — на самомъ дѣлѣ и на-всегда невозможно. Какъ бы позитивизмъ и всякая другая, сходная съ нимъ по направленію, теорія строго на-строго ни запрещала касаться высшихъ вопросовъ человѣческаго знанія, какъ-бы ни увѣряла, что познаніе сущности вещей невозможно, а мы должны довольствоваться знаніемъ явленій, — эти тревожные вопросы снова и снова возникаютъ предъ человѣческимъ умомъ, неотступно требуя рѣшенія. Исторія философіи показываетъ, что не одинъ разъ обманувшаяся въ своихъ ожиданіяхъ философская мысль старалась оправдать собственное безсильіе, доказывая невозможность философскаго познанія; но это нисколько не уничтожало философскихъ вопросовъ, которые возникали снова, не побѣждаемые никакимъ скептицизмомъ. Уже этотъ одинъ фактъ живучести философскихъ вопросовъ ясно свидѣтельствуетъ, что мы не по какому-либо мечтательному самообольщенію, но въ силу необходимаго и естественнаго требованія нашей разумной природы стремимся къ познанію не только явленій, но того, что лежитъ за явленіями — къ познанію философскому.

Правда, ново-кантіанизмъ, повидимому, не думаетъ отвергать естественной законности такого требованія, тогда какъ позитивизмъ прямо называетъ метафизику иллюзіею человѣческаго ума, которая можетъ имѣть мѣсто только на низшей стадіи его развитія, Ланге напр. видитъ въ положительной философіи обнаруженіе „высшихъ и благороднѣйшихъ функцій человѣческаго духа“, тѣхъ самыхъ, кои производятъ поэзію и религію и выражаются въ стремленіи дополнять вѣчно недоступныя ему области познанія, свободно созданнымъ имъ самимъ, идеальнымъ міромъ. Но такая идеализація философіи звучитъ самою жестокою насмѣшкою надъ нею, когда вспомнимъ, что это благороднѣйшее стремленіе, что это „свободное дѣло духа никогда не можетъ принимать на себя обманчиваго вида науки“, но должно сопровождаться яснымъ сознаніемъ своей обманчивости, что для постояннаго напоминанія философіи о такомъ ея характерѣ существуетъ цѣлая наука — отрицательная философія или теорія познанія, которой вся задача состоитъ въ постоянномъ разрушеніи философскихъ иллюзій.

Но въ такомъ случаѣ, для кого же и для чего нужна философія и какой смыслъ ея? Ланге здѣсь ссылается на аналогію ея съ поэзіею и въ этой аналогіи ищетъ нѣкотораго права ея на существованіе. Но здѣсь есть существенное различіе. Поэзія никогда никого не обманываетъ; ни самъ поэтъ не считаетъ созданій своего воображенія за реально существующія вещи, ни тѣ, кто наслаждается его произведеніями, не ошибаются на счетъ ихъ настоящаго значенія. Иное дѣло философія; здѣсь, по какой-то необъяснимой, роковой судьбѣ, иллюзія постоянно принимается за дѣйствительность, за научное знаніе, — и эта иллюзія такъ сильна и опасна, что для сокрушенія ея нужно оружіе цѣлой науки, — теоріи познанія. Но при такомъ характерѣ философіи можно-ли серьезно говорить о какомъ-либо ея значеніи, даже допускать ея существованіе на ряду съ поэзіею? Не должно-ли разъ навсегда уничтожить эту самозванную и постоянно всѣхъ обманывающую науку?

Между тѣмъ, уже одно уваженіе къ достоинству человѣче-

скаго разума должно-бы привести къ мысли, что упорная вѣра его въ возможность рѣшенія высшихъ философскихъ вопросовъ не есть какая-то ничѣмъ необъяснимая иллюзія, но выраженіе его дѣйствительной, а потому имѣющей полное право на удовлетвореніе потребности. По истинѣ жалкая траги-комическая была-бы участь нашего разума, если-бы ему по какой-то роковой необходимости суждено было вѣчно болѣзненно волноваться высшими вопросами знанія, съ яснымъ въ тоже время сознаніемъ, что эти вопросы совершенно для него неразрѣшимы. Это положеніе въ существѣ невыносимое, невозможное, и оно на самомъ дѣлѣ можетъ существовать только въ теоріи позитивизма и однородныхъ съ нимъ направленій и не можетъ долго держаться не только вообще въ наукѣ, но и въ практикѣ самихъ послѣдователей этой теоріи.

Дѣйствительно, этою внутреннею невозможностью объясняется тотъ странный, повидимому, фактъ, что въ сочиненіяхъ самихъ позитивистовъ, не смотря на ихъ отреченіе отъ всякой метафизики, мы находимъ или метафизическіе элементы или по крайней мѣрѣ замѣтное склоненіе къ извѣстному положительному философскому міросозерцанію, хотя таковое и запрещается принципомъ ихъ ученія. Такъ напримѣръ, Контъ въ теоріи устраняетъ какое-бы то ни было ученіе о Богѣ; истинный позитивистъ ничего не знаетъ о Богѣ; онъ одинаково не можетъ сказать ни того, что онъ существуетъ, ни того, что его нѣтъ; атеистъ, по его мнѣнію, такой-же теологъ, какъ и теистъ или пантеистъ; матеріализмъ есть такая-же точно метафизика и имѣетъ такую-же цѣнность, какъ и идеализмъ. Но на самомъ дѣлѣ ни Контъ, ни его послѣдователи никакъ не могутъ удержаться на этой почвѣ абсолютнаго игнорированія всякой положительной философіи. Въ собственной, такъ называемой, философіи Конта мы найдемъ рѣшеніе различныхъ философскихъ вопросовъ съ замѣтнымъ склоненіемъ къ матеріализму; въ послѣднихъ-же его сочиненіяхъ—попытку нѣкотораго рода философіи религіи *). Отъ этой части его философіи, конечно, отрекаются его послѣдователи (напримѣръ Литтре), видя въ ней жалкое противорѣчіе Конта самому себѣ. Но за то тѣмъ силь-

*) Monrad. Denkrichtungen d. neueren Zeit. 1879. 190—195.

яѣ выступаетъ у нихъ склоненіе къ матеріализму, такъ что позитивизмъ часто сливается съ нимъ почти до безразличія и превращается такимъ образомъ въ одну изъ положительныхъ системъ, вопреки своему принципу, предписывающему самую строгую нейтральность по отношенію къ метафизическимъ вопросамъ.

Тоже самое склоненіе къ матеріализму, совершенно чуждому подлинной философіи Канта, мы замѣчаемъ и у тѣхъ нѣмецкихъ философовъ, которые думаютъ основать свой своеобразный позитивизмъ на почвѣ его теоріи познанія. Такъ напримѣръ, читая извѣстное сочиненіе Ланге („Исторія матеріализма“), не смотря на мѣткую критику, которой онъ подвергаетъ метафизику этого направленія, не можемъ не замѣтить, что его симпатіи больше склоняются къ нему, чѣмъ къ идеализму, что отвергая принципъ матеріализма, онъ въ тоже время обращается именно къ нему при разрѣшеніи частныхъ философскихъ вопросовъ, особенно психологическихъ. Но то склоненіе къ матеріализму, которое въ видѣ замѣтныхъ симпатій скользитъ въ сочиненіяхъ собственно философовъ и не высказывается рѣзко въ виду явнаго противорѣчія въ такомъ случаѣ ихъ своему основному принципу, ясно выступаетъ въ сочиненіяхъ философствующихъ натуралистовъ, въ теоріи держащихся того-же ученія о недоступности намъ познанія сущности вещей и о возможности научно знать только явленія, — не болѣе. Отчасти въ силу требованія этой теоріи, а еще болѣе въ виду сильныхъ возраженій противъ матеріализма, основательности которыхъ они не могли не признать, всякій выходъ за границы чистаго опыта и точнаго естествознанія, будетъ-ли то въ сторону идеализма или матеріализма, они почитаютъ одинаково запрещеннымъ выходомъ въ недовѣдомую и потому не научную область мечтаній и вѣры. Но на самомъ дѣлѣ они никакъ не могутъ уберечься, чтобы не заходить по временамъ въ эту запрещенную область, — и при объясненіи различныхъ спеціальныхъ явленій, тѣмъ болѣе при обобщеніи фактовъ опыта, сейчасъ-же теряютъ научное равновѣсіе между идеализмомъ и матеріализмомъ, явно склоняясь къ послѣднему.

Конечно, философствующихъ натуралистовъ не трудно было-бы отличить въ непослѣдовательности и противорѣчіи самымъ се-

бѣ. Но дѣло въ томъ, что эта непослѣдовательность есть естественная реакція ума, неудовлетвореннаго позитивизмомъ и его запрещеніемъ касаться чего-либо кромѣ явленій. Въ ней заключается уже фактическое опроверженіе разсматриваемаго нами направленія и доказательство необходимости и законосообразности съ природою нашего ума философскаго знанія. То явленіе, что какъ позитивизмъ, такъ и ново-кантіанизмъ склоненъ къ превращенію именно въ матеріализмъ, а не въ иную философскую систему, — дѣло случайное и объясняемое различными сложными условіями. Но при другихъ условіяхъ онъ одинаково могъ-бы превратиться и въ идеализмъ (извѣстна исторія превращенія Кантовскаго субъективизма въ идеализмъ Фихте, Шеллинга и Гегеля) и даже въ религіозную философію.

Признаніе абсолютной невозможности для разума рѣшить высшіе вопросы ума, называемые философскимъ, при существованіи въ то же время неотразимой потребности ума имѣть на нихъ положительные отвѣты, легко можетъ привести къ мысли, что такого рѣшенія, необходимаго для насъ по самому существованію нашей разумной природы, мы должны искать не въ сферѣ разума, а въ области религіи.

Что такой исходъ позитивизма возможенъ, показываетъ намъ и историческая аналогія изъ древняго міра и нѣкоторые факты современнаго состоянія умовъ. Недовѣріе философской мысли самой къ себѣ, выразившееся въ позитивизмъ и родственныхъ съ нимъ направленіяхъ, не есть явленіе новое въ исторіи философіи. Въ древности, за эпохою процвѣтанія великихъ философскихъ системъ, послѣдовало время разочарованія, нашедшее свое выраженіе отчасти въ скептицизмъ, гораздо болѣе рѣшительномъ въ отрицаніи знанія, чѣмъ современный позитивизмъ, отчасти въ преобладаніи ионическихъ школъ (напримѣръ Эпикурейской) съ матеріалистическимъ направленіемъ, въ принципъ сходныхъ съ современнымъ матеріализмомъ. Какъ скептицизмъ, такъ и эпикуреизмъ одинаково старались заглушить высшіе вопросы ума: первый — рекомендуя полное скептическое равнодушіе въ отношеніи къ нимъ, послѣдній — поставляя главною задачею жизни и знанія не теорію, а практическое наслажденіе жизнію.

Но въ такомъ положеніи не могъ на-долго оставаться и имъ удовлетвориться ищущій истины человѣческой разумъ. Умы болѣе серьезные, той высшей истины, которой не могла дать имъ современная, подкопанная скептицизмомъ или уклонившаяся въ матеріалистической евдемонизмъ философія, стали искать въ области религіозной. Явился неоплатонизмъ съ своею теоріею непосредственнаго созерцанія абсолютнаго, замѣнившію, казавшея несостоятельнымъ, раціональное мышленіе; возникла философія религіозная, въ какой мѣрѣ она была возможна въ мірѣ языческомъ. Умы менѣе серьезные и ненаучные искали удовлетворенія своему инстинктивному стремленію къ высшей истинѣ, котораго не могла удовлетворить ни философія съ своимъ скептическимъ и матеріалистическимъ направленіемъ, ни религія, авторитетъ которой давно уже былъ подорванъ этою философіею,—въ таинственной области суевѣрія, въ магіи, въ некромантіи, въ таинствахъ восточныхъ культовъ. И здѣсь, въ искаженной формѣ суевѣрія, мы видимъ тоже возвращеніе къ религіи. Какъ въ философіи, такъ и въ религіозномъ сознаніи послѣднихъ временъ язычества, замѣтно начинается проходить мистическій элементъ; но то, что заключалось истиннаго въ этомъ элементѣ, нашло себѣ реальное удовлетвореніе не въ языческой философіи и религіи, но въ христіанствѣ.

И въ настоящее время, представляющее въ движеніи философіи много сходнаго съ послѣднимъ періодомъ цивилизаціи древняго міра, можно примѣтить нѣкоторыя черты, позволяющія думать, что исходъ современнаго позитивизма и столь симпатичнаго ему матеріализма будетъ такой-же, какъ и въ древнемъ мірѣ. На ряду съ позитивизмомъ и матеріализмомъ идетъ другой токъ философской мысли, направленіе котораго состоитъ въ утвержденіи основныхъ истинъ религіознаго сознанія. Мы разумѣемъ здѣсь философскій теизмъ, представителями котораго служатъ: Фихте младшій, Ульрици, Зенглеръ, Виртъ и др. Замѣчательны также и тотъ интересъ, который возбуждаютъ въ наше время изслѣдованія по исторіи и философіи религій и оживленная полемика, которая сосредоточивается около религіозныхъ вопросовъ. Что касается до нефилософскаго міра, то и здѣсь мы видимъ черту, замѣтно аналогичную съ

соотвѣтствующимъ періодомъ древняго міра, — это стремленіе къ таинственному и мистическому, выразившееся въ спиритизмѣ, который болѣе и болѣе распространяется, увлекаая собою не только мало развитые классы общества, какъ можно бы подумать, но и людей образованныхъ, не находящихъ себѣ удовольствія въ позитивной и матеріалистической наукѣ, — въ числѣ которыхъ находимъ даже имена извѣстныхъ естествоиспытателей, каковы напр. Круксъ, Цѣльнеръ и др.

Будущее покажетъ, чѣмъ окончится намѣченное нами движеніе мысли и не будетъ ли оно содѣйствовать, какъ и въ древнемъ мірѣ, торжеству христіанства, въ которомъ будущая философія также найдетъ свое обповительное начало, какъ нашла его въ немъ философія древности.

В. Жудравцевъ.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОБЫЧНЫХЪ ВЗГЛЯДОВЪ И СУЖДЕНІЙ О РАЗЛИЧНЫХЪ ВИДАХЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И НАЧАЛАХЪ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА. *)

V.

Многъ о происхожденіи общества, рассказанный Протагоромъ. Взглядъ на общество съ точки зрѣнія идеи справедливости. Понятія о равенствѣ правъ и политической свободѣ. Практическія послѣдствія этихъ понятій. Историческое право въ противоположность отвлеченныя правамъ, выводимымъ раціональнымъ путемъ.

Въ діалогѣ Платона *Протагоръ* рассказывается слѣдующій мифъ:

Было время, повѣствуетъ Протагоръ, когда смертныхъ родовъ не было, а только одни боги были. Затѣмъ настало, опредѣленное судьбою, время происхожденія смертныхъ родовъ, — и вотъ боги образовали ихъ внутри земли ($\gamma\eta\varsigma$ ἔνδον) изъ смѣшенія земли и огня... Когда же вознамѣрились вывести ихъ на свѣтъ, то поручили Прометею и Эпиметею одарить ихъ силами, распредѣливъ между ними какъ должно. *Эпиметей* упротсилъ Прометея предоставить ему это дѣло: когда же я раздѣлю — такъ сказала *Эпиметей* — тогда ты приходи и посмотри. Взявъ на себя это дѣло, *Эпиметей* исполнилъ его такъ: однимъ изъ смертныхъ родовъ онъ далъ крѣпость, но безъ скорости, а слабѣйшихъ одарилъ скоростію; нѣкоторыхъ вооружилъ средствами для обороны, другимъ-же, въ замѣнъ орудій защиты, предоставилъ иные способы охранять себя отъ нападений; однимъ изъ тѣхъ, которые слабѣе другихъ по своей малости, далъ крылья, другимъ подземное убѣжище, а которыхъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 4.

отличилъ величиною, — тѣмъ въ самой ихъ величинѣ указалъ средство защиты. И не только противъ ихъ взаимныхъ нападений другъ на друга даровалъ средства защиты, но изобрѣлъ имъ защиту и противъ времянь года: облекъ ихъ густыми волосами и крѣпкою кожею, вполне достаточными не только для того, чтобы охранять ихъ отъ жары и холода, но и для того, чтобы, на случай отдыха, у нихъ была своя собственная природная постель... Израсходовалъ, такимъ образомъ, Эпиметей всѣ дары, а между тѣмъ ничего еще не было дано людямъ; всѣ получили дары, одинъ только родъ людской остался обдѣленнымъ. Видя свою оплошность, Эпиметей *) не зналъ что дѣлать. Тогда на помощь ему является *Прометей* **). Желая спасти человѣка, который остался нагимъ, безъ обуви, безъ покрововъ, безъ орудій защиты, а между тѣмъ настало время выходить ему на свѣтъ, — Прометей похищаетъ мудрость техническую (*ἐπιτεχνον σοφίαν*, т. е. изобрѣтательность по части разныхъ практическихъ искусствъ) Гѣфеста и Аѳины вмѣстѣ съ огнемъ и передаетъ человѣку. Такъ человѣкъ получилъ мудрость, состоящую въ умѣньѣ поддерживать свою жизнь (*περί τῶν βίον σοφίαν*), но политической мудрости еще у него не было, потому что она находилась у Зевса, а Прометей не имѣлъ къ нему доступа. Сдѣлавшись, благодаря похищенной у боговъ мудрости, родственнымъ съ богами, человѣкъ одинъ только сталъ почитать боговъ, строить алтари и изображенія боговъ; онъ изобрѣлъ языкъ, жилище, одежду, обувь, ложе, научился добывать пищу изъ земли. Сначала люди жили разсѣянно; городовъ не было. Поэтому они гибли отъ дикихъ звѣрей, ибо хотя искусство промышленное (*ἡ δημοῦργικὴ τέχνη*) и было достаточно для поддержанія жизни, но не для защиты противъ дикихъ животныхъ; недоставало еще искусства политическаго (*πολιτικὴν τέχνην*), въ которое, какъ часть, входитъ искусство воинское. Вотъ почему они стали собираться и для спасенія себя — строить города. Но будучи лишены искусства политическаго, они навосили другъ другу

*) Эпиметей — означаетъ тоже, что у насъ выражаютъ словами: заднимъ умомъ крылохъ.

**) Прометей — значитъ предусмотрительный.

обида (*ἰδίκου αλλήλους*), и оттого снова разсѣялись и снова гибли... Тогда-то Зевсъ, не желая гибели нашего рода, посылаетъ Гермеса даровать людямъ *стыдъ и правду* (*αἰδῶ τε καὶ δίκην*) для того, чтобы были въ городахъ порядокъ и крѣпкія узы доброжелательства, соединяющія общество (*κόσμοι τε καὶ δεσμοὶ φιλίας συναγωγῶν*). Гермесь спросилъ Зевса, — какъ онъ долженъ дать людямъ стыдъ и справедливость, — долженъ-ли и ихъ раздѣлить между людьми, какъ раздѣлены искусства? А искусства такъ раздѣлены: кто обладаетъ врачебнымъ искусствомъ, тотъ можетъ доставлять этимъ искусствомъ пользу многимъ другимъ, не знающимъ такого искусства; подобнымъ-же образомъ и другіе, знающіе какой-либо промыслъ, служатъ другимъ своимъ знаніемъ. Такъ-ли и справедливость и стыдъ предоставить только нѣкоторымъ людямъ, или-же между „*всѣми* раздѣлить? — „Между всѣми, отвѣчалъ Зевсъ; пусть никто не будетъ лишенъ участія въ этихъ дарахъ, ибо иначе не могли-бы образоваться города, если-бы только нѣкоторые ими обладали, какъ другими искусствами, и постанови отъ меня законъ, чтобы всякаго, не имѣющаго стыда и справедливости, истреблять какъ заразу въ государствѣ“. *Протагоръ*. 320 д.

Здѣсь, въ простѣйшей и, по своей простотѣ, убѣдительной формѣ выражена та вѣрная мысль, что безъ справедливости и стыда общество человѣческое не можетъ существовать. Безъ справедливости люди разсѣялись-бы; слѣдовательно, справедливость соединяетъ людей въ общество; а стыдъ необходимъ какъ охрана справедливости. Стыдъ не дозволяетъ человѣку нарушать справедливость, слѣдовательно, *предотвращаетъ* преступленіе, но онъ-же и караетъ преступленіе, коль скоро оно совершено. Итакъ, вотъ крѣпчайшія узы, связующія людей въ общество. Эгоизмъ способенъ только *разгединять*, а не *соединять* людей. Поэтому, хотя-бы эгоизмъ и былъ необходимымъ свойствомъ натуры человѣка, однако, кромѣ эгоизма, есть еще и другое важнѣйшее начало, безспорно присущее и дѣйствующее во всякомъ обществѣ, — это именно *справедливость*.

Такъ какъ справедливость есть начало по преимуществу общественное, ибо справедливость я могу выражать только въ отношеніи къ другимъ, — между тѣмъ какъ эгоизмъ — нача-

ло личное, то справедливость, поэтому, состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ дѣятельности, направленной къ поддержанію и охраненію порядка, существующаго въ обществѣ. Пусть этотъ порядокъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несправедливъ; справедливость требуетъ однако поддерживать и сохранять его, пока онъ существуетъ; и несправедливый законъ *обязателенъ*, пока онъ не отмѣненъ. Такимъ образомъ, мы теперь получаемъ новый взглядъ на общество, смотря на него съ точки зрѣнія идеи справедливости.

Съ точки зрѣнія господствующей экономической теоріи общество и жизнь общественная есть мѣсто дѣйствія для борьбы частныхъ интересовъ, происходящей какъ между отдѣльными лицами, такъ и между отдѣльными общественными группами или классами. Инымъ представляется общество съ точки зрѣнія юридической, съ точки зрѣнія идеи справедливости. Общество есть цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части объединяются и приводятся къ согласному дѣйствию единствомъ существующей въ немъ власти, единствомъ законовъ, на которыхъ власть опирается, и единствомъ учреждений, посредствомъ которыхъ она дѣйствуетъ. Единство не исключаетъ разнообразія нравовъ, обычаевъ, мѣстныхъ учреждений, мѣстнаго самоуправления, но оно должно господствовать; все различное должно быть согласовано и приведено къ единству. Чтобы это единство сдѣлать, такъ сказать, нагляднымъ, видимымъ и осязательнымъ для каждаго, для этого требуютъ совершеннаго равенства всѣхъ въ отношеніи правъ политическихъ и гражданскихъ. Равенство это грубая и общедоступная форма пониманія единства. Большинству кажется, что полное единство было-бы тогда, когда-бы всѣ были равны. Но такое единство есть *безразличіе*, отрицаніе различія; истинное же единство, напротивъ, есть не отрицаніе различія, а соглашеніе его, гармонія. Такимъ образомъ, *идея равенства*, — по преимуществу юридическая, т. е., главнымъ образомъ, является на почвѣ правовыхъ отношеній, между тѣмъ какъ *идея свободы* — по преимуществу экономическая. Свободными хотятъ быть въ обдѣльваніи *своихъ дѣлъ*, а равными — въ *правахъ*. Отсюда видно, что такое свобода въ экономическомъ смыслѣ. Это — нестѣспенность

въ преслѣдованіи своихъ частныхъ цѣлей; но такая свобода, какъ чисто внѣшняя, какъ свобода проявленія своихъ натуральныхъ инстинктовъ, ничего общаго не имѣетъ съ тою свободою, которая называется *свободою воли*, со свободою психологическою. Вотъ почему требованіе экономической свободы ни мало не противорѣчитъ тому, что эгоизмъ, какъ натуральная склонность, признается принципомъ дѣятельности въ экономической области, а развитіе экономическихъ отношеній въ исторіи разсматривается какъ естественный процессъ, дѣйствующій непреодолимо, помимо воли отдѣльныхъ лицъ. Свобода же психологическая, не имѣющая значенія съ точки зрѣнія чисто экономической, хозяйственной, получаетъ весьма важное значеніе съ точки зрѣнія юридической, и въ самой экономической области значеніе ея условливается тѣмъ, что юридическая точка зрѣнія и юридическія понятія необходимо входятъ и практикуются и въ области экономической; никакія сношенія по экономическимъ дѣламъ не возможны безъ совершенія разнаго рода юридическихъ актовъ. Потому-то, хотя для удобства аналитическаго разсмотрѣнія мы и раздѣляемъ экономическую точку зрѣнія отъ юридической, и наоборотъ, но на дѣлѣ онѣ обыкновенно смѣшиваются, и это смѣшеніе бываетъ даже причиною многихъ противорѣчивыхъ взглядовъ и понятій не только въ области ходячихъ мнѣній, но и въ сочиненіяхъ ученыхъ. Такъ напр., угнетенное положеніе рабочаго класса разсматривается то какъ дѣло естественной необходимости, въ которомъ никто невиновенъ, то опять какъ дѣло хитрости, коварства и даже дальновидной политики промышленнаго сословія. Равно и юристы, въ духѣ экономическихъ понятій, напр., смотрятъ иногда на преступленіе какъ на дѣло естественной необходимости...

Такъ какъ психологическая свобода имѣетъ безусловную важность съ точки зрѣнія юридической, ибо, при отрицаніи ея, не можетъ быть рѣчи ни о правахъ, ни объ обязанностяхъ, ни законъ, ни преступленіе немислимы, то поэтому и на учрежденія, существующія въ государствѣ, на законы и вообще на весь порядокъ, строй государственной жизни, смотрятъ не какъ на дѣло естественной необходимости, но какъ на дѣ-

ло свободной воли людей; а то, что сдѣлано по свободной волѣ, можетъ быть и измѣнено въ силу той-же свободной воли. Отсюда склонность у юристовъ къ реформамъ, склонность, которая не останавливается предъ самыми рѣшительными преобразованиями государственнаго строя. Поэтому нѣтъ, кажется, болѣе благопріятной почвы для доктринерства, какъ область юридическихъ вопросовъ.

Посмотримъ теперь, какъ означенныя понятія проявляются на практикѣ.

Юриспруденція, какъ сказано, исходя изъ понятія справедливости, выдвигаетъ на первый планъ общество, а не индивидуальную личность. Ибо только въ обществѣ личность получаетъ свои права, и отъ общества, въ силу общественнаго своего положенія: человѣкъ, исключенный изъ общества, тѣмъ самымъ лишается всякихъ правъ. Но чтобы общество всецѣло господствовало, чтобы преобладали общіе интересы, а не частные, для того, говорятъ, должны быть всѣ равны. Какъ-же осуществить это равенство? Посредствомъ самоуправленія. Общество само должно управлять собою, понятно, чрезъ избранныхъ уполномоченныхъ имъ лицъ. Отсюда такое важное значеніе придается праву выбора, свободнаго избранія. Но извѣстно всѣмъ, какъ далеко въ этомъ случаѣ практика расходится съ теоріею. Избранные обществомъ уполномоченные его представители, говорятъ, самымъ актомъ избранія обязываются радѣть объ интересахъ общественныхъ и отвѣтственны предъ обществомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Но на дѣлѣ и представительство, посредствомъ выборовъ учреждаемое, равно и отвѣтственность, возлагаемая будто-бы избраніемъ на лицъ избранныхъ, болшею частію оказываются фиктивными, недѣйствительными, ибо выборы нерѣдко бываютъ дѣломъ случая, или обмана. Что-же касается отвѣтственности, то общество въ полномъ составѣ не можетъ требовать отчета отъ своихъ уполномоченныхъ, тѣмъ болѣе что отвѣтственность въ сущности падаетъ не на избранныхъ, а на избравшихъ, т. е. на само общество; когда-же всѣ отвѣтственны, то это равняется отсутствію дѣйствительной отвѣтственности: не можетъ общество само себя наказывать. Оно, если и наказывается, то единственно тѣмъ, что на него-же пада-

ють и имъ претерпѣваются всѣ худшія послѣдствія дурно веденнаго самоуправленія; но слѣдуетъ имѣть въ виду, что такъ какъ послѣдствія эти оказываются во всей силѣ лишь съ теченіемъ времени, то страдать приходится не тѣмъ или, по крайней мѣрѣ, не однимъ тѣмъ, на которыхъ падаетъ дѣйствительная вина; къ тому-же послѣдствія превратнаго направленія дѣлѣ, когда дѣлаются вполне очевидными для всѣхъ, то какъ обыкновенно оказывается при этомъ, или вовсе непоправимы или-же съ трудомъ поправимы. Вообще предусмотрительность есть удѣлъ не многихъ, а потому и предупрежденіе зла можетъ быть только дѣломъ немногихъ; большинство-же приходитъ въ разумъ обыкновенно лишь по совершеніи дѣла, когда уже обнаружались его послѣдствія, но и это мало помогаетъ на будущее время, такъ что извѣстное французское изреченіе, сказанное лишь въ отношеніи къ извѣстнымъ лицамъ: „они ничему не научились и ничего не забыли“,—приложимо вполне къ большинству людей, когда этому большинству достается власть распорядительная, право управлять. Между тѣмъ угодичество желаніямъ и взглядамъ общества избраннаго для избранныхъ является необходимымъ средствомъ къ упроченію своего положенія, и служеніе обществу выражается, такимъ образомъ, въ прислужничество. Наконецъ, и понятіе объ обществѣ, объ интересахъ общественныхъ, получаетъ при этомъ узкій и фальшивый смыслъ. Для каждаго понятіе объ обществѣ воплощается въ томъ, болѣе или менѣе незначительномъ кружкѣ, съ которымъ онъ состоитъ въ обязательныхъ отношеніяхъ, и такимъ образомъ, подъ названіемъ общественныхъ интересовъ, является господство интересовъ на самомъ дѣлѣ частныхъ, а подъ именемъ общественнаго мнѣнія выдается перѣдко голосъ заинтересованнаго въ дѣлѣ немногочисленнаго кружка лицъ. Мало по малу, этимъ путемъ, получается то, что угожденіе преобладающимъ въ данное время вкусамъ въ обществѣ, склонностямъ и мнѣніямъ, наиболѣе распространеннымъ, становится обычнымъ и даже необходимымъ способомъ къ приобрѣтенію богатства, почета, извѣстности даже для лицъ такихъ профессій, которыя въ сущности должны быть независимы отъ измѣнчивыхъ случайныхъ вкусовъ, господствующихъ въ обществѣ настроеній и мнѣній,

каковы: литераторы, художники и ученые. Вмеѣстѣ съ тѣмъ устанавливается опредѣленная мѣрка для оцѣнки достоинства лицъ каждой категоріи, выступающихъ предъ обществомъ... Но самое большее зло господства случайнаго большинства надъ личностію заключается въ томъ, что люди отучаются внимать внутреннему свидѣтельству своего сознанія, руководиться голосомъ своей совѣсти; есть, говорятъ, совѣсть общественная для всѣхъ обязательная, которая проявляется въ общественномъ мнѣніи; вотъ неліценпріятный судъ, который и караетъ и милуетъ каждаго по его заслугамъ. Полагаясь на этотъ судъ, уже нѣтъ болѣе надобности сводить счеты еще съ собственною совѣстію. Вообще, когда общественность, общество и его уставы принимаются за норму, все опредѣляющую, при обсужденіи всякаго рода дѣлъ, то при этомъ все, что относится къ внутренней жизни личности, утрачиваетъ свое значеніе, и въ такой-же мѣрѣ перевѣсъ пріобрѣтаетъ внѣшнее поведеніе.

Экономическая свобода произвела соперничество и борьбу частныхъ интересовъ вмѣсто гармоніи, которая ожидалась. Послѣдствія-же этой борьбы таковы, что сдѣлалась ясною необходимостью вмѣпательства незаинтересованной въ этой борьбѣ силы, которая-бы соглашала и направляла должнымъ образомъ частные интересы.

Свобода гражданская и политическая, состоящая въ такъ называемомъ самоуправленіи, не только не способствуетъ осуществленію равенства правъ и единенію всѣхъ, напротивъ ведетъ къ преобладанію случайнаго большинства надъ меньшинствомъ; а иногда, и наоборотъ, вмѣсто согласнаго дѣйствія власти порождаетъ нерѣдко анархію и произволь; вмѣсто неравенства правомѣрнаго, т. е. основаннаго на природѣ, или-же на законѣ, создаетъ неравенство незаконное и неправильное, ибо случайнымъ образомъ выдвигаетъ впередъ однихъ, предоставляя имъ господство и власть, ничѣмъ ими незаслуженную, а другихъ, нерѣдко достойнѣйшихъ, устраняя. Цѣль управленія общественнаго—осуществленіе справедливости. Поэтому только тогда каждый имѣлъ-бы равное со всѣми другими право на участіе въ управленіи, если-бы, какъ повѣствуется въ вышеприведенномъ мнѣіи, дѣйствительно всѣ въ одинаковой мѣрѣ обладали высши-

ши дарами неба—стыдомъ и справедливостію. И самый этотъ миѳъ приведенъ Протагоромъ для разъясненія того, почему въ аѳинскомъ собраніи, какъ говоритъ Протагору Сократъ, когда разсуждаютъ о построеніи зданія, то не спрашиваютъ объ этомъ всякаго, а совѣщаются только съ людьми, понимающими это дѣло; равно, если нужно построить корабль, то совѣтуются съ кораблестроителями; когда-же нужно принять какое-либо рѣшеніе, касающееся управленія государствомъ, то въ этомъ случаѣ каждый выступаетъ и даетъ свой совѣтъ: и архитекторъ, и мѣдникъ, и сапожникъ, и морякъ, и богатый, и бѣдный, и благородный, и неблагородный. Протагоръ объясняетъ такой порядокъ тѣмъ, что у всякаго есть справедливость и стыдъ, а это-то и нужно для управленія государствомъ. Но хотя и можно сказать, что никто совершенно не лишенъ стыда и чувства справедливости; однако-жъ далеко не въ равной степени всѣ обладаютъ этими дарами; у многихъ проявленіе ихъ въ значительной степени стѣсняется, а иногда даже дѣлается невозможнымъ отъ преобладающей силы другихъ, несродныхъ съ ними и даже враждебныхъ имъ, натуральныхъ свойствъ. А потому и управленіе обществомъ, которое не можетъ подлежать образамъ идти безъ стыда и справедливости, очевидно, не есть такое дѣло, къ которому всѣ въ равной степени были-бы способны. Въ дѣйствительности, впрочемъ, при самомъ широкомъ распространеніи политическихъ правъ, управленіе никогда не исходить и не можетъ исходить отъ всего общества, а всегда производится немногочисленнымъ кругомъ лицъ, иногда случайно оказавшихся въ несвойственномъ имъ привилегированномъ положеніи, и считать себя выразителями воли всего общества, избравшаго ихъ, и даже народа, эти лица болѣею частію могутъ съ такимъ-же правомъ, съ какимъ распространяемые, посредствомъ печати, взгляды и сужденія принимаются обыкновенно за выраженіе общественнаго мнѣнія, которое въ значительной мѣрѣ создается подъ вліяніемъ этихъ-же взглядовъ и сужденій.

Выше сказано, что въ дѣйствительности невозможенъ такой порядокъ вещей, который слѣдовало-бы признать абсолютно справедливымъ, какъ не бываетъ и абсолютно несправедлива-

го; напротивъ, существуетъ всегда только относительно. справедливый, т. е. не безъ примѣси несправедливости; поэтому и переходовъ слишкомъ крутыхъ и рѣшительныхъ отъ худшаго къ лучшему на дѣлѣ не можетъ быть: движеніе стеченіемъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій можетъ лишь замедляться, либо ускоряться, или-же происходить равномерно. Поэтому и улучшение можетъ быть только постепенное и медленное; ибо вообще нравы измѣняются медленно, а всякій осуществляемый порядокъ только тогда и получаетъ жизненность, когда образуются новые нравы въ духѣ этого порядка. Постепенное-же усовершеніе есть дѣло исторіи, при чемъ историческое движеніе къ лучшему должно понимать не въ смыслѣ естественнаго процесса, дѣйствующаго необходимо, а въ смыслѣ такого жизненнаго процесса, который совершается при дѣятельномъ участіи въ немъ какъ всего народа, такъ равно и отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, а также отдѣльныхъ лицъ, каковое участіе бываетъ то болѣе, то менѣе сознательнымъ. Даже съ точки зрѣнія юридической историческое право должно быть поставлено выше правъ отвлеченныхъ, выводимыхъ изъ абстрактныхъ теорій объ обществѣ и общественномъ самоуправленіи. Повидимому, обществу, какъ оно есть въ данное время, всецѣло принадлежитъ власть и право перестраивать и измѣнять существующій въ немъ порядокъ по произволу, ибо послѣднею рѣшающею инстанціею въ такомъ дѣлѣ считается обыкновенно воля общества, или еще шире,—народа; но на самомъ дѣлѣ это право и власть оказываются просто измышленіемъ фальшивыхъ теорій, коль скоро мы возьмемъ во вниманіе, что существующій порядокъ, если только онъ не сочиненъ, а есть дѣло исторіи, и потому имѣетъ жизненное значеніе, созданъ трудами многочисленныхъ поколѣній, слѣдовательно представляетъ собою такое достояніе, которое по наслѣдству переходитъ лишь во временное владѣніе къ наличному обществу, а не есть благопріобрѣтенное его имущество. Поэтому общество вправѣ только, или вѣрнѣе, обязано только приумножать доставшееся ему наслѣдство, т. е. усовершенывать, а не разстраивать, чтобы въ цѣлости, и по возможности въ улучшенномъ видѣ, передать его послѣдующимъ временамъ.

VI.

Теоретическія ученія объ обществѣ. Различныя теоретическіе взгляды на общество. Общество какъ организмъ. Организмъ какъ общество. Различныя степени въ развитіи организаціи. Критическія замѣчанія по поводу теоріи объ организмѣ какъ обществѣ. Единство и множество какъ два необходимыя опредѣленія въ понятіяхъ объ организмѣ и обществѣ.

Изложенные взгляды на общество отличаются по преимуществу характеромъ практическимъ, такъ какъ ближайшимъ образомъ соприкасаются съ существующими въ жизни отношеніями экономическими и юридическими. Но съ другой стороны они имѣютъ также связь съ чисто *теоретическими ученіями объ общество*, въ которыхъ они представляются выраженными систематически и какъ-бы научно обоснованными.

Различіе разсмотрѣнныхъ взглядовъ на общество состоитъ собственно въ томъ, что одинъ изъ этихъ взглядовъ принимаетъ за исходное начало въ разсмотрѣніи общественныхъ отношеній—*эгоизмъ*, побужденіе чисто индивидуальное, и потому основаніемъ общества признаетъ потребности и интересы индивидуума, отдѣльнаго лица; по другому-же, взгляду не общество существуетъ ради потребностей и интересовъ отдѣльнаго лица, а напротивъ отдѣльное лицо существуетъ для общества и должно быть въ полной отъ него зависимости. Соответственно этому различному отношенію, въ какое поставляетъ себя отдѣльное лицо къ обществу, и въ теоріяхъ объ обществѣ, то общество разсматривается само по себѣ, съ усвоеніемъ ему вполне самостоятельнаго независимаго значенія, именно разсматривается какъ цѣлостный организмъ, живущій своею собственною жизнію, то опять индивидуумъ, отдѣльное существо, входящее въ общество какъ его членъ, разсматривается также само по себѣ и разсматривается какъ общество, — такъ что либо общество представляется какъ отдѣльное существо, либо отдѣльное существо признается обществомъ и разсматривается какъ общество.

Стремленіе создать точную науку объ обществѣ, взаимнѣ, или по крайней мѣрѣ, для восполненія истеріи, какъ науки, не отличающейся точностію, и потому не признаваемой достойною стать въ ряды наукъ, вполне отвѣчающихъ своему

понятію, — каковы всѣ естественныя науки, — стремленіе это возникло подъ вліяніемъ наукъ естественныхъ; изучающихъ природу; потому и не удивительно, что оно выразилось въ теоріяхъ, имѣющихъ характеръ натуралистическій. — Такъ какъ естественныя науки раскрываютъ намъ законы, дѣйствующіе въ природѣ, то равнымъ образомъ и *соціологія*, дабы представить законы, лежащіе въ основаніи происхожденія и устройства человѣческаго общества, не должна-ли разсматривать это общество какъ произведеніе природы? А произведеніе природы, одаренное жизнью, — это есть *организмъ*. Итакъ, общество слѣдуетъ разсматривать какъ организмъ, дабы вывести точныя законы общественнаго устройства. „Человѣческое общество, говоритъ *П. Милленфельдъ*, — подобно всякому организму, представляетъ собою ничто иное, какъ продолженіе природы; оно только болѣе могущественное выраженіе тѣхъ-же силъ, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ явленій природы“. „Человѣческое общество есть дѣйствительное существо; оно не простое подобіе организма, а дѣйствительный организмъ“. „Тѣ-же органическіе законы, которые соединяють отдѣльныя клѣточки въ каждомъ человѣкѣ, управляютъ органическою связью членовъ общества“. Въ каждомъ организмѣ, по извѣстнымъ законамъ, соединяются отдѣльныя клѣточки, и общество также есть соединеніе членовъ, входящихъ въ его составъ, такъ что эти члены — не самостоятельныя существа на самомъ дѣлѣ, а клѣточки, составныя части общественнаго организма. Всѣ силы природы сводятся къ движенію. Поэтому и жизнь общественная есть сложность движеній, происходящихъ въ различныхъ направленіяхъ. Задача *соціологіи* — представить законы, управляющіе движеніемъ въ каждомъ изъ направленій, входящихъ въ составъ общественной жизни. Есть законы *фізіологическіе*, которыми изъясняются перемѣны, происходящія въ области экономической; есть законы *морфологическіе*, изъ которыхъ изъясняются правовыя отношенія, какъ формы общественной жизни; наконецъ, есть также законы *тектологическіе*, опредѣляющіе политическое устройство общества въ постепенномъ его развитіи. Организмъ общественный находится въ здоровомъ состояніи, когда въ немъ происходитъ равномерное развитіе

во всѣхъ указанныхъ направленихъ.—Другой писатель, изъ школы экономистовъ, *Альбертъ Шефлэ* также представилъ опытъ изъясненія общественныхъ явленій, въ которомъ общество разсматривается какъ организмъ. *) Какъ въ каждомъ живомъ существѣ постоянно происходитъ обмѣнъ веществъ, такъ и въ обществѣ совершается непрерывный обмѣнъ продуктовъ, составляющихъ народное богатство. Но какъ и во всякомъ организмѣ, такъ въ особенности въ наиболѣе совершенномъ организмѣ общественномъ слѣдуетъ различать отъ процессовъ физиологическихъ психологическіе процессы, которые образуютъ въ своей совокупности то, что называется обыкновенно *народнымъ духомъ, коллективнымъ сознаниемъ общества*. Соціологія должна разсмотрѣть какъ тѣ, такъ и другіе процессы и опредѣлить ихъ законы.

Особенность направленія, выраженного какъ названными писателями, такъ и многими другими той-же школы, заключается въ томъ, что, отождествляя общество съ организмомъ, самый организмъ они разсматриваютъ просто, какъ живое тѣло, или какъ животное, т. е. руководятся натуралистическимъ воззрѣніемъ на человѣческую жизнь; такимъ образомъ, привнимая за несомнѣнную истину то, что еще требуетъ доказательства, и даже не можетъ быть доказано,—широко пользуются этимъ непрочнымъ основаніемъ для объясненія явленій, которыя, по своей сложности и запутанности, требуютъ вполне самостоятельнаго изученія и изъясненія *изъ нихъ самихъ* безъ сомнительной помощи всякихъ аналогій; ибо всякое покушеніе точно, во всѣхъ подробностяхъ, провести и выдержать самую даже удачную аналогію, никогда не обходится безъ натяжекъ и произвольныхъ, иногда слишкомъ изысканныхъ, перетолкованій того, что для ума не предзанятаго само по себѣ представляется простымъ и удобопонятнымъ.

*) Достаточно указать здѣсь заглавіе сочиненія Шефлэ, чтобы составить понятіе объ идеѣ этого сочиненія. Вотъ оно: *Bau und Leben des socialen Körpers. Encyclopädischer Entwurf einer realen Anatomie, Physiologie und Psychologie der menschlichen Gesellschaft mit besonderer Rücksicht auf Volkswirtschaft als socialer Stoffwechsel. I—IV. Tübingen. 1875—1878.* (Строеніе и жизнь социальнаго тѣла. Энциклопедическое начертаніе реальной анатоміи, физиологіи и психологіи челоѣческаго общества, съ особенно тщательнымъ разсмотрѣніемъ народнаго хозяйства, какъ социальнаго обмѣна веществъ).

Если общество разсматривается какъ организмъ, то и наоборотъ организмъ въ свою очередь разсматривается какъ общество, т. е. какъ соединеніе безчисленнаго множества отдѣльныхъ живыхъ существъ.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на организмъ мы замѣчаемъ въ немъ различныя части, и каждая изъ такихъ частей, называемыхъ органами, исполняетъ особое какое-либо дѣло, посредствомъ котораго она, совмѣстно съ другими, способствуетъ достиженію благосостоянія всего организма. Но тоже самое раздѣленіе труда между отдѣльными членами, для осуществленія общей всѣмъ имъ цѣли, мы видимъ и въ низшихъ по своему развитію общинахъ. Такъ напр., въ пчелиномъ роѣ самцы умѣютъ только оплодотворять матку, матка производитъ потомство, а рабочія пчелы готовятъ кормъ: такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь, что различныя отправленія, подобно тому какъ и въ организмѣ, исполняются посредствомъ особыхъ членовъ общины. Поэтому можно сказать, что община у животныхъ это тотъ-же организмъ, но только съ частями, получившими самостоятельное существованіе: различныя отправленія исполняются въ общинѣ уже не чрезъ различныя, связанныя между собою въ одно цѣлое, части, а посредствомъ особей, изъ которыхъ каждая отдѣльно отъ всѣхъ другихъ существуетъ и дѣйствуетъ. Известно, что есть животныя, которыя представляютъ безформенную массу, еще не раздѣленную на части или органы; но восходя къ высшимъ формамъ животнаго царства, мы видимъ, какъ постепенно выдѣляются и специализируются отдѣльные органы у различныхъ животныхъ; если взять это во вниманіе, то нетрудно придти къ заключенію, что не только раздѣленіе органовъ въ организмѣ животнаго, но также раздѣленіе отправленій между отдѣльными членами общины, и еще большее обособленіе членовъ въ обществѣ человѣческомъ, гдѣ каждый членъ уже не предназначенъ къ исполненію одного какого-либо отправленія, напротивъ можетъ исполнять различныя отправленія, что все это только разныя степени одного и того-же процесса, проходящаго чрезъ весь міръ животныхъ, не исключая и человѣка. Итакъ, организмъ, общины животныхъ и общество человѣческое различаются только

степеню, въ какой является въ нихъ общеніе; но и въ самыхъ организмахъ, какъ сказано, общеніе является на разныхъ ступеняхъ развитія. Разсматривая организмы съ этой точки зрѣнія, какъ ступени въ развитіи общенія, естество-испытатели принимаютъ за исходный пунктъ этого развитія *клеточку*. „Тѣло животнаго—монархія клеточекъ, тѣло растенія—ихъ республика“ *). А самое развитіе общенія въ организмахъ представляютъ въ слѣдующемъ видѣ: всѣ высшіе организмы сначала были ассоціаціями простѣйшихъ особей или клеточекъ. „Ассоціація сперва однородная, затѣмъ становится разнородной вслѣдствіе раздѣленія труда между ея элементами“. Единство цѣли всѣхъ соединенныхъ особей, заключающейся въ поддержаніи, благоденствіи ассоціаціи, служитъ причиною того, что послѣдняя превращается въ отдѣльную особь. Это низшая степень общенія. Затѣмъ у животныхъ высшихъ, и особенно у человѣка, является чувство индивидуальности, сознаніе своего я. Какъ же происходитъ сознаніе? Низшая степень сознанія, въ формѣ темнаго о себѣ представленія, предполагается существующею уже въ простыхъ клеточкахъ, на томъ основаніи, что „онѣ движутся и останавливаются по произволу (разумѣется, когда существуютъ отдѣльно, а не въ видѣ ассоціаціи), изслѣдуютъ почву, на которой находятся, помощію своихъ отростковъ или рѣсничекъ.“ Въ ассоціаціяхъ клеточекъ, вслѣдствіе ихъ связи, должна постепенно установиться общность хотѣній, и чрезъ то

*) По выраженію Мильнъ-Эдварса, тѣло животнаго, точно также какъ и тѣло растенія, есть ассоціація частей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою особую жизнь и въ свою очередь есть ассоціація организованныхъ элементовъ. Части эти—физиологическія особи, соединенныя между собою для образованія зоологической, или ботанической особи, но обладающія большей или меньшей независимостію. По словамъ *Клода Бернара*, сложное живое существо можно сравнить съ городомъ, жители котораго соотвѣтствуютъ анатомическимъ элементамъ организма; всѣ граждане ведутъ одинаковую жизнь, питаются, дышатъ одинаково и обладаютъ одними и тѣми-же общими свойствами (именно свойствами человѣка). По всякій имѣетъ свое дѣло, или особый промыселъ, или особыя способности, таланты, помощію которыхъ участвуетъ въ общественной жизни и зависитъ отъ нея. Организмъ, подобно обществу, устроенъ такъ, что условія элементарной или индивидуальной жизни въ немъ неприкосновенны, такъ какъ одинаковы для всѣхъ; но въ тоже время каждый членъ зависитъ въ нѣкоторой степени,—вслѣдствіе своей функціи, и для исполненія этой функціи,—отъ мѣста занимаемаго имъ въ организмѣ, въ соціальной группѣ.

нѣкоторыя ощущенія должны сдѣлаться общими для всѣхъ особей, ибо, находясь въ столь близкомъ сосѣдствѣ, каждая особь не можетъ уже оставаться совершенно чуждою тому, что происходитъ у другихъ. Если одна какая-либо изъ соединенныхъ особей воспринимаетъ ощущенія всѣхъ другихъ, то при этомъ сознаніе этой особи должно сдѣлаться преобладающимъ; оно должно расшириться до того, что становится сознаніемъ всей колоніи: воля этой одной господствующей особи замѣняетъ волю всѣхъ остальныхъ; такимъ способомъ возникаетъ у высшихъ животныхъ представленіе о себѣ, или сознаніе своего я. Подобнымъ образомъ простыя федераціи преобразуются въ могучія націи съ обширными столицами, гдѣ сосредоточивается власть. И какъ ассоціація особей превращается въ организмъ въ слѣдствіе раздѣленія труда, такъ точно, путемъ того-же раздѣленія труда и постепеннаго упорядоченія общественныхъ силъ, и слабое племя дикарей достигаетъ богатства, единства и могущества нашихъ великихъ націй. Наибольшею прочностію обладаетъ тотъ союзъ какъ въ организмахъ, такъ и въ народностяхъ, который наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ благосостояніе особей его составляющихъ. Обезпеченіе это достигается чрезъ приспособленіе союзовъ къ свойствамъ самихъ особей, а равно и къ средѣ, въ которой эти особи принуждены жить.

Ни общеніе, ни сознаніе, являющееся результатомъ общенія или ассоціаціи особей, на низшихъ степеняхъ своего развитія, самостоятельнаго значенія не имѣютъ, служа только средствомъ къ поддержанію жизни *въ цѣлой колоніи*. Напротивъ, на высшихъ степеняхъ своего развитія, сознаніе становится самостоятельнымъ въ каждой особи, въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, а чрезъ то и самое общеніе получаетъ иной характеръ. Общее сознаніе въ союзѣ сознательныхъ особей, такихъ, изъ которыхъ каждая обладаетъ особымъ сознаніемъ, замѣняется одинаковыми привычками, сходными потребностями особей, аффектами, убѣжденіями, а по причинѣ этой самостоятельности, пріобрѣтенной особями, и самый союзъ ихъ превращается въ общество—какъ орудіе удовлетворенія потребностей уже не *цѣлой колоніи*, а *отдѣльныхъ особей*, посредствомъ ихъ кол-

лективной дѣятельности. Ассоціація (кѣлочекъ) превращается въ организмъ по мѣрѣ того, какъ образуется единство сознанія. Общество-же организуется по мѣрѣ того, какъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего я, въ особи явилось сознаніе своей принадлежности союзу подобныхъ-же особей.

Какъ-же происходитъ, наконецъ, развитіе общенія въ обществахъ человѣческихъ?

Борьба за существованіе между особями дѣлается излишнею, когда онѣ соединяются и образуютъ общество; борьба устраняется ихъ солидарностію въ своей средѣ; существованіе особей обезпечивается чрезъ ихъ общеніе настолько, что измѣненіе біологическихъ формъ, для лучшаго приспособленія къ средѣ, дѣлается излишнимъ и потому ослабѣваетъ. Приобрѣтеніе новыхъ органовъ замѣняется употребленіемъ машинъ и орудій, а также усиленіемъ работы мысли. На мѣсто первобытныхъ задачъ наилучшаго приспособленія особи къ мѣстной жизненной и общественной средѣ является потребность преобразования самой этой среды, соотвѣтственно идеаламъ сознательной особи относительно полезнаго, привлекательнаго, истиннаго, справедливаго. Борьба ради удовлетворенія своихъ потребностей и приобрѣтенія къ тому необходимыхъ средствъ уступаетъ мѣсто борьбѣ за убѣжденія *).

Мы видѣли, что самые низшіе, несовершенные организмы— не что иное, какъ ассоціаціи простѣйшихъ особей или кѣлочекъ. Но эти особи или кѣточки могутъ существовать и дѣйствительно существуютъ и отдѣльно, а не только въ соединеніи. Что-же побуждаетъ ихъ соединяться и образовать одинъ организмъ? Когда простѣйшія особи соединены, то ихъ связываетъ между собою единство цѣли, которая заключается въ поддержаніи благоденствія ассоціаціи. Итакъ, не ради себя соединяются особи, а для благосостоянія ассоціаціи, которая еще не существуетъ, пока особи не соединились; поэтому необходимо допустить, что особи, входящія въ составъ организма, если только онѣ существовали раздѣльно, одарены природнымъ

*) Представленная выше въ краткихъ чертахъ теорія постепеннаго развитія общенія въ организмахъ и обществахъ подробно излагается въ „Отч. Записк.“ въ статьѣ: „Заботы науки съ низшими организмами“. 1883 г., іюнь.

влеченіемъ къ общенію; ибо иначе было-бы непонятно, что могло-бы заставить ихъ соединиться. Образую ассоціацію, онѣ ничего не выигрываютъ, напротивъ теряютъ свою самостоятельность, такъ что уже не могутъ отдѣлиться безъ опасности для своей жизни. Еще менѣе понятно, какимъ образомъ можетъ возникнуть единство сознанія въ ассоціаціи. Легко сказать, но не доказать, что въ ассоціаціи одна особь дѣлается преобладающею надъ другими, и чрезъ то ея сознаніе получаетъ господство надъ сознаніемъ другихъ, такъ что послѣднее постепенно погасаетъ и поглощается сознаніемъ единой преобладающей особи. Здѣсь допускаются два предположенія—оба одинаково произвольныя. Первое—что изъ простѣйшихъ особей, входящихъ въ составъ самыхъ низшихъ организмовъ, каждая обладаетъ сознаніемъ; другое—что сознаніе одной особи, неизвѣстно по какимъ причинамъ, съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ господство надъ сознаніемъ другихъ особей. Первоначально особи всѣ равны, одинаковы по строенію и свойствамъ; и по положенію своему онѣ также не различаются. Первичные организмы представляютъ безформенную массу, безъ всякаго раздѣленія органовъ; откуда-же раздѣленіе труда между особями, признаваемое условіемъ для происхожденія различія по силѣ сознанія между особями? Что изъ слабаго и дикаго племени образуется народъ—это еще можно понять, ибо въ самомъ первобытномъ состояніи племени уже существуетъ различіе между отдѣльными его представителями, различіе индивидуальныхъ свойствъ, вслѣдствіе чего одни лица изъ всего племени выдѣляются и пріобрѣтаютъ господство надъ всѣми другими. Но какимъ образомъ въ колоніи ничѣмъ не различающихся особей можетъ произойти тотъ-же процессъ сосредоточенія власти и сознанія,—это непонятно. Въ обществѣ человѣческомъ, какъ мы видѣли, борьба за существованіе уступаетъ мѣсто борьбѣ за убѣжденія. Изъ-за кого-же эта борьба ведется и противъ кого? Если существованіе отдѣльнаго члена обеспечено (ибо борьба за существованіе прекращается), то слѣдовательно уже не ради себя, а ради общества индивидуумъ ведетъ борьбу и противъ того-же самаго общества. Выходитъ, что солидарности въ обществѣ меньше, чѣмъ въ низшихъ

организмахъ, почему-же слѣдуетъ считать общество человѣческое высшею ступеню въ развитіи общепія? Если уже помѣщать въ одномъ ряду, какъ различныя степени проявленія одного начала, и общество человѣческое, и общины животныхъ, и отдѣльные организмы, высшіе и низшіе, то относительно того, какъ проявляется въ нихъ общеніе, отдѣльные организмы слѣдуетъ поставить выше даже человѣческаго общества, въ которомъ далеко нѣтъ такой гармоніи между членами его составляющими, какая существуетъ между отдѣльными частями и элементами организма.

Чѣмъ различается борьба за убѣжденія, происходящая въ человѣческомъ обществѣ, отъ борьбы за существованіе въ мірѣ животныхъ и растений? Тѣмъ, что борьба за убѣжденія не требуетъ, говорятъ, ни истребленія, ни механическаго подчиненія другихъ особей, а только измѣненія ихъ образа мыслей. „Борьба эта вызываетъ въ особи самоотверженную дѣятельность на общую пользу, сознание нравственной солидарности членовъ общества, до тѣхъ поръ связавшаго лишь привычками. Убѣжденіе въ общественной солидарности становится единственнымъ и самымъ энергическимъ средствомъ къ тому, чтобы доставить обществу побѣду надъ врагами и чтобы довести въ немъ борьбу до минимума.“ (Борьба, значить, предпринимается для устранения борьбы). То, что здѣсь выражено, трудно и едва-ли возможно связать съ предъидущимъ. Какимъ образомъ происходитъ превращеніе борьбы за существованіе въ борьбу за убѣжденія, это необходимо было объяснить, но именно это и осталось необъясненнымъ. Повидимому, слѣдуетъ такъ представлять происхожденіе борьбы за убѣжденія. Вначалѣ особь отстаиваетъ свое существованіе, и для болѣе успѣшнаго достиженія этой цѣли образуется соединеніе одинаковыхъ особей. Является общество. Однако и въ обществѣ борьба не прекращается, только она ведется уже не за благосостояніе особи, а за благосостояніе всего общества, почему измѣняется и самый характеръ борьбы. Но если общество образуется вслѣдствіе борьбы особей за существованіе, то и самое существованіе общества не можетъ имѣть иной цѣли, какъ только обезпеченіе существованія отдѣльныхъ особей. Общество есть средство къ

этой цѣли. Между тѣмъ средство само превращается въ цѣль, получаетъ значеніе самостоятельной цѣли, коль скоро въ обществѣ происходитъ борьба ради самаго общества. Общество становится цѣлью для особей, ради которой они жертвуютъ собою, т. е. *дѣлаютъ противоположное тому, для чего образовалось самое общество.* Какъ понять это превращеніе? Намъ нужны деньги для того, чтобы чрезъ нихъ прибрѣтать все необходимое для жизни, но скупецъ пристращается къ деньгамъ, и такимъ образомъ средство для него становится цѣлью. Не такъ-ли и общество, которое должно быть лишь средствомъ, въ понятіяхъ нѣкоторыхъ людей становится цѣлью? Но когда въ самомъ дѣлѣ то, что должно быть лишь средствомъ, превращается въ цѣль, въ такомъ случаѣ подобное превращеніе обыкновенно осуждается, или по крайней мѣрѣ никто не считаетъ подобное превращеніе нормальнымъ и должнымъ, обязательнымъ. Между тѣмъ когда особь жертвуетъ собою для блага общаго, то это не только не порицается, напротивъ по справедливости признается величайшимъ подвигомъ, достойнымъ всякой похвалы. Не потому-ли не удовлетворяется индивидуумъ простымъ обезпеченіемъ своего существованія въ обществѣ, что сверхъ матеріальныхъ потребностей есть еще потребности высшаго порядка? Тогда слѣдовало-бы изъяснить происхожденіе таковыхъ потребностей. Но теорія не даетъ къ тому никакихъ основаній; если слѣдовать изложенной теоріи, то вадлежало-бы изъ матеріальныхъ потребностей выводить духовныя, такъ какъ вначалѣ признаются существующими только первыя. А такой выводъ именно и оказывается невозможнымъ, какъ это видно уже изъ того, что въ изложенной теоріи борьба за убѣжденія вдругъ вводится безъ всякихъ предшествующихъ основаній, безъ объясненія ея происхожденія.

Итакъ, въ ученіяхъ объ обществѣ то общество сравнивается съ организмомъ, то организмъ съ обществомъ. Сравниваемъ мы обыкновенно вещь менѣе извѣстную и ясную съ болѣе извѣстною и ясною, дабы представить яснѣе первую при пособіи второй. Поэтому, когда сравнивается общество съ организмомъ, то предполагается при этомъ, что организмъ есть нѣчто болѣе извѣстное и понятное для насъ, чѣмъ общество.

Отсюда естественно должна была явиться попытка представить организмъ какъ первообразъ, какъ первичную форму общежитія и этимъ путемъ изъяснить процессъ происхожденія общества. Но въ сущности и при такой постановкѣ вопроса мы ничего болѣе не имѣемъ, кромѣ голаго сравненія: сравнивается теперь организмъ съ обществомъ. Сравненіемъ этимъ дается новый взглядъ на организмъ, слѣдовательно какъ бы болѣе уясняется, на основаніи болѣе извѣстнаго намъ, каково общежитіе, то, что помимо этого сравненія оставалось менѣе извѣстнымъ. Такимъ образомъ, то организмъ принимается за болѣе извѣстное, то опять общество разсматривается какъ болѣе извѣстное. Сравниваются всегда вещи различныя. А какъ мы ничего другаго не имѣемъ въ изложенныхъ взглядахъ на общество кромѣ сравненія, то посему нельзя не признать ложною основную мысль этой теоріи, именно, что организмъ и общество—это только различныя ступени въ сущности одного и того-же процесса ассоціаціи. И все это строится на основаніи пресловутой теоріи Дарвина. Извѣстно, что, по этой теоріи, процессъ развитія жизни состоитъ въ постепенномъ усложненіи разностей, такъ какъ одинъ видъ, путемъ разновидностей, распадается на много другихъ видовъ, и такимъ образомъ отъ простаго процессъ эволюціи идетъ къ сложному, отъ болѣе общаго—къ частному, отъ сходнаго—къ разнообразному. Процессъ эволюціи есть процессъ раздѣленія. Между тѣмъ, разсматривая организмъ какъ общество, приходится развитіе понимать въ обратномъ смыслѣ, въ смыслѣ обобщенія и поглощенія различныхъ сознаній отдѣльныхъ особей въ одномъ сознаніи той особи, которая пріобрѣтаетъ господство надъ другими. Оказывается, что законъ эволюціи каждому даетъ то, что требуется.

Проблема, заключающаяся въ изложенныхъ ученіяхъ объ обществѣ, въ сущности не новая. Еще въ древности трудились надъ разрѣшеніемъ ея. Только въ то время вопросы вообще ставились въ абстрактной, а потому болѣе простой элементарной формѣ. Древніе греческіе философы спорили о томъ, слѣдуетъ-ли признать бытіе единымъ, или же напротивъ—множественнымъ? Элейская школа учила, что сущее—едино, и по-

тому отрицала множественность, т. е. множественность признавала феноменальнымъ, какъ бы призрачнымъ. Напротивъ, атомисты утверждали, что бытіе—множественно, т. е. что истинно существуетъ только множество, а единство есть только кажущееся,—что оно лишь представляется какъ существующее, а въ истинѣ не существуетъ. Платонъ призналъ то и другое, и единство и множество, лишь соотносительными, необходимо сопринадлежащими одно другому, опредѣленіями бытія, но при томъ такъ, что либо единство господствуетъ надъ множествомъ (въ идеальномъ мірѣ), или же множество преобладаетъ надъ единствомъ (въ мірѣ вещественномъ, или чувственномъ). Приложимъ эту мысль Платона объ относительномъ значеніи единства и множества къ нашему вопросу объ организмѣ, какъ обществѣ, и обществѣ какъ организмѣ. И въ обществѣ и въ организмѣ есть единство, есть и множество. Но единство бесспорно важнѣе множества, а потому, по значенію единства тамъ и здѣсь, слѣдуетъ опредѣлять и различіе между обществомъ и организмомъ. Вопросъ заключается въ томъ,—насколько сходны общество и организмъ въ отношеніи къ единству, которое имѣетъ мѣсто тамъ и здѣсь, ибо единство, какъ важнѣйшее опредѣленіе, должно быть главнымъ основаніемъ для сравненія. *Единство* жизни въ организмѣ есть субстанціальное, реально существуетъ, и потому оно господствуетъ здѣсь надъ множествомъ; множественность существуетъ здѣсь не сама по себѣ, а только какъ выраженіе единства въ разнообразныхъ формахъ. Отсюда говорить объ образованіи организма—значитъ говорить 'о происхожденіи въ немъ жизненнаго единства. Происхожденіе множества можетъ быть объяснено и представлено чрезъ разложеніе его; единство неразложимо; вотъ почему происхожденіе единства необъяснимо; оно не можетъ образоваться постепенно; постепенность возможна лишь въ усовершеніи, т. е. въ проявленіи, а не въ происхожденіи единства. По сему происхожденіе жизненнаго единства всегда есть тайна, предполагающая невѣдомый для насъ творческій актъ *).

*) Даже въ произведеніяхъ человѣческаго искусства то, что даетъ единство художественному произведенію и составляетъ какъ-бы его душу, что называется идеею,—есть непонятное дѣйствіе творческой силы духа.

Въ обществѣ реально существуетъ *множество* членовъ его составляющихъ, изъ коихъ каждый обладаетъ самостоятельнымъ бытіемъ (въ организмѣ множественность не столько реально, сколько потенциально существуетъ, ибо только послѣ смерти организма его составныя части раздѣляются). Единство же, одушевляющее общество, напротивъ не столько реально, сколько *идеально* существуетъ, т. е. какъ цѣль, которая *постепенно осуществляется*, такъ что единство здѣсь представляется въ видѣ исторически происходящаго процесса *объединенія*, а потому мы можемъ въ нѣкоторой мѣрѣ прослѣдить и объяснить его происхожденіе. Словомъ, единство существующее въ обществѣ, состоитъ въ общеніи, между тѣмъ какъ единство въ организмѣ, назовемъ-ли мы это единство органическою, жизненною силою, или душею, есть субстанціальное, т. е. существующее независимо отъ различныхъ частей организма, находящихся, въ силу этого единства, въ общеніи между собою.

П. Липицкій.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И .

ПИСЬМО XIII *).

О БЛАГОРАЗУМНОМЪ ПОЛЬЗОВАНИИ ВРЕМЕНЕМЪ.

Поступай такъ, мой Луцилій: вызывай себя чаще на очную ставку съ самимъ собой; не упускай и береги время, которое у тебя доселѣ или отнимали, или незамѣтно для тебя похищали, или самъ ты безплодно терялъ *по своей невнимательности*. Воспитай въ себѣ убѣжденіе, что истина то, о чемъ я теперь пишу тебѣ: есть дни и часы, которые силою вырываютъ у насъ *люди или обстоятельства*; иногда-же принадлежащее намъ время исхищается у насъ тайкомъ, изъ-подъ самыхъ рукъ; а существуютъ и такія минуты, которыя для насъ самихъ протекаютъ незамѣтно. Изъ всѣхъ этихъ утратъ самая тяжкая есть та, которая дѣлается по нашей нерадивости. Если захочешь вникнуть въ это дѣло, ты найдешь, что самая большая часть жизни тратится у насъ на то, чтобы дѣлать злое, значительная на то, чтобы ничего не дѣлать, а вся жизнь проходитъ въ томъ, что мы дѣлаемъ совсѣмъ не то, что должны дѣлать. Можешь-ли ты указать человѣка, который умѣлъ бы давать надлежащую цѣну времени, понималъ-бы всю стоимость одного дня и проникнуть былъ мыслью о томъ, что каждый лишній день приближаетъ его къ концу земной жизни? Въ томъ именно и состоитъ наше главное заблужденіе, что мызираемъ на смерть, какъ на нѣчто отдаленное, не смотря на то, что на самомъ дѣлѣ наша жизнь своею значительною ча-

---

*) Ер. I.

стью уже протекла; ибо тѣ возрасты нашей жизни, которые остались позади насъ, не намъ уже принадлежать, а смерти.

Итакъ, не измѣняй себѣ, мой Луцилій, и поступай сообразно съ тѣмъ, какъ сообщаешь: веди счетъ всѣмъ двѣмъ; вѣдь если ты будешь держать въ рукахъ сегодняшній день, то мнѣ будешь зависѣть отъ завтрашняго. Жизнь утекаетъ въ то самое время, какъ мы *по живой самонадѣянности* удлиняемъ ее для себя въ своемъ воображеніи. Въ самомъ дѣлѣ, все иное зависитъ не отъ насъ, одно только время въ нашей власти. Одно время, быстролетное и неуловимое, природа оставила въ нашемъ владѣніи; владѣніе это однако столь непрочно, что изъ нашего владѣнія можетъ насъ изгнать всякій, кто захочетъ. И вотъ сколь велика неразумность людей: они допускаютъ, чтобы имъ были поставлены на счетъ тѣ мелкія, дешевыя и легко замѣнимыя вещи, которыя они выпросили *у другихъ*; а никто не размыслить о томъ, что онъ имѣетъ нѣкоторый долгъ и по отношенію ко времени, которое получилъ; между тѣмъ какъ это есть единственная вещь, которую даже и самый благодарный не можетъ отдать обратно.

Ты, быть можетъ, спросишь, что дѣлаю я-то самъ, дающій такія наставленія? Признаюсь откровенно, что я поступаю, какъ тѣ люди, которые живутъ въ роскоши, но съ расчетливостью: у меня заносится въ записную книжку всякая издержка. Не могу утверждать, что ничего не теряю, но по крайней мѣрѣ могу сказать, сколько теряю, почему, и какъ; сказать кратко, отдаю отчетъ въ своей бѣдности. Но со мной случается то-же, что бываетъ съ людьми, загнанными въ нищету не по своей винѣ: никто ихъ не обвиняетъ, но никто и не помогаетъ. Что я, впрочемъ, говорю? Вѣдь я не почитаю бѣднымъ того, который довольствуется оставшеюся у него частью, какъ бы мала ни была она. При всемъ томъ я желалъ бы, чтобы ты сохранилъ все тебѣ принадлежащее; начни же въ добрый часъ! Наши предки говаривали: „поздно быть бережливымъ, когда остались одни подонки“, и справедливо. Ибо тогда въ сосудѣ остается не только самая малая часть, но и самая худшая.

ПИСЬМО XIV *).

КАКЪ ВРЕМЯ ЮНОСТИ ЕСТЬ ВРЕМЯ УЧЕНІЯ, ТАКЪ ВСЕ ВРЕМЯ МУДРЕЦА ДОЛЖНО БЫТЬ УПОТРЕБЛЕНО ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ БЕЗБОЯЗНЕННОЙ ВСТРѢЧѢ СО СМЕРТЮ: СМЕРТЬ НЕ ЕСТЬ ГИБЕЛЬ, А ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Убѣждай своего друга мужественно противостоятъ людямъ, упрекающимъ его за то, что онъ унижилъ свое достоинство, возжелавши неизвѣстности и покоя, и предпочитая спокойствіе бремени дѣлъ, не смотря на то, что, оставаясь при дѣлахъ, онъ могъ бы выиграть гораздо больше. Пусть онъ ежедневно показываетъ имъ, съ какою пользою для себя ведетъ онъ свое дѣло. Тѣ, которымъ завидуютъ, не долго будутъ предметомъ зависти: эти сами падутъ, а тѣ будутъ раздавлены другими. Изобиліе счастья покоя не даетъ: оно само себя мучитъ, возмущая умъ всякими способами. Оно возжигаетъ пожеланія въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ особенныя: одного подзадориваетъ добиваться власти, въ другомъ дразнитъ склонность къ изнѣженности и удовольствіямъ; однихъ наполняетъ самоувѣренной слѣсью, другихъ обезсиливаетъ,—и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ ведетъ къ распущенности. Но вѣдь кто-нибудь переноситъ-же счастье благоразумно? Да,—какъ переносятъ вино. Твои порицатели не представляютъ достаточно убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу того, что счастливъ человекъ тотъ, который въ толпѣ лицъ, его окружающихъ, находится какъ-бы въ осадѣ: вѣдь къ нему, какъ къ озеру, всѣ бѣгутъ толпами; и въ то время, какъ черпаютъ изъ него, его возмущаютъ. Твоего друга называютъ лѣнивцемъ, который тѣшится пустяками. Но ты знаешь, что иные говорятъ какъ — разъ противное тому, что слѣдуетъ сказать, и обозначаютъ вещи совсѣмъ противоположными признаками. Тебя прежде называли счастливымъ: но было-ли то дѣйствительное счастье? Я, съ своей стороны, не буду печалиться и о томъ, если иные найдутъ во мнѣ свойства души суровой и печальной, тяжелой для нихъ. Аристотель **) говаривалъ, что „онъ больше любитъ юношу раздумчиваго, чѣмъ без-

*) Ер. 36.

**) Можетъ быть, здѣсь разумѣется Аристотель изъ Александрій, перипатетикъ времени Августа который по Страбону (гл. 17) написалъ сочиненіе о Нилѣ.

заботнаго и прислужника толпы; ибо то вино, которое густо и горько, дѣлается хорошимъ въ послѣдствіи; то - же вино, которое пріятно въ чану, срока не выдержитъ". Пусть такого человѣка называютъ угрюмымъ и враждебнымъ своимъ собственнымъ успѣхамъ: въ старости эта угрюмость обнаружится въ блестящемъ видѣ, лишь бы только онъ настойчиво продолжалъ дѣйствовать въ духѣ добродѣтели и посвящалъ себя занятіямъ нравственно благороднаго человѣка, — не тѣмъ занятіямъ, которыми можно удѣлять частичку времени, какъ чему-то внѣшнему, не относящемуся къ существу человѣка, — а тѣмъ занятіямъ, которыми всецѣло должна быть пропитана душа. Теперь-то и настойтъ тебѣ время учиться. Какъ такъ? Развѣ есть такое время, когда учиться не слѣдуетъ? — Вовсе нѣтъ! но если учиться пристойно людямъ всякаго возраста, то не во всѣ годы прилично быть ученикомъ. Странно и смѣшно было бы видѣть старца, изучающаго азбуку: юношѣ должно дѣлать запасы для того, чтобы, состарѣвшись, воспользоваться ими.

Итакъ, ты сдѣлаешь дѣло очень полезное для тебя, если обратишь своего друга къ добродѣтели. Всѣ согласны въ томъ, что это именно и есть тѣ блага, которыхъ и мы вправѣ ожидать отъ другаго, и онъ отъ насъ; это не сомнительныя и не случайныя блага, потому дарить ихъ столь-же полезно, какъ и получать. Сверхъ того, твой другъ и не свободенъ уже: онъ далъ слово. Менѣе постыдно не добавить займодавцу, чѣмъ обмануть довѣріе. Для того, чтобы заплатить долгъ, купецъ нуждается въ благополучномъ плаваніи, для земледѣльца нужно плодородіе земли и благопріятная погода; тотъ-же для уплаты долга нуждается только въ доброй волѣ: судьба не простираетъ своей власти на нравственную область. Пусть онъ такъ устрояетъ свою жизнь, чтобы ему безъ помѣхи можно было идти по пути нравственнаго усовершенствованія; пусть онъ воспитываетъ въ себѣ тотъ безмятежный и невозмутимый духъ, который съ неизмѣннымъ спокойствіемъ относится къ тому, потерялъ-ли человѣкъ что во внѣшней жизни или пріобрѣлъ, — который всегда возвышенно ровенъ, какъ бы ни шли дѣла, худо или хорошо; — который и тогда выше стоитъ своего поло-

женія, когда притекутъ къ нему внѣшнія, столь желанныя для толпы блага, — и тогда съ своей высоты не падаетъ внизъ, когда часть этихъ благъ или всѣ ихъ исторгнетъ у него случай. Если бы онъ родился среди паренъ, онъ уже ребенкомъ умѣлъ бы натягивать лукъ; родился онъ въ Германію — онъ съ отроческихъ лѣтъ умѣлъ бы метать легкій дротикъ; а если бы жилъ во времена нашихъ дѣдовъ, то выучился бы ѣздить на конѣ и сражаться съ непріателемъ въ рукопашномъ боѣ. Вотъ тѣ искусства, знать которыя побуждаетъ и обязываетъ каждого строй жизни того племени, къ которому онъ принадлежитъ.

О чемъ-же ему надлежитъ помышлять и заботиться? О томъ, что будетъ для него хорошей защитой противъ всякихъ враговъ и оружія всякаго рода, — я разумѣю чуждое страха, представленіе о смерти. Никто не сомнѣвается въ томъ, что она представляется намъ страшилищемъ и тѣмъ возмущаетъ души людей, въ которыхъ природа вложила любовь къ жизни; въ противномъ случаѣ не было бы нужды приготовляться и набираться бодрости для встрѣчи съ тѣмъ, къ чему мы должны были бы идти въ силу естественнаго влеченія, подобно тому, какъ всѣ мы влечемся къ сохраненію жизни. Никто не будетъ приготовлять себя къ тому, чтобы въ случаѣ необходимости умѣть спокойно спать на розахъ; но обыкновенно приучаютъ себя къ тому, чтобы не потерять вѣрности среди мученій *); дабы, когда случится, стѣя, даже раненому, можно было провести цѣлую ночь во рву предъ крѣпостнымъ валомъ, не позволяя себѣ опереться даже на копье, изъ боязни быть охваченнымъ внезапнымъ сномъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ.

Смерть не имѣетъ въ себѣ ничего тягостнаго: долженъ существовать тотъ, который можетъ испытывать на себѣ эту тяжесть **). Если уже ты имѣешь такое пристрастіе къ долготѣію, то помысли, что ничто не погибаетъ изъ тѣхъ вещей, которыя исчезаютъ изъ нашихъ глазъ: онѣ скрываются въ лоно природы, изъ которой возникли, для того, чтобы вскорѣ сно-

*) Т. е. даже и среди мученій не измѣнить другу.

**) Т. е. смерть страшна при условіи личнаго существованія чловѣка послѣ смерти.

ва явиться на свѣтъ. Все имѣетъ конецъ, но ничто не погибаетъ. И смерть, на грядущее приближеніе которой мы смотримъ съ ужасомъ, на время только прерываетъ жизнь, но не уничтожаетъ ее въ конецъ: наступитъ снова день, который возвратитъ насъ на свѣтъ, отъ котораго многіе отказались бы, если бы помнили, что они уже тамъ были. Постѣ я подробнѣе разьясню, что все, что кажется намъ погибающимъ, на самомъ дѣлѣ только измѣняется. Итакъ, должно безъ печали покидать жизнь, въ виду того, что предстоитъ снова возвратиться въ нее. Наблюдай круговращеніе въ природѣ вещей,—и ты увидишь, что ничто въ этомъ мірѣ не исчезаетъ безъ остатка, но поочередно разрушается и возникаетъ вновь. Лѣто проходитъ, но на другой годъ является снова; протекла зима—чрезъ вѣскольکو мѣсяцевъ ова опять несется къ намъ; ночь закрыла солнце, но день и ее прогонитъ вскорѣ. Движеніе звѣздъ есть не что иное, какъ шествіе впередъ и возвращеніе, которое въ извѣстные сроки происходитъ по однимъ и тѣмъ же путямъ; одна часть неба постоянно поднимается, другая опускается. Теперь я закончу; прибавлю только одно, что ни дѣти, ни отроки, ни безумные смерти не боятся: въ высшей степени стыдно было бы, если-бы разумъ не доставилъ намъ той безмятежности *въ виду смерти*, которую даетъ неразуміе.

ПИСЬМО XV *).

ЧТЕНІЕ КНИГЪ ПОЛЕЗНО, НО ТОЛЬКО РАЗБОРЧИВОЕ И ОСНОВАТЕЛЬНОЕ.

Изъ того, что ты пишешь и что я слышу о тебѣ, я начинаю питать добрую надежду относительно тебя; ты не разѣзжаешь туда и сюда, не беспокоишь себя передвиженіемъ съ мѣста на мѣсто. Эта безпокойная неусидчивость, эта перемѣна мѣстъ изобличаетъ болѣзнь духа. Первымъ признакомъ гармонически воспитанной и образованной души я считаю то, если она въ состояніи быть твердою, устойчивою и пребывать наединѣ сама съ собой. Но опасайся, чтобъ это чтеніе многихъ авторовъ и разнородныхъ книгъ, *которому ты посвя-*

*) Ер. 2.

щаешь свое свободное время, не сдѣлалось похожимъ на легкомысленное блужданіе. Около славныхъ умовъ долго слѣдуетъ останавливаться; ими должно питать себя, если хочешь извлечь нѣчто такое, что прочно укоренилось бы въ душѣ. Кто захочетъ быть вездѣ, не будетъ нигдѣ. Люди, проводящіе свою жизнь въ путешествіяхъ, имѣютъ обыкновенно много знакомыхъ, а друзей не имѣютъ. Тоже необходимо случится и съ тѣми, которые не будутъ располагать душу къ родственному единенію съ умами людей гениальныхъ, а бѣгло и поспѣшно будутъ проходить мимо предметовъ изученія. Не приприситъ пользы и не войдетъ въ тѣло та пища, которая сейчасъ-же выбрасывается, какъ только принята; подобно этому, нѣтъ ничего вреднѣе для здоровья тѣла, какъ частая переменна лекарствъ. Рана не превратится въ простой шрамъ, пока на ней будутъ пробовать различныя лекарства; не пуститъ прочно корней въ землю растеніе, которое часто пересаживаютъ: въ природѣ вещей нѣтъ ничего настолько полезнаго, что могло бы служить намъ, такъ сказать, мимоходомъ.

Множество книгъ развлекаетъ душевныя силы и тѣмъ ослабляетъ ихъ; вотъ почему, когда не можешь столько прочитать книгъ, сколько могъ бы имѣть, достаточно имѣть ихъ столько, сколько можешь прочитать. „Но—скажешь ты—я желаю иногда развернуть то одну книгу, то другую“. Дѣло потерявшаго вкусъ лакомки отвѣдывать многихъ кушаньевъ, которыя, при всемъ ихъ разнообразіи и различіи, скорѣе засариваютъ желудокъ, чѣмъ доставляютъ ему пищу. Итакъ, читай всегда авторовъ признанныхъ; и если бы сильное желаніе заставило тебя взять въ руки другихъ, возвращайся къ первымъ. Ежедневно въ нѣкоторой мѣрѣ собирай запасы противъ бѣдности, противъ смерти и прочихъ золъ жизни; и когда осмотришь много предметовъ, избери одинъ для пищи на сегодняшній день и перевари его хорошенько.

Что касается меня, и я держусь такого правила: изъ многого, что читаю, я съ особенной охотой что-нибудь беру себѣ въ собственность. Сегодня вотъ что я добылъ у Эпикура (я имѣю привычку забѣгать и въ противный лагерь, но не какъ перебѣжчикъ, а какъ развѣдчикъ): „богатство доставляетъ по-

четь, говоритъ онъ, а бѣдность—душевное удовлетвореніе“. Но бѣдность не есть бѣдность, если она можетъ быть довольною. Не тотъ бѣденъ, кто мало имѣетъ, а кто постоянно желаетъ большаго. Что пользы въ томъ, что у иного много денегъ въ сундукѣ, много хлѣба въ житницахъ, большія стада и большіе доходы, когда онъ завистливо смотритъ на чужое добро и считаетъ не прибрѣтенное, а думаетъ о прибрѣтеніи. По какимъ-же признакамъ должно опредѣлять границы, за которыя не должно переходить богатство—спросишь ты? Первый признакъ—если имѣешь то, что необходимо; послѣдній, если имѣешь необходимое въ достаточной мѣрѣ.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Марта 1884 года.

Содержаніе: Опрежденія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго общества.—Отъ комитета для сбора пожертвованій бѣднымъ церквамъ и приходамъ Харьковской епархіи.—Вѣдомость о количествѣ свѣчей, отпущенныхъ изъ склада комиссіонера, священника Алексѣя Лобковскаго, Старобѣльскаго уѣзда, 5-го округа, за 1883 г.—Извѣстія и замѣтки.

Опрежденія Святѣйшаго Синода.

. Отъ 25 января—3 февраля 1884 года за № 139, объ одобреніи сочиненія П. Нечаева: „Практическое руководство для сельскихъ пастырей“, къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго руководства.

По указу Его Императорскаго Величества, Св. Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе инспектора С.-Петербургской духовной семинаріи Петра Нечаева, при коемъ, во исполненіе опредѣленія Св. Синода, отъ 12 октября—12 ноября 1883 года, представляетъ составленное имъ, въ качествѣ учебника для духовныхъ семинарій, сочиненіе подъ заглавіемъ: „Практическое руководство для пастырей“ (въ рукописи), исправленное имъ, согласно указаніямъ Учебнаго Комитета и замѣчаніямъ Св. Синода. *Справка:* Признавая сдѣланныя Учебнымъ Комитетомъ замѣчанія относительно составленной инспекторомъ С.-Петербургской духовной семинаріи Нечаевымъ рукописи, подъ заглавіемъ: „Практическое руководство для пастырей,“ уважительными и принимая во вниманіе, что въ этой рукописи встрѣчаются, по мѣстамъ, историческія неточности и сужденія автора произвольныя, подлежаще необоснованныя, а равно излишнія подробности, неумѣстныя въ учебникѣ, предназначаемомъ для духовныхъ семинарій, и трудныя для усвоенія учащимися, Св. Синодъ, по опредѣленію отъ 12 октября—12 ноября 1883 года, постановилъ: предварительнаго напечатанія названной ру-

кописи, поручить автору сократить и исправить оную, согласно замѣчаніямъ комитета и имѣющимъ въ самой рукописи указаніямъ, и затѣмъ вновь представить таковую на окончательное разсмотрѣніе Св. Синода. Приказали: Разсмотрѣвъ представленное инспекторомъ С -Петербургской духовной семинаріи Петромъ Нечаевымъ сочиненіе (въ рукописи), подъ названіемъ: „Практическое руководство для пастырей,“ Св. Синодъ находитъ, что сочиненіе это исправлено авторомъ, согласно указаніямъ учебнаго Комитета и замѣчаніямъ Св. Синода, изложеннымъ въ опредѣленіи онаго отъ 12 октября—12 ноября 1883 года, и посему опредѣляетъ: одобрить означенное сочиненіе Нечаева къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго руководства, съ тѣмъ, чтобы авторъ нынѣ-же озаботился напечатаніемъ своей рукописи; о чемъ, для объявленія правленіямъ духовныхъ семинарій, сообщить циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ.“

II. Отъ 18—31 января 1884 года за № 98, о сочиненіи протоіерея А. Свирѣлина: „Курсъ закона Божія въ начальныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ“.

По указу Его Императорскаго Величества, Св. Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 8 декабря 1883 года за № 670, журналъ Учебнаго при Св. Синодѣ Комитета за № 418, съ заключеніемъ о томъ, чтобы сочиненіе протоіерея Александра Свирѣлина: „Курсъ закона Божія въ начальныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ“ (изданіе 6 дополненное. Москва 1883 г.), одобрить для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, въ приготовительныхъ классахъ гимназій и духовныхъ училищъ, въ качествѣ учебнаго руководства. Приказали: заключеніе Учебнаго при Св. Синодѣ Комитета о книгѣ протоіерея Александра Свирѣлина утвердить и для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ училищъ, сообщить, съ приложеніемъ выписки изъ журнала Учебнаго Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ.“

III. Отъ 27 января—6 февраля 1884 года за № 170, о книгѣ В. Маракуева: „Народная бібліотека“.

По указу Его Императорскаго Величества, Св. Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 19 минувшаго января за № 51, журналъ Учебнаго Комитета, № 25, съ заключеніемъ Комитета, по прошенію потомственнаго почетнаго гражданина Владиміра Маракуева объ одобре-

ніи для пріобрѣтенія въ бібліотеки духовныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ изданныхъ имъ 10 книжекъ, подъ общимъ наименованіемъ: „Народная бібліотека,“ и въ частности подъ заглавіями: 1) „Сельское огородничество, 2) Разказы стараго матроса, 3) Полѣсье и полѣшуки, 4) Робинзонъ, 5) Послѣдній изъ могиканъ. 6) Безпріютный, 7) Сказки Андерсена, 8) Индійскія повѣсти. Сакунтала, 9) Индійскія повѣсти. Налъ и Дамаянти, и 10) Арабскія сказки.“ Учебный Комитетъ полагаетъ: первыя пять книжекъ „Народной бібліотеки:“ „Сельское огородничество“, Разказы стараго матроса“, „Полѣсье и полѣшуки“, „Робинзонъ“ и „Послѣдній изъ могиканъ“ одобрить для внѣкласснаго чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ; остальные-же пять книжекъ „Народной бібліотеки“: „Безпріютный“, Сказки Андерсена“, двѣ книжки „Индійскихъ повѣстей“ и „Арабскія сказки“ Комитетъ не признаетъ заслуживающими одобренія. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія объ изданныхъ Маракуевымъ книгахъ, подъ заглавіями: „Сельское огородничество“, „Разказы стараго матроса“, „Полѣсье и полѣшуки“, „Робинзонъ“ и „Послѣдній изъ могиканъ“, правленіямъ духовныхъ училищъ сообщить, съ приложеніемъ копии съ журнала Комитета объ означенныхъ книгахъ, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Епархіальныя извѣщенія.

— Настоятель Воскресенской церкви слоб. Ново-Борисоглѣбска, Зміевского уѣзда, священникъ Викторъ *Трояновъ* утвержденъ въ должности депутата по 3-му благочинническому округу, Зміевского уѣзда, вмѣсто уволеннаго отъ сей должности, по болѣзни, священника села Бригадировки, того же уѣзда, Василія *Збужирева*.

— Священникъ Николаевской церкви слоб. Высокополья, Валковского уѣзда, Александръ *Лоншиновъ* утвержденъ въ должности законоучителя Высокопольскаго народнаго училища.

— Діаконъ Сумской Покровской церкви Сумеонъ *Бутскій* утвержденъ преподавателемъ закона Божія въ содержимой имъ въ г. Сумахъ частной народной школѣ.

— Мѣсто настоятеля при Всесвятской церкви слоб. Котельвы, Ахтырского уѣзда, предоставлено помощнику настоятеля Андреевской церкви с. Млвнковъ, того-же уѣзда, священнику Григорію *Рудинскому*.

— Священникъ Николаевского молятвеннаго дома слоб. Богодаровой, Старобѣльскаго уѣзда, Андрей *Добарскій* переименъ настоятелемъ къ Митрофаніевской церкви слоб. Пантюхиной, того-же уѣзда.

— Священническое мѣсто при Тихоновской церкви слоб. Макортетинной, Старобѣльскаго уѣзда, предоставлено окончившему курсъ въ семинаріи Сулеону *Кустовскому*.

— Определенъ на священническое мѣсто при Успенской церкви слоб. Ново-Серпуховой, Зміевскаго уѣзда, воспитанникъ Харьковской семинаріи Феодоръ *Коваленскій*.

— Настоятель Николаевской церкви сл. Боровской, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Павелъ *Рутскій* удаленъ отъ занимаемаго имъ мѣста.

— И. д. псаломщика Валковской Георгіевской церкви, Петръ *Никитинъ* рукоположенъ во діакона.

— Псаломщикъ-діаконъ Спасской церкви Стрѣлецкаго государственнаго коннаго завода, Старобѣльскаго уѣзда, Александръ *Воскобойниковъ* переименъ на псаломщическое мѣсто къ Петро-Павловской церкви слоб. Великотской, того-же уѣзда.

— Псаломщикъ Троицкой церкви с. Проруба, Сумскаго уѣзда, діаконъ Іоаннъ *Ковалевскій* определенъ на мѣсто умершаго и. д. псаломщика Успенской церкви слоб. Климовки, того-же уѣзда, Павла *Красина*.

— Мѣсто и. д. псаломщика при Всесвятской церкви, слоб. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, предоставлено дьячковскому сыну Петру *Криницкому*.

— Сверхштатный и. д. псаломщика Троицкой церкви с. Проруба, Сумскаго уѣзда, Стефанъ *Сиренковъ* утвержденъ штатнымъ и. д. псаломщика при той-же церкви.

— Священнической сынъ Петръ *Власовскій* определенъ и. д. псаломщика къ Покровской церкви слоб. Верхней-Писаревки, Волчаискаго уѣзда.

— Діаконскій сынъ Георгій *Лядскій* определенъ и. д. псаломщика къ Спасской церкви Стрѣлецкаго государственнаго коннаго завода, Старобѣльскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика Покровской церкви слоб. Алисовки, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Чернявскій*, вслѣдствіе его прошенія, переименъ на псаломщическое мѣсто къ Стратилатовской Софійской церкви, того-же уѣзда.

— И. д. псаломщика Всесвятской церкви слоб. Залиманья Изюмскаго уѣзда, Павелъ *Рудинскій*, и слоб. Крючковъ, Троицкой церкви того-же уѣзда, Василій *Феодоровъ*, согласно ихъ прошенію, переименны однанъ на мѣсто другаго.

— Сверхштатные и. д. псаломщиковъ Предтечевской церкви слоб. Евуга, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Добровольскій* и Григорій *Поповъ*,

по совершенной ихъ неспособности къ псаломщицкой службѣ, уволены за штатъ.

Утверждены церковныя старостами къ церквамъ Старобѣльскаго уѣзда: мѣщанинъ Василій *Нарышкинъ* къ Троицкой церкви слоб. Вѣловодска на 4-е трехлѣтіе; мѣщанинъ Иванъ *Помѣшасвъ* къ Николаевской церкви сл. Вѣловодска на 5-е трехлѣтіе; крестьянинъ Петръ *Семикозъ* къ Вознесенской церкви слоб. Семикозовки на 2-е трехлѣтіе; крестьянинъ Иванъ *Друтъ* къ Крестовоздвиженской церкви слоб. Ниже-Баранпковки на 2-е трехлѣтіе; крестьянинъ Стефанъ *Половинка* къ Благовѣщенской церкви слоб. Зориковки на 1-е трехлѣтіе; крестьянинъ Иванъ *Сергіенко* къ Рождество-Богородичной церкви слоб. Шелостовой на 2-е трехлѣтіе; крестьянинъ Семенъ *Бульскій* къ Покровской церкви слоб. Врусовки на 3-е трехлѣтіе; крестьянинъ Григорій *Гуць* къ Свято-Духовской церкви слоб. Кононовки на 2-е трехлѣтіе; крестьянинъ Гавріиль *Комисаренко* къ Константино-Еленовской церкви слоб. Караячной на 2-е трехлѣтіе; крестьянинъ Александръ *Кравцовъ* къ Богородичной церкви слоб. Рмаревки на 2-е трехлѣтіе; крестьянинъ Ома *Коломіецъ* къ Трехсвятительской церкви сл. Морозовки на 2-е трехлѣтіе; крестьянинъ Матвѣй *Лысакъ* къ Рождество-Богородичной церкви слоб. Шулякиной на 4-е трехлѣтіе; крестьянинъ Алексѣй *Просинъ* къ Архангело-Михайловской церкви слоб. Даниловки на 1-е трехлѣтіе; крестьянинъ Дмитрій *Кравцовъ* къ Успенской церкви сл. Литвиновки на 1-е трехлѣтіе; отставной нарядчикъ Петръ *Кисилевъ* къ Николаевской церкви Деркуловскаго государственнаго коннаго завода на 1-е трехлѣтіе; крестьянинъ Иванъ *Жукъ* къ Петропавловской церкви сл. Велікотской на 1-е трехлѣтіе; крестьянинъ Афанасій *Назаренко* къ Николаевской церкви слоб. Никольской на 2-е трехлѣтіе; отставной нарядчикъ Кирилль *Тищенко* къ Спасской церкви Стрѣлецкаго государственнаго коннаго завода на 3-е трехлѣтіе; крестьянинъ Імельянъ *Дуванскій* къ Вознесенской церкви слоб. Богдановки на 5-е трехлѣтіе; крестьянинъ Давидъ *Кулибаба* къ Троицкой церкви слоб. Моусеевки на 1-е трехлѣтіе; къ Успенской церкви слоб. Алексѣевки крестьянинъ Николай *Колесцанъ*; къ Рождество-Богородичной церкви слоб. Смольяниновой крестьянинъ Никита *Лысенко* на 2-е трехлѣтіе и къ Петропавловской церкви слоб. Денежинковой крестьянинъ Гавріиль *Воронкинъ* на 1-е трехлѣтіе; Зміевскаго уѣзда: къ Вознесенской церкви села Борщеваго крестьянинъ Михаилъ *Бовдуй* и Богоявленской церкви села Терноваго крестьянинъ Захарія *Повыткинъ*; Ахтырскаго уѣзда: къ Благовѣщенской церкви села Тростянца крестьянинъ Григорій *Головченко*; Волчанскаго уѣзда: къ Преображенской церкви сл. Ново-Вѣлгорода крестьянинъ Алексѣй *Тещенко*; Куцянскаго уѣзда: къ Богородичной церкви слоб. Поповки крестьянинъ Кондрать *Дрочкинъ* и Харь-

ковскаго уѣзда къ Покровской церкви сел. Коротича крестьянинъ Игнатъ *Мартынченко*.

— Церковный староста Покровской церкви сл. Хотомли, Волчанскаго уѣзда, мѣщанинъ Василій *Кравченко* уволенъ отъ сей должности.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Въ сл. Малой Рогозянкѣ, Харьковскаго уѣзда, *настоятельское*; въ сл. Богодаровой, Старобѣльскаго уѣзда, *помощника настоятеля*.

П с а л о м н и ц к и я .

1. Въ сл. *Иванозкѣ*, Изюмскаго уѣзда при Благовѣщенской церкви
2. — — *Алисовкѣ*, того-же уѣзда при Покровской церкви.
3. — — *Каменкѣ*, Старобѣльскаго уѣзда при Николаевской церкви.
4. — — *Голубовкѣ*, того-же уѣзда при Казанской церкви.
5. — — *Соколовѣ*, Зміевскаго у., при Архангело-Михаиловской церк.
6. — — *Михайловкѣ*, Валковскаго уѣзда при Троицкой церкви.
7. Въ г. Чугуевѣ при Николаевской церкви.

Б л а г о д а р н о с т ь .

Настоятель и староста церкви св. Апостола Іоанна Богослова при Харьковской духовной семинаріи считаютъ долгомъ выразить усердную благодарность неизвѣстному благотворителю, приславшему изъ г. Сумъ 25 руб. на потребности семинарской церкви.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ православнаго Миссіонерскаго Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета въ январѣ мѣсяцѣ 1884 года поступило: процентовъ съ капитала, находящагося на текущемъ счету 87 р. 75 к., отъ протоіереевъ: Петра Острогорскаго 3 р., Аполлонія Солодовникова 3 р., Іоанна Бакановскаго 3 р., Андрея Савинова 3 р., Павла Приходькова 3 р., Іоанна Яковлева 3 р., Іоанна Рудинскаго 3 р., Алексѣя Сильванскаго 3 р.; отъ священниковъ: Михайла Кунницына 3 р., Алексѣя Евениова 3 р., Феодора Дзюбанова 3 руб., Іоанна Грызодубова 3 руб., Порфирія Ведринскаго 3 руб., Александра Веселовскаго 3 руб., Іоанна Добрецакаго 3 руб., Василія Евецкаго 3 руб., Илія Энедова 3 р., Іоанна Ястремскаго 3 р., Льва Дейнеховскаго 1 р., Стефана Эвенхова 2 р. 50 к., Павла Лобковскаго 1 р., Феодосія Мухица 1 р., Григорія Дьякова 1 р. 21 к., Михайла Ольховскаго 65 к., Андрея Федорова 40 к., Леонида Сильванскаго 20 к., Іоанна Подольскаго 3 р., Александра Давидова 3 р., Аздря Должанскаго 3 р., Іоанна Матвѣева 3 р., Михайла

Кремповскаго 3 р., Петра Краснопольскаго 3 р., Алексѣя Ляхницкаго 4 р. 20 к., Іоанна Насѣдкина 3 р., Андрея Люмнарскаго 3 р., Николая Рубннскаго 3 руб., Симеона Флорннскаго 3 руб., Александра Грызодубова 3 руб., Михаила Лободовскаго 3 руб., Петра Яновскаго 3 руб., Іосифа Полницкаго 3 р., Николая Македонскаго 3 р., Стефана Попова 3 р., Петра Новицкаго 3 р., Григорія Сапухина 3 р., Іосифа Крохатскаго 3 р., Іоанна Касьянова 3 р., Василя Аристова 3 р., Николая Шокотова 3 р., Василя Кобеляцкаго 3 р., Порфирія Шокотова 3 р., Петра Макаровскаго 3 р., Василя Насѣдкина 3 р., Василя Капустянскаго 3 р., Павла Попова 3 р., Павла Титова 3 р., Петра Приходькова 3 р., Григорія Соколова 3 р., Евлампія Макухина 3 р., Василя Иннокова 3 р., Михаила Рудннскаго 3 р., Іоанна Павлова 3 р., Александра Анисимова 3 р., Николая Ѳедорова 3 р., Андрея Павлова 3 р., Іоанна Попова 3 р., Александра Василевскаго 3 р., Ѳедора Тимофеева 3 р., Давида Антонова 3 р., Павла Дзюбанова 3 руб., Ѳедора Оружинскаго 3 руб., Алексѣя Спѣсаревскаго 3 руб., Василя Якубовича 3 руб., отъ діакона Саввы Цаптелеймонова 3 руб., отъ казначея Куряжскаго монастыря іеромонаха Сосѡена 3 р., собрано благочиннымъ священникомъ Михайломъ Куницынымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 15 к., собрано священникомъ Іоанномъ Вутковымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 30 к., отъ Федора Степаненка 3 р., Афанасія Волковицкаго 3 р., Филимона Кондрацкаго 3 р., отъ крестьянина Михаила Прищены 3 р., и кружечнаго сбора: отъ Святогорской Успенской общежительной пустыни 12 р., отъ Ряснянскаго монастыря 3 р., отъ церквей 1-го округа Волчанскаго уѣзда 30 р. 33 к., отъ церквей 4-го округа Изюмскаго уѣзда 5 р. 25 к., отъ церквей 2-го округа Валковскаго уѣзда 12 р. 81 к., отъ церквей 1-го округа Валковскаго уѣзда 9 р. 42 к., отъ церквей 2 округа Харьковскаго уѣзда 10 р. 4 к., отъ Харьковскаго архіерейскаго домоправленія 5 р. 90 к., отъ церквей 1-го округа Изюмскаго уѣзда 31 р. 46 к., отъ церквей 1-го округа Старобѣльскаго уѣзда 23 р., отъ церквей 3-го округа Старобѣльскаго уѣзда 18 р. 65 к., отъ церквей 1-го округа Зміевскаго уѣзда 31 р. 25 к., отъ церквей 3-го округа Ахтырскаго уѣзда 7 р. 25 к., отъ церквей 2-го округа Изюмскаго уѣзда 18 р. 94 к., отъ Троицкой церкви г. Славянска 5 р. 50 к., отъ Покровской церкви сел. Бѣленькаго 10 к., и отъ церквей 2-го округа Богодуховскаго уѣзда 25 р. 64 к., итого въ январѣ мѣсяцѣ 1884 года поступило 567 руб. 40 коп.

въ Февралѣ мѣсяцѣ поступило: отъ протоіерея Александра Литвинова 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 3 р., Данила Лазаревскаго 3 р., Максима Лобковскаго 3 р., Георгія Попова 3 р., Григорія Максимова 3 р., Василя Яблоновскаго 3 р., Алексѣя Иннокова 3 р., Іоанна

Сапухина 5 р., Василя Никольскаго 3 р., Марка Рокитянскаго 3 р., отъ протоіеревъ: Александра Бассаянскаго 3 р., Евгенія Квитницкаго 3 р., Николая Лащенкова 3 р., Андрея Щелкунова 3 р., Іоанна Чижевскаго 3 р., Дмитрія Ѳедоровскаго 3 р., Гавріила Ѳедоровскаго 3 р., Алекса-дра Ѳедоровскаго 3 р., Іоанна Ѳедорова 3 р., Аполлона Ковалевскаго 3 р., Василя Левапдовскаго 3 р., отъ священниковъ: Дмитрія Рубинскаго 3 р., Поліевкта Ахтырскаго 3 р., Павла Булгакова 3 р., Григорія Попова 3 р., Алексѣя Попова 3 р., Петра Щербины 3 р., Василя Попова 3 р., Іакова Иванова 3 р., Петра Григоровича 3 р., Алексѣя Грекова 3 р., Си-меона Петрова 3 р., Стефана Любickaго 3 р., Григорія Попова 3 р., Іакова Макухина 3 руб., Николая Жебунева 3 руб., Василя Ястремскаго 3 руб., Мелетія Быковцева 3 руб., Михаила Любickaго 3 руб., Са-муила Ѳедорова 3 руб., Харламія Ѳедорова 3 р., Іоанна Василевскаго 3 р., Полякарна Соболева 3 р., Алексѣя Ѳедорова 3 р., Александра По-дольскаго 3 р., Павла Спратскаго 3 р., Михаила Трипольскаго 3 р., Ад-ріана Крыжановскаго 3 р., Никиты Шебатинскаго 3 р., Василя Тара-новскаго 3 р., Василя Степурскаго 3 р., Михаила Котлярова 3 р., Іоан-на Чофанова 3 р., Алексѣя Любickaго 3 р., Павла Раевскаго 3 р., Гавріила Буханцова 3 р., Митрофана Матвѣева 3 р., Николая Ястрем-скаго 3 р., Василя Корнильева 3 р., Мануила Цыбулевскаго 3 р., Іа-кова Попова 3 р., Петра Измаилова 3 р., Михаила Михайловскаго 3 р., Алексѣя Чугаева 3 руб., Захарія Добрецкаго 3 руб., Максима Подлун-скаго 3 руб., Ѳедора Туранскаго 3 руб., Митрофана Ракшевскаго 3 руб., Александра Сергіевскаго 3 руб., Дмитрія Рогішевскаго 3 руб., Мак-сима Пономарева 3 р., Іоанна Котлярова 3 р., Дмитрія Кувичинскаго 3 р., Іоанна Куницына 3 р. 55 к., Василя Рождественскаго 3 р., Алек-сѣя Оптовцева 3 р., Іоанна Измаилова 3 р., Михаила Чернявскаго 3 р., Василя Попова 3 р., Николая Гутникова 3 р., Петра Мигулина 3 р., Аполлона Ильшева 3 р., Василя Проскурникова 3 р., Павла Тимоѣева 3 р., Василя Лихницкаго 3 р., Михаила Румянцева 3 р., Николая Со-коловскаго 3 р., Андрея Рудинскаго 3 р., Николая Мощенкова 3 р., Ге-оргія Чеботарева 3 р., Григорія Томашевскаго 3 р., Николая Пантелси-монова 3 р., Павла Григоровича 3 р., Цанкратія Иванова 3 р., Стефана Петровскаго 3 руб., Василя Куницына 3 руб., Андрея Дмитріева 3 руб., Василя Марченка 3 руб., Виктора Селезнева 3 руб., Ілія Черняева 3 руб., Александра Щенинскаго 3 руб., Митрофана Шебатинскаго 3 руб., Александра Ястремскаго 3 р., Александра Аргюховскаго 3 руб., Іоанна Ильина 3 р., Тимоѣя Сапухина 3 р., Николая Сокольскаго 3 р., отъ ді-акона Василя Царевскаго 3 р., отъ крестьянина Семена Удада 3 р., отъ крестьянина Левенцова 3 р., Григорія Ивашуры 3 р., отъ землевладѣльца

Дмитрія Ивановича Суханова 3 р., отъ крестьянина Адріана Кравченка 3 р., отъ купца Петра Сушкова 3 р., отъ купца Алексѣя Кононенка 3 р., отъ Максима Майстренка 3 р., Петра Соломахи 3 р., Никиты Акимова 3 р., почетнаго гражданина Арсенія Шабли 3 р., Никиты Вузника 3 р., Евсевія Крохмалева 3 р., Федора Ширяева 3 р., Леонтія Попова 3 р., Кирилла Величченкова 3 р., Константина Маточкина 3 р., Антона Бѣленькаго 3 р., Федора Катыхина 3 р., Алексѣя Судакова 3 р., Ивана Евтушенка 3 р., Василя Пономарева 3 р., Николая Козлова 3 р., Федора Галкина 3 р., Василя Золотарева 3 р., Кирилла Блохи 3 р., Александра Дубовика 3 р., Сергѣя Фастова 3 р., Василя Тутаева 6 р., Ивана Цапкова 6 р., Артемія Величченкова 3 р., Николая Мойсеевича 3 руб., Александра Тимошеева 3 р., Елисаветы Деревянкиной 3 р., Константина Уткина 5 р., Виктора Ламехова 3 р., Павла Кардашева 5 р., Алексѣя Кожухина 3 р.

Пожертвовано нѣкоторыми церквами благочинія 1-го округа Сумскаго уѣзда 5 руб.

Кружечнаго сбора:

Отъ церквей:	3-го округа Волчанскаго уѣзда	17 р. 52 к.
" "	3-го округа Изюмскаго уѣзда	17 р. 76 к.
" "	2-го округа Старобѣльскаго уѣзда	24 р. 98 к.
" "	4-го округа Старобѣльскаго уѣзда	43 р. 80 к.
" "	1-го округа Купянскаго уѣзда	37 р. 40 к.
" "	1-го округа Харьковскаго уѣзда	15 р. 79 к.
" "	2-го округа Лебединскаго уѣзда	23 р. 62 к.
" "	2-го округа Зміевскаго уѣзда	27 р. 95 к.
" "	3-го округа Зміевскаго уѣзда	21 р. 35 к.
" "	1-го округа Сумскаго уѣзда	51 р. 57 к.
" "	2-го округа Волчанскаго уѣзда	16 р. 16 к.
" "	2-го округа Сумскаго уѣзда	154 р. 82 к.
" "	3-го округа Харьковскаго уѣзда	15 р. 78 к.
" "	1-го округа Ахтырскаго уѣзда	67 р. 29 к.
" "	1-го округа Лебединскаго уѣзда	20 р. 18 к.
" "	1-го округа г. Харькова	82 р. 15 к.
" "	4-го округа Харьковскаго уѣзда	21 р. 39 к.
" "	1-го округа Богодуховскаго уѣзда	27 р. 20 к.
и процентовъ съ капитала		40 р. —

Итого . . . . . 1185 р. 26 к.

А съ поступившими въ январѣ мѣсяцѣ этого года . . . . . 1752 р. 66 к.

Отъ Комитета для сбора пожертвованій бѣднымъ церквамъ и приходамъ Харьковской епархіи.

Въ теченіи января и февраля мѣсяцевъ н. г., въ комитетъ поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: со взносомъ въ теченіи 5 лѣтъ: отъ Харьковскаго купца О. П. Стыжикова по 10 руб., вдовы маіора А. И. Эллиной 10 р., крестьянъ: Целища 100 р., О. П. Ищенко 50 р., Близиюкова Т. К. по 2 р., А. О. Лопатія 2 р., и мѣщанина И. Н. Козырева 5 руб. и едновременныя: отъ дочерей генер.-лейт. Варвары и Елены Воин. и Ив. Воин. Задонскихъ 1000 руб., комм. сов. Л. Е. Кенигъ 1000 р., землевлад. Е. О. Катериничъ 200 р., баронесы фонъ - деръ - Брюгенъ 30 р., предводителя дворянства Сумскаго уѣзда В. Савичъ 50 р. и собранныхъ нѣмъ отъ разныхъ лицъ 36 р., землевлад. Н. О. Ольденборгеръ 35 р., дворянина В. Шренбергъ 25 р., начальника и чиновъ Харьковск. жандармск. полицейск. желѣзнодорож. управл. 110 р., Купянскаго купца Д. В. Кочина 200 р., кучихи І. В. Корниѣевой 25 р., отъ служащихъ въ Сумскомъ реальномъ училищѣ 27 р., землевлад. М. С. Шестериковой 10 р., купца А. А. Цвилюкъ 10 р., отъ крестьянъ: Г. К. Иридатко 25 р., Д. С. Фуданѣва 15 р., А. Рубежанскаго 10 р., Р. И. Калайчука 10 р., А. И. Когенка 10 р., О. Лысенкова 10 р., В. П. Соляника 8 р., А. М. Дрокияна 5 р., И. Р. Марченко 5 р., Р. И. Войтенко 5 р., Г. С. Ещенко 5 р., О. В. Щеткина 5 р., Н. Бабенко 10 р., Я. А. Могильнаго 5 р., Е. Максменковой 5 р., Г. Чернеца 3 р., Т. К. Близиюкова 3 р., А. О. Лопатія 3 р., И. Сильченко 3 р., В. Жаботянскаго 3 р., Мироненка Н. П. 3 р., Г. Е. Бессараба 3 р., С. И. Волика 3 р., М. Мураенко 3 р., М. С. Литвиненко 2 р., К. А. Деримарько 1 р., О. В. Ясько 1 р., А. Роскошнаго 1 р., Т. Топчія 1 р., А. Соломки 1 р., М. Солодовникова 1 р., Е. А. Татарнинова 2 р., С. Буть 1 р., И. Семенова 2 р., Е. Гнида 2 р., В. Терещенко 1 р.; отъ прихожанъ сл. Колядовки Купянскаго уѣзда 12 р., с. Куньяго Изюмскаго уѣзда 28 р., с. Сѣниного Богодуховскаго уѣзда 5 р., сл. Ивановки Зміевскаго уѣзда 5 р. 15 к., кр. с. Лябаха 1 р., пехов. Г. Риккуся 3 р., Н. Мандрикина 3 р., Е. Коція 5 р., мѣщанъ: И. Фрейгофера 5 р., З. И. Кривенко 3 р., И. А. Дороженкова 3 р., М. А. Федоренковой 1 р., В. С. Лисицыной 10 р., С. І. Набокляна 5 р., куп. И. О. Мартинина 3 р., писаря Хитрова 3 р., куп. В. Величченка 3 р., отстав. ун-оф. З. Е. Загорулько 10 р., И. И. Литвиненко 1 р., рядов. Д. К. Дьяченкова 10 р., вахтера И. П. Тимоѣева 3 р., А. Оврейко 3 р., О. К. Пономаренко 10 р., священ.: А. Стаикова 10 р. З. Добрецакаго 3 р., В. Мантулина 3 р., отъ Архангело-Михайловской церкви сл. Павловокъ Сумскаго уѣзда 5 р., неизвѣст-

ныхъ 20 р., собранныхъ Ахтырскимъ уѣзднымъ исправникомъ 10 р. 32 к., и процентовъ по облигаціямъ Восточнаго займа, принадлежащихъ Комитету 167 руб. 50 к., а всего съ прежде поступившими и заявленными (см. Епарх. Лист. за январь н. г.) 51272 руб. 38 коп.

Вѣдомость о количествѣ свѣчей, отпущенныхъ церквамъ изъ склада комиссіонера священника Алексѣя Лобковскаго Старобѣльскаго уѣзда 5 округа, за 1883 годъ.

Въ Ново-Айдарскую Николаевскую церковь 6 пуд. 5¹/₄ фун., въ Старо-Айдарскую Михайловскую церковь 9 пуд. 23 фун., въ Штормовскую Рождество-Богородичную церковь 6 пуд. 10 ф., въ Бахмутовскую Троицкую церковь 7 пуд. 4 фун., въ Безгиновскую Казанскую церковь 9 пуд. 36³/₄ фун., въ Лашиновскую Покровскую церковь 6 пуд. 21¹/₂ фун., въ Варваровскую Иоанно-Предтечевскую церковь 11 пуд. 17¹/₂ ф., въ Смольяниновскую Рождество-Богородичную церковь 7 пуд. 36¹/₂ ф., въ Мураговскую Николаевскую церковь 5 пуд. 30 ф., въ Боровскую Николаевскую церковь 3 пуд. 27¹/₄ ф., въ Ново-Ахтырскую Богородичную церковь 8 пуд. 24¹/₂ ф., въ Михайловскій молитвенный домъ 4 пуд., въ Трехизблнскую Покровскую церковь 7 пуд. 9³/₄ ф., въ Спѣваковскую Покровскую церковь 5 пуд. 5 ф., въ Денежниковскую Петро-Павловскую церковь 6 пуд. 19¹/₂ фун., въ Ново-Айдарскую Михайловскую церковь 6 пуд. 29¹/₄ фун., въ Райгородскую Николаевскую церковь 4 пуд. 38¹/₄ фун., въ Бѣлявскую Михайловскую церковь 9 п. 20 ф., въ Черниговскую Троицкую 9 п. 3¹/₄ ф., въ Петро-Павловскую Петро-Павловскую церковь 8 пудовъ 30 фунтовъ, въ Чебановскую Вознесенскую церковь 4 пуд. 10 ф., въ Алексѣевскую Успенскую церковь 8 пуд. 16 ф., въ Святодимитріевскую Дмитріевскую церковь 7 пуд. 12 ф., въ Волкодавовскую Николаевскую церковь 4 пуд. 3 фун., въ Гречинкинъ молитвенный домъ 1 пуд. 15¹/₄ ф., въ Петро-Павловскую Успенскую церковь 5 пуд. 6 фун. Всего съ 1 января 1883 г. по 1 января 1884 г. отпущено 175 пуд. 14 фун.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Совѣтъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища извѣщаетъ духовенство епархіи, что временемъ окончанія ученія предъ праздникомъ Пасхи въ настоящемъ году назначено—пятница на шестой недѣлѣ Великаго поста (30 марта) — въ два часа пополудни, а днемъ начала ученія послѣ Пасхи—понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ (16 апрѣля).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Придворныя извѣстія. — Высочайшій рескриптъ, данный на имя Московскаго генералъ-губернатора. — Помолвка Великаго Князя Сергія Александровича. — Священникъ Аристархъ Израилевъ. — 1-е харта. — Колоколь для храма на горѣ Елеонской. — Проектъ мѣръ къ улучшенію проповѣдничества. — Виббого-служебныя собесѣдованія и общее церковное шѣніе въ станицѣ Косикѣ — Воскресныя и праздничныя чтенія при народныхъ училищахъ. — Книжки для народа. — Противодѣйствіе распространенію неизвѣстными лицами книгъ на польскомъ языкѣ. — Дѣятельность общества распространенія Св. Писанія въ Россіи. — Правила по отношенію къ открытію и содержанію библиотекъ и кабинетовъ для чтенія. — Вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ. — Подготовительныя и подвижныя народныя школы. — Школа для рабочихъ и учениковъ типографій и пр. — Открытіе училища въ сл. Юнаковкѣ Сумскаго уѣзда. — Средство къ распространенію между простымъ народомъ книгъ правильно и изящно написанныхъ. — Состояніе итудизма въ Кіевской и Волинской епархіяхъ. — Случай обращенія калмыковъ въ православіе и отношеніе къ новообращеннымъ православнымъ. — Фанатизмъ католическаго духовенства. — Отношеніе поляковъ къ русскимъ. — Религіозное движеніе среди евреевъ. — Архіепископъ Антоній (Зубко). — Волостные суды. — Мірскіе скретьявскіе сборы. — Соя. — 36-й тиражъ выигрышей билетовъ 2-го внутренняго займа.

— Въ субботу, 25-го февраля, въ церкви Гатчинскаго дворца, Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми Своими причащались Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

Того-же числа, въ шестомъ часу вечера, Ихъ Императорскія Величества, съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, прибыли въ Петербургъ, въ Собственный Его Величества дворецъ.

Въ воскресенье, 26-го февраля, въ день рожденія Его Императорскаго Величества Государя Императора, въ церкви Собственнаго Его Величества дворца была совершена божественная литургія.

Передъ литургіею Ихъ Императорскія Величества принимали поздравленія отъ Высочайшихъ Особъ, членовъ государственнаго совѣта, министровъ, статсъ-дамъ, придворныхъ чиновъ и командировъ тѣхъ частей войскъ, въ которыхъ Его Величество состоитъ шефомъ.

Его Величество былъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи 3-го стрѣлковаго финскаго батальона, отъ котораго была командирована изъ Гельсингфорса депутація, для принесенія поздравленія Августѣйшему шефу.

Послѣ богослуженія былъ сервированъ завтракъ, во время котораго играли попеременно струнный и духовой оркестры придворнаго музыкантскаго хора. Программа музыкальныхъ пьесъ состоя-

ла исключительно изъ произведеній русскихъ композиторовъ: Глинки, Даргомыжскаго, Сѣрова, Балакирева, Римскаго-Корсакова и Лядова.

Общаго пріема въ этотъ день не было.

Въ началѣ третьяго часа по полудни, Его Величество принималъ аккредитованнаго при Петербургскомъ дворѣ германскаго посла генерала Швейница. Посоль принесъ Государю Императору поздравленіе и вручилъ Его Величеству собственноручное письмо его величества, императора Германскаго.

Того-же числа, въ четвертомъ часу пополудни, Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами возвратились въ Гатчину.

— Г. Московскій генералъ-губернаторъ, на принесенное вѣрно-подданическое поздравленіе Его Императорскому Величеству 26-го февраля, удостоился получить слѣдующій Восочайшій рескриптъ:

Князь Владиміръ Андреевичъ!

Празднуя нынѣшній день, Я вспоминаю съ умиленіемъ и съ благодарностію Богу тотъ недавно прошедшій день, когда въ стѣнахъ Московскаго кремля собрались все сословія Имперіи, въ единомъ чувствѣ любви къ отечеству и вѣры въ неразрывный союзъ всего русскаго народа съ Самодержавною Царскою властью. Радуюсь новому свидѣтельству этого чувства, представленному Мнѣ сегодня чрезъ васъ, отъ всехъ сословій первопрестольной Москвы и прошу васъ передать ей сердечный привѣтъ Мой.

Глубоко вѣруя въ искренность и горячность этого чувства, сроднаго каждому русскому, къ какому-бы ни принадлежалъ онъ сословію, Я молю Бога, да поможетъ всемъ сословіямъ, совокупно съ дворянствомъ, издревле и прежде всехъ призваннымъ нести службу государству, — соединить дружныя усилія на дѣло сего служенія, въ духѣ безкорыстной вѣрности долгу каждаго званія передъ престоломъ и отечествомъ.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

С.-Петербургъ,
26-го февраля 1884 г.

— Съ соизволенія Государя Императора, Его Императорское Высочество великій князь Сергѣй Александровичъ 14-го февраля въ Дармштадтѣ помолвленъ съ ея великогерцогскимъ высочествомъ, принцессою Елисаветою Гессенъ-дармштадтскою. „Нашъ Императорскій домъ, говоритъ по сему случаю газета „Свѣтъ“, былъ уже и

ранѣе въ родствѣ съ домомъ Гессенъ-дармштадтскимъ: Государыня Императрица Марія Александровна была герцогинею Гессенъ-дармштадтскою. За ландграфомъ Гессенскимъ Фридрихъ-Вильгельмомъ была замужемъ великая княжна Александра Николаевна. Царствующій нынѣ великій герцогъ Гессенъ-дармштадтскій Людовикъ IV, отецъ высоконарѣченной невѣсты, былъ женатъ на дочери английской королевы Викторіи, принцессѣ Алисѣ—Матильдѣ. Герцогъ и семья его вѣроисповѣданія лютеранскаго. Дядя герцога, принцъ Александръ Гессенскій, братъ Государыни Императрицы Маріи Александровны, извѣстенъ въ Россіи и долго жилъ въ ней. Сынъ его, князь Александръ Баттенбергскій, состоитъ нынѣ владѣтельнымъ княземъ Болгарскимъ.

— 20-го февраля, во второмъ часу пополудни, въ Концертной залѣ Собственнаго Его Величества дворца, священникъ Рождественскаго женскаго монастыря города Ростова, о. Аристархъ Израилевъ поднесъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ образъ святаго Исаи, ростовскаго чудотворца, память котораго празднуется ежегодно 15-го мая. Это празднованіе совпадаетъ со днемъ совершившагося въ минувшемъ году Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Прижавъ св. икону и приложась къ ней, Его Величество благодарилъ о. Аристарха. Затѣмъ Ихъ Величества слушали звонъ выставленныхъ въ той же залѣ четырехъ церковныхъ колоколовъ, пожертвованныхъ о. Аристархомъ въ сооружаемый храмъ на мѣстѣ мученической кончины въ Бозѣ почившаго Императора Александра II. Колокола настроены такимъ образомъ, что ихъ звонъ составляетъ минорный аккордъ. О. Аристархъ представилъ цѣлую коллекцію колокольчиковъ, настроенныхъ на разные аккорды. На этихъ колокольчикахъ о. Аристархъ сыгралъ два гимна: „Боже, Царя храни“ и „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ были представлены 18 камертоновъ, установленныхъ на декахъ, для настройки колоколовъ, изобрѣтенія о. Аристарха. Въ заключеніе о. Аристархъ показывалъ акустическій приборъ, также своего изобрѣтенія, для точнаго опредѣленія числа колебаній звучащихъ тѣлъ.

— Въ четвертъ, 1-го марта, въ день кончины въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, въ Петропавловскомъ соборѣ, придворнымъ духовенствомъ, при хорѣ придворныхъ пѣвчихъ, была совершена божественная заупокойная литургія, начавшаяся въ 11 ч. утра. За литургіей присутствовали Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императ-

рица, Ихъ Императорскія Высочества: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ и всѣ находящіеся въ Петербургѣ Высочайшія Особы, а также министр Императорскаго двора.

Богослуженіе окончилось въ началѣ перваго часа пополудни.

Гробница въ Возѣ почившаго Императора была покрыта множествомъ вѣнковъ и цвѣтовъ отъ Особъ Императорской фамилии.

По окончаніи литургіи, Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами были въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ нѣкоторое время провели въ комнатахъ въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

Въ тотъ-же день Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами возвратились въ Гатчину.

— Большинство столичныхъ газетъ 1-го марта посвящаютъ свои статьи горестному событію этого дня Московская газета „Новости Дня“, между прочимъ, въ слѣдующихъ прочувствованныхъ выраженіяхъ воспоминаетъ прискорбный день.

„Горькая утрата, въ лицѣ незабвеннаго Царя, понесенная Россіей съ кончиною Императора Александра II-го, не можетъ ни сгладиться временемъ, ни утонуть въ общей пучинѣ забвенія. Заслугъ великаго Монарха не забудетъ человѣчество, не забудетъ вселенная, онѣ не сотрутся съ историческихъ скрижалей даже могучей рукою времени. Эти заслуги вѣчны какъ мѣръ, вѣчны какъ правда, какъ неувядаемый лучъ божественнаго свѣта“.

„1-го марта 1881 года Россія лишилась не только Царя: она лишилась отца, лишилась неутомимаго и зоркаго блюстителя ея счастія и славы, носителя ея завѣтныхъ идеаловъ, освободителя милліоновъ людей, вѣками томившихся въ рабствѣ; она лишилась апостола правды и милости“.

— 20 февраля съ московскаго колокольнаго завода Н. Д. Финляндскаго отпращенъ въ дорогу колоколъ, отлитый для храма въ Старомъ Іерусалимѣ, на святой горѣ Елеонской, вѣсомъ 308 пуд. 20 фун., пожертвованный членомъ русскаго Палестинскаго общества, соликамскимъ купцомъ Рязанцевымъ. Провозъ колокола приняли на себя безвозмездно общества московско-курской, курско-киевской, юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ и русское общество пароходства и торговли. Колоколъ этотъ будетъ первымъ на горѣ Елеонской.

— „Новости“ сообщаютъ, что въ предполагаемой реформѣ духовныхъ академій и семинарій вопросу о церковной проповѣди будетъ

отведено одно изъ выдающихся мѣсть. Настоящая постановка церковной проповѣди въ духовныхъ семинаріяхъ подвергнется радикальному измѣненію: изъ сухой, построенной по всѣмъ правиламъ схоластики, семинарской проповѣди, предполагается выработать типъ живой, народной проповѣди; число уроковъ гомилетики въ семинаріяхъ будетъ удвоено, причемъ назначается довольно крупная премія за составленіе семинарскаго учебника по предмету гомилетики, какого пока еще, въ сущности, нѣтъ въ семинаріяхъ. Проповѣдническая реформа въ значительныхъ размѣрахъ касается и духовныхъ академій. Въ настоящее время наука церковнаго краснорѣчія читается въ духовныхъ академіяхъ только на одномъ церковно-практическомъ отдѣленіи, и, притомъ, на этомъ отдѣленіи читается не теорія проповѣди, а исторія проповѣдничества. Проповѣди не произносятся студентами, а въ нѣкоторыхъ академіяхъ даже и не пишутся, за исключеніемъ студентовъ IV-го курса, которые, передъ своимъ выходомъ, обязаны представить по одной проповѣди профессору по кафедрѣ церковнаго краснорѣчія. Впредь имѣется въ виду превратить кафедру церковнаго краснорѣчія изъ спеціальной, какой она была до сихъ поръ на церковно-практическомъ отдѣленіи, въ общеобязательную, вслѣдствіе чего теорію проповѣди будутъ слушать всѣ студенты академіи; кромѣ того, студентамъ будетъ предложено говорить и писать проповѣди; причемъ за проповѣди предполагается ставить баллы, которые, по новому уставу, должны будутъ имѣть одинаковое значеніе съ другими баллами.

— „Астрах. Епарх. Вѣд.“ сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ и общемъ церковномъ пѣніи въ станицѣ Косикѣ. Внѣбогослужебныя собесѣдованія въ приходѣ Косикинской Донской церкви открыты 12 іюня 1883 г. Открытію внѣбогослужебныхъ собесѣдованій предшествовалъ рядъ разъясненій со стороны священника и въ церкви, а чаще всего на улицѣ, по угламъ, гдѣ жители станицы сходятся потолковать о своихъ житейскихъ дѣлахъ, — разъясненій о томъ, какъ мы, христіане, должны проводить праздничные дни, и такимъ образомъ постепенно выяснилась необходимость внѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Послѣ того, какъ народъ уяснилъ себѣ и цѣль, и самую программу собесѣдованій, въ одно изъ воскресеній (12 іюня) отслуженъ былъ въ церкви молебенъ предъ открытіемъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, причемъ предварительно разъяснено было священникомъ, о чемъ молищимся нужно просить Господа Бога на этомъ молеб-

номъ пѣніи. Въ 4 часа вечера церковный колоколь созвалъ желающихъ послушать „отъ божественнаго“ въ станичное училище. На первый разъ собралось около 100 душъ казаковъ и 2—3 казачки. Съ 12 іюня внѣбогослужебныя собесѣдованія въ Косикѣ ведутся во всѣ воскресные и праздничные дни, по возможности. Въ храмовой праздникъ, 19 августа, дѣло шло нѣсколько разнообразнѣе. Прежде всего къ литургіи въ этотъ день собралось народу очень много. Кромѣ мѣстныхъ прихожанъ, не мало богомольцевъ явилось изъ окрестныхъ станицъ, селъ и изъ ближайшаго города Енотаевска. Случайно составившійся хоръ пѣвчихъ (съ участіемъ одной благовоспитанной дѣвицы) пропѣлъ литургію. На молебнѣ же, совершенномъ вслѣдъ за литургіею въ церкви, пѣли всѣ (это было чудомъ для сосѣдей!). Черезъ 2 часа послѣ литургіи, по благовѣсту колокола, началось собесѣдованіе. Всѣхъ слушателей, вмѣстѣ съ посторонними, на собесѣдованіе явилось болѣе 300 человекъ. Всѣ они размѣстились въ училищномъ зданіи такъ: часть въ классной комнатѣ, часть въ сѣняхъ и не малая часть подъ окнами. Въ послѣднее время собесѣдованія ведутся отъ 11 часовъ до 1 часу дня, такъ какъ это время — между чаемъ и обѣдомъ — признается самымъ удобнымъ временемъ для собесѣдованій. Число слушателей въ настоящее время и не въ такіе дни, какъ храмовой праздникъ, доходитъ до 300 и болѣе, менѣе 200 не бываетъ (это изъ 700 душъ прихожанъ). Программа собесѣдованій значительно теперь расширена. Кромѣ дневныхъ евангелій и житій святыхъ, которыя такъ по сердцу нашему народу, на собесѣдованіяхъ идетъ и катихизация: такъ пройдено объясненіе молитвы Господней, и теперь продолжается объясненіе символа вѣры, причемъ идутъ рассказы изъ Новаго завѣта, такъ какъ Ветхій завѣтъ уже законченъ въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ; читаются и статьи нравственно-назидательныя. Замѣчено, что на собесѣдованія особенно привлекаетъ слушателей общее пѣніе. Поэтому общее пѣніе введено и постепенно расширяется и за богослуженіемъ церковнымъ. Теперь въ церкви поются „Вѣрую“, „Отче нашъ“, „Взбранной“, „Достойно есть“ и „Благочестивѣйшаго“; при совершеніи же общественныхъ молебновъ въ церкви, всѣми поются почти всѣ пѣснопѣнія. Правда, все это не такъ-то ладно; но терпѣніе и любовь — вѣрять пастырь-иниціаторъ — все преодолеваютъ. Польза отъ введенныхъ въ Косикѣ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, какъ свидѣтельствуется тотъ-же пастырь, не малая. И пьющихъ нѣсколько поубавилось въ приходѣ, и ссоръ поуменьшилось, и вообще неурядиць

въ обществѣ, замѣтно, стало меньше, а главное — пастырю такъ удобно и предостеречь отъ соблазновъ и дружески высказать совѣтъ, полезный для пасомыхъ. Къ этому нужно присоединить и то, что собесѣдованія, ведомыя съ такимъ сердечнымъ участіемъ и обставленныя такъ разумно, неминуемо расположатъ прихожанъ полюбить церковь и вся яже отъ церкви, яже ко спасенію: а въ этомъ и вся суть пастырскаго служенія.

— Въ Виленскомъ учебномъ округѣ устроены съ нынѣшняго учебнаго года, какъ сообщаютъ „Пет. Вѣд.“, при народныхъ училищахъ, воскресныя и праздничныя чтенія, имѣющія цѣлью распространеніе въ населеніи полезныхъ знаній и поднятіе нравственнаго его уровня. По предложенной училищнымъ совѣтомъ программѣ, главнымъ предметомъ чтеній служатъ: чтеніе Евангелія, какъ источника вѣры и нравственности, св. исторіи Ветхаго и Новаго завѣта и житій святыхъ. Такого рода чтенія должны послужить основаніемъ для послѣдующихъ чтеній чисто-нравственнаго характера. Въ виду весьма большей важности и значенія чтенія евангелія и рассказовъ изъ св. исторіи, совѣтъ выражаетъ желаніе, чтобы оно было ведено законоучителями православнаго и римско-католическаго вѣроисповѣданія. Для развитія народнаго образованія, программа по отечественной исторіи указываетъ главные моменты роста русскаго народа, героевъ его на полѣ брани и въ мирной жизни, знакомить какъ съ радостными, такъ и тяжелыми годами, которыя пережилъ народъ русскій за все время своего существованія. Для ознакомленія съ главнѣйшими народностями, населяющими наше отечество, программа предлагаетъ доступныя пониманію простаго народа чтенія о нихъ. Изъ обширной области міровѣдѣнія и естественной исторіи программа предлагаетъ чтенія объ окружающихъ человѣка явленіяхъ природы и царствахъ растительномъ и животномъ. По сельскому хозяйству и гигиенѣ программа даетъ практически полезныя совѣты, какъ къ лучшему веденію земледѣлія, огородничества, садоводства и т. п., такъ и къ лучшему устройству жилищъ, а также совѣты относительно одежды, пици и т. п. Указывая предметы для народнаго чтенія, программа вмѣстѣ съ этимъ указываетъ на тѣ книги, по которымъ должно происходить чтеніе. Нельзя не отнестись весьма сочувственно къ этому нововведенію и не пожелать, чтобы оно было принято также и въ другихъ учебныхъ округахъ.

— „Рус. Кур.“ сообщаютъ изъ Петербурга, что издательскій комитетъ книгъ для народа, занимавшійся до сихъ поръ изданіемъ

беллетристическихъ произведеній, переходитъ теиерь на почву изданія книгъ утилитарнаго содержанія. Первой брошюрою такого изданія будетъ напечатано сочиненіе В. Д. Кренке „о культурѣ картофеля“. Брошюра эта, по отпечатаніи, будетъ разослана комитетомъ грамотности по всѣмъ сельскимъ народнымъ школамъ. Число изданія этой брошюры предположено въ нѣскольکو десятковъ тысячъ экземпляровъ.

— Вопросъ о противодѣйствіи распространенію въ Западномъ краѣ неизвѣстными лицами книгъ на польскомъ языкѣ, въ духѣ католичества, подвигается къ рѣшенію. Для этого признано нужнымъ устройство книжныхъ складовъ при православныхъ церквахъ и предоставленіе священникамъ права открывать училищныя отдѣленія или небольшія школы. Относительно школъ объявлены, по Литовской епархіи, къ исполненію слѣдующія правила: а) при каждой приходской церкви, въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ значительно населенныхъ, гдѣ нѣтъ народныхъ училищъ вѣломства учебнаго округа, и въ поселкахъ, въ районѣ которыхъ имѣется до 70 дворовъ, гдѣ представляется удобнымъ и возможнымъ, устроить школы, подъ названіемъ церковно-приходскихъ, или отдѣленій ихъ, причемъ допускаются и подвижныя школы, т. е. такія, гдѣ учащіеся съ учителемъ собираются и занимаются условленное время въ домахъ обывателей, по-очередно; б) на мѣстныхъ настоятелей и ихъ помощниковъ возлагается обязанность учрежденія школъ съ предоставленіемъ имъ расположить къ содѣйствію мѣстныхъ церковныхъ попечительства, братства, сельскія управленія и землевладѣльцевъ къ общему дѣлу, осуществленіе котораго послужитъ къ развитію началъ религіи и нравственности, необходимыхъ для благосостоянія страны; в) обученіе въ школахъ можетъ ограничиться чтеніемъ гражданскимъ, а гдѣ нужно, и церковнымъ письмомъ и начальными дѣйствіями ариѳметики для обоихъ половъ учащихся; но по усмотрѣнію священника можетъ быть заведено преподаваніе по 1-му и даже 2-му отдѣленію программы, существующей для народныхъ училищъ, для приготовленія къ поступленію на послѣдній 3-й курсъ въ народное училище и экзамена въ ономъ по предметамъ, обусловливающимъ льготы по воинской повинности. Школы, съ ихъ отдѣленіями, ввѣрены ближайшему попеченію мѣстныхъ священниковъ, которые подъ личною отвѣтственностію избираютъ и учителей. Благочинный, какъ начальникъ надъ духовенствомъ, имѣетъ надзоръ и за училищами, всячески содѣйствуя священникамъ къ ихъ открытію. Епархіальная власть, совмѣстно съ вилен-

скимъ Свято-Духовскимъ братствомъ, будетъ отпускать по 30 руб. на каждую школу, имѣющую не менѣе 30 учащихъ; учебныя пособия должны быть приобретаемы на средства мѣстныхъ церковныхъ попечительствъ, церковныхъ братствъ и даже на церковную сумму.

— Общество для распространенія Св. Писанія въ Россіи, въ теченіи своей дѣятельности, какъ „Рус. Кур.“ передаютъ, успѣло распространить около 750,000 экземпляровъ книгъ духовнаго содержанія.

— По словамъ „Нов. Вр.“, опубликованы слѣдующія правила по отношенію къ открытію и содержанію публичныхъ библиотекъ и кабинетовъ для чтенія: 1) Желаящіе открыть библиотечку или кабинетъ для чтенія, при заявленіи подлежащей власти своего по сему предмету ходатайства, обязаны указать, кто именно будетъ считаться въ заведеніи отвѣтственнымъ лицомъ. По открытіи библиотечки или кабинета для чтенія замѣна одного отвѣтственнаго лица другимъ можетъ послѣдовать также не иначе, какъ съ разрѣшенія власти, выдавшей дозволеніе на открытіе. 2) Начальствующія лица, коимъ предоставлена власть разрѣшать открытіе библиотекъ и читаленъ, въ случаѣ возникающаго у нихъ сомнѣнія въ политической благонадежности уполномоченныхъ на управленіе сими заведеніями лицъ и вообще всѣхъ служащихъ при оныхъ, обязаны собственною властью устранять этихъ лицъ изъ библиотекъ и кабинетовъ и 3) министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право: а) указывать мѣстнымъ начальствамъ тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ публичныхъ библиотекахъ и общественныхъ читальняхъ, и б) закрывать всякаго рода публичныя библиотечки и общественныя читальни въ случаѣ признанной въ томъ необходимости.

— Возбужденный въ 1881 году вопросъ о возстановленіи, такъ называемыхъ, церковно-приходскихъ школъ, до сихъ поръ еще не получилъ своего разрѣшенія. Организованная для разработки этого вопроса особая комиссія при св. Синодѣ не пришла къ единогласному заключенію. Въ настоящее время эта комиссія фактически уже прекратила свои занятія, хотя и не закрыта формальнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, духовное вѣдомство, какъ „Новости“ слышали, озабочено дѣломъ возстановленія означенныхъ школъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ епархіяхъ духовенство въ послѣднее время энергически взялось за это дѣло. Главное затрудненіе заключается въ изысканіи денежныхъ средствъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ. На первыхъ порахъ на этотъ предметъ отпу-

щень ежегодный кредитъ въ 55,000 руб., который и перечисленъ изъ смѣты вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе духовнаго вѣдомства. Но этой суммы слишкомъ недостаточно для устройства названныхъ школъ повсюду. Поэтому и предполагается, по слухамъ, вновь испросить особый кредитъ изъ суммъ государственнаго казначейства.

— Въ комитетѣ грамотности Вольнаго экономическаго Общества обсуждается въ настоящее время вопросъ о подготовительныхъ и подвижныхъ народныхъ школахъ. Существованіе этихъ школъ вызывается невозможностью устройства нормальныхъ школъ въ такомъ количествѣ, которое могло-бы исполнѣ удовлетворить существующей потребности въ первоначальномъ образованіи. Изъ преній, бывшихъ въ засѣданіи комитета 21 февраля, выяснилось, что подготовительныя школы, или школы грамотности, существуютъ, между прочимъ, въ Псковскомъ уѣздѣ и во многихъ уѣздахъ Тверской губ. Псковскій уѣздъ открылъ въ 1882 г. 10 школъ. Учебныя пособія для нихъ доставляются земствомъ; расходъ-же на школу не превышаетъ 2 рублей на ученика. Содержаніе учителю, деньгами или натурою, помѣщеніе для школы и учителя доставляются сельскимъ обществомъ, а земство выдаетъ учителямъ награды за каждаго ученика, прошедшаго курсъ, по 3—5 р. за мальчика и по 4—6 р. за дѣвочку. Вообще, расходы земства не превышаютъ 4 р. на ученика, между тѣмъ какъ ученикъ нормальной школы обходится въ 13 р. Предполагалось, что учителями подобныхъ школъ будутъ ученики, окончившіе курсъ въ земскихъ школахъ, но изъ 10 школъ только двѣ находятся подъ руководствомъ учениковъ земскихъ школъ; въ остальныхъ-же обучаютъ ученики земской учительской семинаріи, не имѣющее пока болѣе выгодныхъ занятій. Болѣе развиты эти школы въ Тверской губерніи. Такъ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ находится до 100 школъ. Устраиваются онѣ народомъ, участіе-же земства выражается въ выдачѣ учебныхъ пособій, назначеніи учителей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ денежныхъ пособіяхъ отъ 10 до 25 руб. на школу. Вознагражденіе учителю даетъ сельское общество отъ 2 до 2½ р. за ученика. Кончившіе курсъ въ нормальныхъ школахъ охотно остаются еще на одинъ годъ, чтобы подготовиться къ обязанностямъ будущаго учителя. Прямое назначеніе школъ грамотности состоитъ въ томъ, чтобы увеличить средства для первоначальнаго образованія, но такъ какъ курсъ ихъ исполнѣ соответствуетъ младшему отдѣленію нормальныхъ школъ, то при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, онѣ могутъ повлечь постепенное закрытіе млад-

шихъ отдѣленій, и слѣдовательно, большее развитіе высшихъ отдѣленій нормальныхъ школъ. Комитетъ считаетъ подготовительныя школы безусловно полезными въ смыслѣ большаго распространенія грамотности, и въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій займется обсужденіемъ вопроса о болѣе правильной постановкѣ ихъ.

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ Путята, какъ сообщаютъ „Нов.“, вошелъ въ Петербургскую городскую думу съ предложеніемъ объ устройствѣ въ столицѣ школы печатнаго дѣла, въ память перваго русскаго печатника, примѣняясь къ проекту, утвержденному министромъ финансовъ еще въ 1881 году, подъ названіемъ „школы для рабочихъ и учениковъ типографій, литографій и другихъ подобныхъ заведеній“. Со времени утвержденія проекта, устройство школы не могло осуществиться за неимѣніемъ средствъ, не смотря на полное сочувствіе всѣхъ содержателей типографій и литографій, изъявившихъ желаніе не только дать своимъ рабочимъ возможность посвятить 2—3 часа въ день на теоретическое изученіе печатнаго дѣла, но и помѣстить ихъ своими стипендіатами, т. е. уплачивать плату за обученіе. Въ виду этого г. Путята предлагаетъ думѣ принять матеріальное участіе въ дѣлѣ устройства школы, предоставленіемъ дароваго помѣщенія или назначеніемъ ежегодной субсидіи. Представители печатнаго дѣла избрали въ концѣ прошлаго года изъ своей среды комиссію, которая исчислила расходъ на устройство школы приблизительно въ 17,000 р. одновременно (классная мебель, организація музея, наборная съ касами шрифта, машина и проч.) и въ 12,500 руб. ежегоднаго содержанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что значительная часть этого расхода будетъ покрыта самими типографщиками и взносами учениковъ, но, тѣмъ не менѣе, безъ поддержки города мысль объ устройствѣ школы, не смотря на настоятельную въ ней необходимость, едва-ли скоро осуществится, между тѣмъ исчисленный расходъ для городской казны ни въ какомъ случаѣ не можетъ назваться обременительнымъ, тѣмъ болѣе, что городъ расходуетъ болѣе 10,000 руб. въ годъ на сапожную и бѣлошвейную мастерскія, а знающіе наборщики нужны городу не менѣе сапожниковъ или портныхъ. Предложеніе г. Путяты встрѣчено управою съ большимъ сочувствіемъ. Городской голова И. И. Глазуновъ, какъ содержатель старѣйшей въ Петербургѣ типографіи, и его товарищъ, М. Н. Севевскій, какъ издатель журнала, вполне присоединились къ предложенію г. Путяты. Нѣтъ сомнѣнія, что оно будетъ одобрено и думой, такъ что вопросъ объ открытіи въ Петербургѣ первой школы печатнаго дѣла можно считать рѣшеннымъ.

— 26 февраля открыто въ слободѣ Юнаковкѣ Сумскаго уѣзда двухклассное образцовое училище министерства народнаго просвѣщенія, каковое открытіе ожидалось мѣстными жителями давно и съ большимъ нетерпѣніемъ. Актъ открытія совершился при обстановкѣ торжественной, произведшей сильное впечатлѣніе. По окончаніи литургіи, на которой присутствовалъ и директоръ народныхъ училищъ, г. Жаворонковъ, прибывшій на-канунѣ изъ Харькова,— учащіеся, по два въ рядъ, предшествуемые хоругвями и сопровождаемые массою народа, направились къ зданію училища. Первые два ученика несли образъ, предназначенный для училища; за учениками шло духовенство въ облаченіяхъ и хоръ пѣвчихъ. Зданіе училища, еще съ ранняго утра красиво убранное флагами, производило очень выгодное впечатлѣніе. Въ училищѣ тотчасъ начался молебенъ, пропѣтый хоромъ очень недурно; законоучитель обратился къ присутствующимъ съ словомъ, въ которомъ убѣждалъ родителей оказать преподавателямъ свою дорогую поддержку въ трудномъ дѣлѣ воспитанія дѣтей.

„Много значитъ, говоритъ между прочимъ законоучитель, — что дѣти ваши будутъ слышать здѣсь въ школѣ отъ насъ добрыя наставленія, но еще больше значать для нихъ тѣ рѣчи и тѣ примѣры, которые онѣ слышатъ и видятъ дома въ семьѣ... Когда мы сообщаемъ дѣтямъ вашимъ въ школѣ добрыя правила, то это все равно, что пишемъ перомъ въ сердцахъ ихъ; но когда вы своимъ вліятельнымъ родительскимъ словомъ, а паче примѣромъ подкрѣпите слова наши, то это все равно, что приложите крѣпкую печать къ нашему писанію. Тогда только наши наставленія будутъ навѣки нерушими“... Молебенъ закончился обычнымъ многолѣтіемъ. По окончаніи молебствія, г. директоръ обратился къ предстоящимъ съ рѣчью, въ которой выяснилъ цѣль двухклассныхъ училищъ, степень получаемого въ нихъ образованія и права, предоставляемыя этими училищами; выразилъ увѣренность въ томъ, что общество крестьянъ не откажетъ въ своей матеріальной и нравственной поддержкѣ заведенію; напомнилъ затѣмъ преподавателямъ ихъ важную обязанность по отношенію къ самимъ себѣ — не останавливаться въ своемъ самоусовершенствованіи, по отношенію къ заведенію — дорожить его честію, по отношенію къ учащимся — не только учить, но и воспитывать дѣтей и притомъ въ духѣ религіи, помня слова Спасителя: „не препятствуйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ“... Въ заключеніе своей рѣчи г. директоръ пригласилъ общество крестьянъ присоединиться къ нему въ выраженіи благодарности о. законоучителю священнику В. И. Петровскому

за то горячее участіе, при которомъ только и могло устроиться училище. Затѣмъ объявилъ училище открытымъ, послѣ чего пѣвчими исполненъ былъ народный гимнъ при глубокомъ вниманіи и благоговѣннѣи присутствующихъ.

На память о днѣ открытія училища роздано было учащимся и народу 500 экземпляровъ брошюръ разнаго содержанія. Каждая книга украшена надписью, напечатанною золотыми литерами: „на память въ день открытія въ Юнаковкѣ двухкласснаго образцоваго училища м. н. п. 26 февраля 1884 года. Подарокъ Юнаковскаго общества“. Книги эти приобрѣтены на деньги, пожертвованныя обществомъ крестьянъ.

Теперь нѣсколько словъ о зданіи училища. Зданіе каменное, красивой архитектуры, въ два этажа; классы просторные, свѣтлые и высокіе. Въ рекреационной, очень просторной залѣ, во всю вышину передней стѣны установленъ прекрасной работы съ позолотой кіотъ съ образомъ Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. На кіотѣ надпись: „Вѣчная память Императору Александру II—Освободителю“. Все это устроено на пожертвованныя деньги, по инициативѣ о. Петровскаго. Предъ этимъ образомъ, ежедневно предъ уроками, учащіеся поютъ молитву предъ ученіемъ. Тутъ-же по субботамъ слушаютъ они объясненіе воскреснаго Евангелія. Всѣхъ учащихся обоюга пола до 450 душъ, изъ которыхъ приняты въ двухклассное училище только имѣющіе возможность учиться пять лѣтъ (курсъ двухклассныхъ училищъ мин. народн. просвѣщенія). „Харьк. Губерн. Вѣдом.“

— Въ „Орловск. Еп. Вѣд.“ одинъ изъ священниковъ обращаетъ вниманіе на удовлетвореніе одной изъ важныхъ религіозныхъ потребностей крестьянъ — имѣть правильно и прочно написанныя св. иконы. Крестьяне, какъ извѣстно, покупаютъ для себя иконы владимірскаго письма. Не говоря уже о томъ, что эти иконы крайне плохо написаны, онѣ не отличаются прочностью.

„Что владимірскія иконы не прочны и, слѣдовательно, убыточны для небогатыхъ крестьянъ, не смотря на относительную ихъ дешевизну, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. При сырой и грязной обстановкѣ крестьянской хаты, при дымѣ и копоти такія иконы (безъ кіота) не могутъ долго оставаться въ святомъ углѣ: отъ частыхъ перемѣнъ комнатной температуры краски иконъ начинаютъ скоро трескаться и лупиться, а къ концу года послѣ покупки, иконы совершенно теряютъ свой видъ и подлежатъ выдворенію изъ святаго угла. Крестьяне, впрочемъ, сами не признаютъ за своими ико-

нами прочности; наученные опытомъ, что купленные дешево иконы скоро портятся, они не рискуютъ ставить ихъ въ хатахъ, а считаютъ болѣе практичнымъ хранить свои иконы подъ спудомъ, т. е. помѣщаютъ ихъ въ холодныхъ кладовыхъ или разставляютъ по стѣнамъ холодныхъ помѣщеній, куда доступъ для молитвы не всегда и не для всѣхъ семейныхъ возможенъ. Чтобы снабдить крестьянъ иконами, соответствующими ихъ назначенію, для сего не мѣшало-бы открыть епархіальный складъ иконъ, ввѣривши его наблюденію опытныхъ лицъ изъ духовенства. Само собою разумѣется, что иконы предварительно должны быть куплены оптомъ или заказаны живописцамъ большими партіями. Изъ епархіальнаго склада иконы могутъ быть размѣщены по складамъ уѣздныхъ городовъ, а здѣсь ихъ могли-бы получать (за деньги или подъ росписку) въ потребномъ количествѣ сельскіе священники для своихъ прихожанъ, или сами прихожане покупали-бы на мѣстѣ иконы по той цѣнѣ, по какой онѣ обошлись въ покупкѣ и доставкѣ на мѣсто.

Не разъ намъ приходилось читать въ нашихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ подобныя-же сѣтованія и предложенія. Слѣдовало-бы духовенству взять въ руки и это дѣло, хотя-бы и пришлось ему при этомъ выслушать много упрековъ въ корыстолюбіи и въ меркантильности, къ чему, впрочемъ, ему не привыкать“.

— „Кіев. Епарх. Вѣдомости“, а за ними и „Кіевлянинъ“ заявили, что секта штундистовъ обнаруживаетъ въ послѣднее время въ Кіевской губерніи признаки разложенія и ослабленія; и что она насчитываетъ на болѣе 2,000 послѣдователей. По сообщенію „Зари“, официальные отчеты (консисторскіе и полицейскіе) о количествѣ штундистовъ въ Кіевской губерніи не оправдываютъ этихъ заявленій. По этимъ отчетамъ штундистовъ значится: въ 1875 году 561, въ 1876—875, въ 1877—944, въ 1878—1,100, въ 1879—1,223, въ 1880—1,380, въ 1881—1,420, въ 1883—2,000. Насколько эти статистическія данныя являются признакомъ разложенія и ослабленія штундизма, — газета предоставляетъ судить самимъ читателямъ. Что касается географическаго распространенія этой секты, то и тутъ газета находитъ такіе признаки, которыхъ никакъ нельзя назвать признаками ослабленія. Такъ напр., въ 1872 г. штундизмъ былъ только въ Таращанскомъ уѣздѣ; въ 1876 году онъ былъ уже въ Звенигородскомъ и Сквирскомъ; въ 1880 г. — сюда присоединяются Каневскій и Чигиринскій; въ настоящее время о штундизмѣ нѣтъ вѣстей только изъ Радомысльскаго и Бердичевскаго уѣздовъ; въ остальныхъ 10 уѣздахъ губерніи ученіе это насчитываетъ послѣдователей сотнями.

— Въ „Кіевлянинѣ“ напечатано слѣдующее извлеченіе изъ рапорта одного изъ благочинныхъ Волынской епархіи на запросъ мѣстнаго преосвященнаго о состояніи штундизма въ Волынской губерніи: „Штундисты существуютъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Синевѣ. Въ настоящее время ихъ числится 13 человекъ, 7 мужчинъ и 6 женщинъ. Всѣ они принадлежатъ къ разнымъ семействамъ. Вожакомъ ихъ считается крестьянинъ Назаръ Болрчукъ. Онъ принялъ штундизмъ раньше всѣхъ. Въ его хатѣ собираются штундисты для совершенія своихъ молитвословій“. Репортъ сообщаетъ, что „въ этомъ году никто изъ православныхъ не совратился“. Православные крестьяне, по словамъ рапорта, сначала относились къ штундистамъ „съ любопытствомъ, даже не враждебно“; но въ настоящее время, узнавъ болѣе или менѣе смыслъ вѣроученія штундистовъ, въ особенности непочитаніе ими иконъ, относятся къ сектантамъ враждебно и не только не обращаются къ нимъ за разъясненіемъ религіозныхъ недоумѣній и за совѣтами въ житейскихъ дѣлахъ, но даже избѣгаютъ сношеній съ ними и называютъ ихъ „патыстами“. Синевскіе штундисты очень стойко держатся своего вѣроученія и упорно стоятъ на своемъ. Въ 1881 году въ Синевѣ былъ волынской викарій, епископъ Виталій. Онъ убѣждалъ „патыстовъ“ отстать отъ своего заблужденія и уговаривалъ, чтобъ они перекрестились. Но ни одинъ изъ штундистовъ не захотѣлъ положить на себя крестнаго знаменія, несмотря на увѣщанія преосвященнаго.

— Въ „Кавк. Епарх. Вѣд.“ описывается случай обращенія двухъ калмыцкихъ языческихъ семействъ въ православную вѣру, свидѣтельствующій о высокой степени христіанской любви, проявляемой сельскимъ населеніемъ къ новообращеннымъ. Калмыки присоединились въ числѣ 13 душъ обоюгаго пола. Всѣ они жили до тѣхъ поръ въ работникахъ у крестьянъ села Надежды, Ставропольскаго уѣзда, и не имѣли никакого состоянія, обезпечивавшаго ихъ положеніе. Первымъ дѣломъ крестьянъ было обезпечить своихъ новыхъ единовѣрцевъ. Одни пожертвовали въ пользу новообращенныхъ по 10 сажень озимой пшеницы; другіе пожертвовали деньгами и разными вещами: рубашками, платками и т. п.; предложили имъ проѣхать по селенію для сбора зерноваго хлѣба, котораго на оба семейства было собрано болѣе двухъ сотъ мѣръ; кромѣ того, отвели имъ участки земли въ полѣ, вснахали ихъ и засѣяли общественнымъ иждивеніемъ, отвели усадебныя мѣста и дали общественный приговоръ о принятіи ихъ въ среду своего общества, отвели имъ

нужное количество сѣнокоса и лѣса и пріобрѣли дома, въ которыхъ они живутъ и до настоящаго времени. Утѣшительно видѣть, замѣчаетъ по этому поводу корреспондентъ, что эти новообращенные каждый воскресный и праздничный день неопустительно посѣщаютъ церковныя службы, все до единого ведутъ жизнь трудовую и честную. Черезъ два мѣсяца совершилось бракосочетаніе главныхъ членовъ этихъ двухъ семействъ по обряду православной Церкви, причемъ посаженными отцами и матерями были у нихъ болѣе почетные жители, которые приняли участіе и въ устройствѣ брачнаго пиршества. Когда о совершившемся крещеніи инородцевъ и братскомъ отношеніи къ нимъ надежинскихъ жителей узнали жители села Бешпагирскаго, въ которомъ эти инородцы также работали, то, подражая доброму примѣру, и они, бешпагирицы, предложили новокрещеннымъ пріѣхать къ нимъ для сбора хлѣба, которымъ и наградили ихъ въ достаточной мѣрѣ, сдѣлавъ и другія пожертвованія на обзаведеніе ихъ хозяйствомъ.

— Изъ Житомира въ „Кіевлянинъ“ пишутъ: „Нельзя не обратить вниманія на слѣдующій случай, происшедшій мѣсяць или полтора тому назадъ. Къ одному изъ здѣшнихъ патеровъ-ксендзовъ обратилась католичка съ просьбой, по случаю выхода ея замужъ за православнаго, выдать ей метрическое свидѣтельство. На эту весьма законную просьбу патерь отвѣтилъ отказомъ; отправилась она къ другому — тоже, причемъ ей грозили всевозможными муками ада. Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилась эта исторія, если-бы не явился на выручку одинъ здѣшній чиновникъ и, подъ угрозой вытребовать это свидѣтельство черезъ жандармское управленіе, не достигъ, наконецъ, желасмага. Фактовъ, подобныхъ приведенному, встрѣчается, вѣроятно, не мало. Этимъ фактомъ въ значительной степени объясняется то, что случаи браковъ между католичками и православными и обратно являются лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній“.

— Объ отношеніяхъ поляковъ къ русскимъ, въ корреспонденціи „Новаго Времени“ изъ Варшавы, мы находимъ слѣдующую любопытную характеристику: „Каждый изъ русскихъ, живущихъ въ здѣшнемъ краѣ, на опытѣ могъ убѣдиться въ искренности чувствъ. питаемыхъ къ нимъ нашими польскими единоплеменниками, и въ каждомъ изъ нихъ научился по необходимости видѣть врага. Цѣлый рядъ фактовъ наглядно подтверждаетъ этотъ печальный выводъ. Мы говоримъ исключительно объ интеллигентномъ классѣ польскаго общества. Не касаясь даже людей, не занимающихъ ни-

какого официальнаго положенія, мы привыкли, къ сожалѣнiю, и въ средѣ лицъ польскаго происхожденiя, состоящихъ на русской государственной службѣ, встрѣчать явно враждебныя отношенiя къ каждому изъ тѣхъ русскихъ, кому поневолѣ приходится вступать въ сношенiя съ упомянутыми чиновниками. Въ подтвержденiе нашихъ словъ можно было-бы привести цѣлую массу фактовъ, взятыхъ изъ различныхъ областей здѣшней жизни, но и безъ нихъ каждому изъ русскихъ, проживающихъ въ Варшавѣ, безъ сомнѣнiя, хорошо извѣстно, съ какою неохотой чиновникъ-полякъ относится къ просьбѣ русскаго, какъ-бы ни была она законна и справедлива, какою цѣлью безконечныхъ придирокъ встрѣчаетъ онъ ходатайство просителя, особенно если послѣднiй рѣшается объясняться съ нимъ на русскомъ языкѣ, который между тѣмъ считается здѣсь государственнымъ повсюду и принятъ для всѣхъ правительственныхъ мѣстъ здѣшняго края. Даже и въ томъ учрежденiи, гдѣ, согласно Высочайшей волѣ, „правда и милость должна царствовать для всѣхъ“, полякъ-чиновникъ старается на каждомъ шагу, въ силу авторитета своей власти, унижить и оскорбить достоинство русскаго, становится глухъ къ его законнымъ требованiямъ. Особенно это практикуется въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшее лицо смѣло и безъ подобострастiя предъявляетъ свои законныя просьбы, не прибѣгая къ унижительному раболѣпству, которое изрѣдка встрѣчается и доселѣ, какъ остатокъ обычаевъ старинной польской юриспруденци. Помимо официальнаго міра мы могли-бы и въ частной, будничной жизни отмѣтить массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о недружелюбномъ отношенiи къ намъ мѣстнаго польскаго населенiя: мелкія придирки и разныя домашнiя дрызги со стороны управляющаго домомъ поляка или его семейства къ квартирантамъ русскимъ, исправно вносящимъ квартирную плату за четверть года впередъ, срыванiе неизвѣстно кѣмъ карточекъ на русскомъ языкѣ, прибитыхъ ко входной двери послѣднихъ, наконецъ бросанiе даже камней въ окна ихъ квартиры,—все это краснорѣчиво свидѣлствуетъ о томъ, какъ сладко живетъ русскому, занесенному судьбой въ здѣшний край“...

— Изъ Кишинева въ „Одесскій Вѣстникъ“ пишутъ, что въ послѣднее время тамъ среди евреевъ образовалась секта, члены которой распространяютъ убѣжденiе, что Христосъ—настоящiй Мессiя евреевъ и что другаго имъ ждать печего. Свои убѣжденiя они подкрѣпляютъ многими цитатами изъ Библии и пророковъ.

— 15-го февраля скончался великiй старецъ, архієпископъ Анто-

ній (Зубко), знаменитѣйшій сподвижникъ митрополита Іосифа (Сѣ-машки), которому, какъ извѣстно, только 4-го февраля праздновали 50 лѣтній юбилей архіерейства. Почившій жилъ въ Пожайскомъ монастырѣ, невдалекѣ отъ Нѣмана и Ковно. 18-го февраля совершилось его погребеніе.

— Въ „Москов. Вѣд.“ напечатано не лишнее интереса и значенія извѣстіе объ измѣненіи въ теперешнихъ волостныхъ судахъ. Извѣстно, что опредѣленія уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій на рѣшенія волостныхъ судовъ, на основаніи примѣч. къ 145 ст. Полож. учр. кр., считаются неподлежащими обжалованію. Между тѣмъ, при разсмотрѣніи дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами и утвержденныхъ уѣздными присутствіями, оказывается, что волостные суды весьма часто выходятъ изъ своей компетенціи въ ущербъ правосудію, вслѣдствіе чего на обсужденіе Правительствующаго Сената нынѣ представленъ вопросъ, въ правѣ-ли губернское присутствіе отмѣнять рѣшенія волостныхъ судовъ, постановленныя съ явнымъ нарушеніемъ закона. По мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, необходимо указать какой-либо путь къ совершенной отмѣнѣ подобныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Такъ министерство полагало-бы разъяснить, что губернское присутствіе, признавъ по жалобѣ просителя рѣшеніе волостнаго суда и дѣйствія уѣзднаго присутствія по утвержденію его неправильными, вмѣстѣ съ постановленіемъ о неприведеніи такого рѣшенія въ исполненіе, должно объявить просителю, что такое признаніе даетъ просителю право, въ виду открывшагося новаго обстоятельства въ дѣлѣ, войти въ уѣздное присутствіе съ ходатайствомъ о пересмотрѣ дѣла для постановленія новаго рѣшенія; одновременно съ этимъ губернское присутствіе могло-бы заранѣе разрѣшить уѣздному присутствію пересмотрѣ дѣла и о такомъ разрѣшеніи своемъ также объявить просителю.

— Въ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ недавно приступлено къ собиранію и разработкѣ подробныхъ свѣдѣній о мірскихъ крестьянскихъ сборахъ. Свѣдѣнія эти собираются по волостямъ и подвергаются тщательной провѣркѣ на мѣстѣ уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Повѣрка совершенно необходима, потому что хотя сборы по закону должны производиться на основаніи приговоровъ крестьянскихъ обществъ, но на практикѣ это рѣдко соблюдается и при учетахъ волостныхъ старшинъ, производимыхъ крестьянами, почти всегда обнаруживаются переборы и злоупотребленія мірскими суммами. Статистиче-

скія данныя о мірскихъ сборахъ съ крестьянъ, составленныя по волостямъ, уѣздамъ и губерніямъ и изданныя въ особомъ сборникѣ, дадутъ возможность правительству упорядочить, ввести правильность и, главное, равномерность въ это чрезвычайно важное для благосостоянія крестьянъ дѣло.

— За послѣдніе годы въ Полтавской губерніи начинаетъ прививаться разведеніе новаго питательнаго растенія, такъ называемой сои. Растеніе это можетъ быть разводимо въ такомъ неблагопріятномъ климатѣ, въ которомъ другія огородныя растенія погибаютъ. Урожай, даваемый посѣвами сои, превосходятъ урожай пшеницы. Она можетъ быть разводима исключительно въ огородахъ; наилучшій способъ посѣва для нея — рядовой. Изготавливаемый изъ нея хлѣбъ съ примѣсью картофеля и частію ржи весьма питателенъ и приятенъ на вкусъ. Кромѣ того, изъ сои могутъ быть изготавливаемы жмыхи, т. е. кормъ для скота.

При производившемся въ Государственномъ Банкѣ тиражѣ билетовъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа, главные выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

№ № серій.	№ № билетовъ.	Сумма выигрышей.	№ № серій.	№ № билетовъ.	Сумма выигрышей.
16.087	13	200.000	2.541	8	1.000
13.798	11	75.000	18.743	40	1.000
12.215	10	40.000	4.684	14	1.000
16.524	37	25.000	16.071	31	1.000
407	31	10.000	14.322	43	1.000
10.174	5	10.000	13.531	5	1.000
1.237	41	10.000	3.536	26	1.000
15.383	46	8.000	765	23	1.000
16.315	5	8.000	3.952	3	1.000
15.925	24	8.000	15.654	26	1.000
15.076	18	8.000	2.136	33	1.000
7.236	34	8.000	9.592	5	1.000
321	8	5.000	9.348	48	1.000
8.483	5	5.000	17.144	18	1.000
10.195	41	5.000	11.648	8	1.000
17.400	39	5.000	17.254	6	1.000
15.421	5	5.000	588	34	1.000
18.750	27	5.000	14.530	39	1.000
13.409	1	5.000	17.310	8	1.000
9.386	10	5.000	6.025	37	1.000

Выигрыши въ пятьсотъ рублей пали на слѣдующіе билеты.

№ серіи.	№ билетовъ.	№ серіи.	№ билетовъ.	№ серіи.	№ билетовъ.	№ серіи.	№ билетовъ.	№ серіи.	№ билетовъ.	№ серіи.	№ билетовъ.
1449	1	9344	9	9006	16	14467	24	9273	33	18206	43
5457	1	10781	9	9716	16	18528	24	14711	33	18954	43
5471	1	12514	9	10929	16	3588	25	496	34	19303	43
7183	1	12859	9	12190	16	9075	25	6033	35	3098	44
13179	1	14955	9	12483	16	10430	25	9713	35	10783	44
19048	1	15105	9	18566	16	10893	25	15434	35	11642	44
20	2	16972	9	19001	16	6379	26	15821	35	12941	44
4334	2	19976	9	83	17	8489	26	17183	35	13420	44
17938	2	2963	10	2707	17	10911	26	18195	35	15668	44
1009	3	4991	10	12606	17	11041	26	18920	35	16509	44
3852	3	6121	10	15135	17	15406	26	3005	36	17019	44
4271	3	9978	10	17016	17	17046	26	12377	36	2522	45
5046	3	12580	10	18430	17	18276	26	15589	36	3266	45
9755	3	15895	10	271	18	18904	26	1272	37	3889	45
8290	4	16282	10	1408	18	19269	26	4218	37	7689	45
8775	4	1427	11	6629	18	1914	27	15060	37	10780	45
14466	4	2975	11	10303	18	5934	27	18962	37	12435	45
4950	6	7466	11	13245	18	6143	27	5710	38	18715	45
6391	6	11331	11	14876	18	6197	27	16018	38	948	46
13211	6	12094	11	17165	18	6911	27	17656	38	1445	46
13663	6	3391	12	13030	18	802	28	12568	39	4682	46
15206	6	4007	12	5022	19	9651	28	15648	39	17653	46
18510	6	5453	12	947	20	9862	28	8093	40	19132	46
18925	6	8324	12	6449	20	11834	28	8640	40	255	47
1770	7	17171	12	10505	20	1093	29	9664	40	14121	47
2094	7	3960	13	12002	20	10669	29	10067	40	16674	47
3191	7	5278	13	15192	20	14370	29	11176	40	18010	47
12283	7	17168	13	18151	20	13053	29	12444	40	3426	48
12539	7	19768	13	11364	21	19022	29	17917	40	8003	48
14029	7	6181	14	14582	21	4925	30	18848	40	8349	48
17592	7	6782	14	2476	22	13000	30	395	41	15326	48
2955	8	11123	14	2977	22	16112	30	8790	41	18773	48
3228	8	12243	14	10223	22	17775	30	10449	41	1727	49
7706	8	13591	14	12490	22	1370	31	12564	41	3470	49
7732	8	1981	15	13475	22	8279	31	17045	41	4561	49
13415	8	3111	15	18353	22	10223	31	18364	41	11358	49
14010	8	3223	15	19833	22	11524	31	1371	42	18492	49
14715	8	7714	15	2431	23	118	32	2820	42	4004	50
15492	8	7715	15	4461	23	7055	32	3284	42	14970	50
15611	8	7842	15	7848	23	12250	32	15279	42	12184	2
17021	8	15474	15	10208	23	17862	32	15734	42		
268	9	15834	15	13786	23	19995	32	17569	42		
1291	9	19410	15	15118	23	5111	33	10034	43		
6051	9	8630	16	19980	23	7112	33	10960	43		

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1884 года.

Таблица серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

45	2513	4247	5846	8598	13004	14664	17367
525	2794	4547	6336	9942	13414	14849	18209
581	2836	4835	6636	10110	13482	14918	18409
603	3141	4966	6706	10377	13514	15144	18432
1548	3159	5080	7469	10995	13649	15406	18778
1645	3166	5093	7537	11054	13975	15680	18814
1820	3223	5560	8120	11095	14266	16325	19000
1909	3361	5593	8200	11232	14531	16472	19192
2162	4035	5659	8309	11856	14534.	16568	19705

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1884 г. въ Государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КЪ НОВОМУ ЗАВѢТУ,

составленный Членомъ Археографической Коммиссіи Министер-
ства Народнаго Просвѣщенія
Петромъ Гильтебрандтомъ.

ШЕСТЬ КНИГЪ.

14 Августа 1882 года ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Всемиловѣйше соизволилъ на посвященіе „Словаря“ Священной Памяти Державныхъ ЕГО Родителей.

18 Октября 1882 года ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА Всемиловѣйше повелѣли включить Свои Августѣйшія Имена въ число подписчиковъ на „Словарь“. ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ, Государь Великій Князь ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, Государыня Великая Княгиня ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА также изволили подписаться на это изданіе.

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СѢНОДЪ оказалъ помощь изданію „Словаря“ подпискою и рекомендаціею „Словаря“ вниманію епархіальныхъ Архіереевъ. Епархін Тамбовская, Астраханская и Владимірская первыми отозвались и подписались на значительное количество экземпляровъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1881 года Общество Любителей Древней Письменности, издавшее пробный выпускъ „Словаря“ П. А. Гильтебрандта, признало этотъ „Словарь“ „необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія Церковно-Славянскаго текста Новаго Завѣта, могущимъ служить настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго Христіанина, для справокъ при чтеніи и изученіи Новозавѣтной части Библии“

Первыя четыре книги „Словаря“ высылаются подписчикамъ; въ нихъ заключается самая большая, уже законченная, часть (1424 печатныхъ страницы или 2848 столбцовъ) Словаря, вплоть до буквы П. Пятая книга печатается, и выйдетъ въ Апрѣлѣ, шестая (и послѣдняя) въ Августѣ 1884 г.

Въ „Словарь“ войдетъ не менѣе 150-ти печатныхъ листовъ большаго формата, такъ-что во всемъ „Словарѣ“ будетъ не менѣе 2400 страницъ, или 4800 столбцовъ. Подписная цѣна на „Словарь“: на обыкновенной бумагѣ—двѣнадцать (12) рублей; на веленовой—семнадцать (17) рублей. Подписка принимается исключительно у издателя Петра Андреевича Гильтебрандта, Петербургъ, Надеждинская, 36.

Продолженіе списка подписчиковъ будетъ приложено къ пятой книгѣ „Словаря“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

Газета общественная, политическая и литературная.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Редація имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Вахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Балкахъ, Верхнедніпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадлчѣ, Грайворонѣ, Геничевѣ, Глуховѣ, Грозномѣ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомирѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Королевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кислводскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитопольѣ, Маріупольѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-Осколѣ, Оболеніи, Орѣ-Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Припугахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таганрогѣ, Уманіи, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Теодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногор. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета, № 7.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

ТИПОГРАФІЯ И ЛИТОГРАФІЯ

ОКРУЖНАГО ШТАБА

Нѣмецкая ул.,
№ 26.

Театрал. пер.,
№ 1.

ПРИНИМАЕТЪ ВСЯКАГО РОДА ТИПО-ЛИТОГРАФСКІЯ РАБОТЫ

ПЕЧАТАНІЕ:

периодическихъ изданій,
отдѣльныхъ книгъ, брошюръ,
счетовъ, бланковъ, проейсъ-курантовъ,
афишъ, винныхъ, водочныхъ
и праличныхъ ярлыковъ,
чайныхъ этикетовъ,
похвальныхъ листовъ,
монограммъ и т. п.

Скорочетными машини
и каллиграфическими перомъ

Литографическими машини
и каллиграфическими перомъ

Обиліе типографскаго матеріала и разнообразіе шрифтовъ, а Литографія состоитъ изъ хорошихъ гравировъ даютъ полную возможность производить работы въ условленный срокъ и по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

ПРИ ТИПО-ЛИТОГРАФИИ ИМѢЕТСЯ

ПЕРЕПЕЛЕТНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ.

Пріемъ заказовъ ежедневно отъ 8 час. утра до 5 пополудни, кромѣ праздниковъ: Гг. иногородные благоволятъ адресовать заказы письменно: Харьковъ, въ Типографію Окружнаго Штаба

ОТЪ СОВѢТА ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА.

Православное Миссіонерское Общество, состоящее подъ Всемилостивѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, имѣетъ цѣлю содѣйствовать Православнымъ миссіямъ въ дѣлѣ обращенія въ Православную вѣру обитающихъ въ предѣлахъ Русской Имперіи нехристіанъ и утвержденія обращенныхъ какъ въ истинахъ св. вѣры, такъ и въ правилахъ христіанской жизни.

Содѣйствіе Общества, первоначально обращенное въ миссіямъ въ предѣлахъ восточной Россіи, постепенно расширяется и въ настоящее время простирается уже и на другія части Имперіи, какъ-то: на Кавказъ и Туркестанскій край, и даже на сопредѣльную намъ съ востока Японію.

Совѣтъ Общества, обращая вниманіе христіолюбивыхъ жертвователей на Православную миссіонерскую дѣятельность, все болѣе и болѣе развивающуюся сообразно потребностямъ Церкви и Отечества, усерднѣе проситъ ихъ не оставлять своимъ содѣйствіемъ и посильными жертвами святое дѣло распространенія Православія между язычниками.

При семъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что кромѣ кружечъ, учрежденныхъ на этотъ предметъ Святѣйшимъ Синодомъ по всѣмъ церквамъ Имперіи, ежегодно раздаются отъ Комитетовъ Общества уполномоченнымъ лицамъ, преимущественно изъ духовенства, подписные листы или книжки для сбора членскихъ взносовъ и единовременныхъ пожертвованій, которыя и доставляются въ мѣста, назначенныя Комитетами. По Московской епархіи уполномочены Совѣтомъ принимать пожертвованія настоятели церквей и монастырей и начальники духовно-учебныхъ заведеній, которые имѣютъ для сего подписные листы за печатью Совѣта. Собранныя по нимъ суммы отъ настоятелей приходскихъ церквей препровождаются *черезъ отцовъ благочинныхъ*, а начальникамъ монастырей и духовно-учебныхъ заведеній непосредственно отъ себя на имя Совѣта къ *казначеему* онаго, Коммерціи Совѣтнику Василию Димитріевичу Аксенову (Москва, Космодамианскій переулокъ, Носовское подворье, амбаръ братьевъ Аксеновыхъ). Приемъ пожертвованій ежедневенъ отъ 1 до 4 часовъ по полудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Ему-же доставляются и *личныя денежныя* пожертвованія на Православное Миссіонерское Общество, а также и члену Совѣта, за вѣдующему письменною частію, священнику Казапской, у Калужскихъ воротъ, церкви Виктору Тимоѣевичу Покровскому, который принимаетъ въ канцеляріи Совѣта (д. означенной церкви, Якимовской части, 2 участка), въ присутственные дни, отъ 9 до 12 часовъ утра, *личныя* пожертвованія *какъ деньгами, такъ и вещами* (какъ-то: иконы, богослужебные сосуды и облаченія, книги и другіе предметы, жертвуемые для миссіонерскихъ церквей).

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ:

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

къ составленію

ДОМАШНЯГО ДУХОВНАГО ЗАВѢЩАНІЯ

Согласно закону, узаконеніямъ науки права и разрѣшеніямъ Правительствующаго Сената.

Составилъ В. А. Бѣлинскій.

Харьковъ. 1884. Цѣна 1 руб. Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

Главный складъ изданія у автора книги: въ г. Харьковѣ, по Средне-Гончаровской улицѣ, въ домѣ подъ № 4.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою листокъ для Харьковской епархіи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ нумеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.